ROMOVE. ARCHEOLOGIČESKOE IZSLEDOUANIE

РОМОВЕ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

А. Ѳ. Мѣржинскаго.

(Изъ Трудовъ X. Археологическаго Съѣзда. Т. I.)

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и А. Гешеля,
преемн. Э. ЛИССНЕРА и Ю. РОМАНА.
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.
1899.

Печатается на основаніи постановленія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Предсѣдатель Графиня УВАРОВА.

Ромове.

Археологическое изслѣдованіе А. Ѳ. Мѣржинскаго.

Введеніе.

Нами былъ уже разобранъ въ статьѣ „О надровскомъ жрецѣ огня Криве“ [1]) одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ о бытѣ и вѣрованіяхъ литовскаго племени, въ частности Пруссовъ, т.-е. вопросъ о мнимомъ верховномъ жрецѣ всего литовскаго культа, Криве; въ настоящемъ трудѣ мы постараемся, насколько позволятъ скудные источники, по возможности точно разрѣшить другой вопросъ, — о мнимомъ средоточіи вышеназваннаго культа, т.-е. о Ромове [2]).

Я съ тѣмъ большимъ рвеніемъ принялся за разработку этого вопроса, такъ какъ мнѣ было передано предсѣдателемъ Императорскаго Археологическаго Общества, графиней Прасковьей Сергѣевной Уваровой, что въ Бозѣ почившему Государю Императору, Александру III угодно было указать на необходимость разработки вопроса о Ромове.

По данному вопросу до настоящаго времени можно назвать лишь одинъ серьезный источникъ, а именно — хронику Дусбурга. Нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ о Ромове, являются главнымъ основаніемъ для нашего изслѣдованія.

Petri de Dusburg, Ordinis Teutonici Sacerdotis, Chronicon Prussiae etc. ed Christophorus Hartknoch. Ienae 1679. Lib. III, c. V. — Критическое изданіе съ примѣчаніями сдѣлано М. Теппенъ, подъ заглавіемъ: „Chronicon Terre Prussie“ въ „Script. Rer. Prussicarum“ Bd. I. 1861. Отсюда перепечатана выдержка въ „Źródłach do Mytologii Litewskiej“, Варшава 1896.

Въ началѣ XVI в. (1526) извѣстнымъ монахомъ Грунау была написана хроника, изданная въ 1875 году въ Лейпцигѣ Перльбахомъ, подъ заглавіемъ: „Simon Grunau's Preussische Chronik“.

Въ различныхъ мѣстахъ хроники находимъ подробное описаніе Ромове и находящихся тамъ священныхъ предметовъ. Такъ какъ хроника эта служила главнымъ и, можно сказать, единственнымъ источникомъ для всѣхъ послѣдующихъ авторовъ, сообщающихъ свѣдѣнія о Ромове, то мы сдѣлаемъ ниже критическій разборъ сообщеній хроники Грунау по каждому частному вопросу въ отдѣльности; по нѣкоторымъ, требующимъ подробнаго изслѣдованія, пунктамъ въ концѣ настоящаго труда будутъ при-

[1]) Труды IX Археологическаго съѣзда въ Вильнѣ 1893 г.

[2]) Съ цѣлью разысканія источниковъ и пособій для разработки этого вопроса, равно какъ и вообще по литовской миѳологіи, я посѣтилъ Кенигсбергъ, Гданскъ, Фрауенбургъ, Браунсбергъ, затѣмъ Берлинъ и Вѣну. Начальство библіотекъ вездѣ оказывало мнѣ любезнѣйшее содѣйствіе, за которое считаю долгомъ выразить мою искреннѣйшую благодарность.

соединены „Приложенія“, принимающія иногда даже видъ особыхъ монографій. Мы вынуждены поступить такимъ образомъ въ виду отсутствія моиографій по данному вопросу; ибо если и существуетъ какая-либо, то, не будучи основана на критической разработкѣ матеріала, она не возстановляетъ исторической истины и лишена поэтому научнаго интереса (см. напр. Bender'а, ниже).

Изъ авторовъ, описывавшихъ Ромове по сообщеніямъ Грунау, главнѣйшіе слѣдующіе.

1) Lucas David. Preussische Chronik etc., herausgegeben von Ernst Hennig. Königsberg 1812.

2) Caspar Henneberger. Kurtze Beschreibung des Landes zu Preussen. Königsberg 1584.

3) Тотъ же. Erklärung der preussischen grösseren Land-Taffel oder Mappen etc. Durch Casparum Hennebergerum. Königsberg 1595.

4) Caspar Schütz. Historia rerum Prussicarum. Das ist Wahrhafte und eigentliche Beschreibung des Landes Preussen. Zerbst 1592, Leipzig 1599.

5) M. Waissel. Chronica Alter Preussischer, Eifflendischer etc. Historien. Königsberg 1599.

6) Christophorus Hartknoch въ диссертаціяхъ, приложенныхъ къ его изданію Дусбурга, именно въ Dissert. VI p. 109, а также въ сочиненіи „Altes und Neues Preussen“, Frankfrt. 1685, даетъ подробное описаніе Ромове, также, конечно, по Грунау. Хотя этотъ почтенный ученый и критикъ и выражаетъ сомнѣніе относительно нѣкоторыхъ сообщеній Грунау о Ромове, однако онъ не приходитъ ни къ какому окончательному заключенію и идетъ по слѣдамъ своего источника.

7) Значительный шагъ впередъ дѣлаетъ извѣстный прусскій историкъ Voigt: „Geschichte Preussens“ Bd. I. Königsbrg. 1827, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего сочиненія упрекаетъ даже Грунау въ недостовѣрности сообщенныхъ данныхъ; тѣмъ не менѣе въ описаніи Ромове и его священныхъ предметовъ и онъ слѣдуетъ за своимъ предшественникомъ. Voigt однако предполагаетъ, что хотя Ромове въ извѣстный періодъ дѣйствительно являлось центромъ всего прусскаго культа, но съ теченіемъ времени каждая прусская область создала свое отдѣльное Ромове, т.-е. священное мѣсто, и своего отдѣльнаго верховнаго жреца, котораго онъ называетъ Griwe. Въ особомъ прибавленіи къ 1-му тому, p. 639—649, Voigt доказываетъ, вопреки Грунау, что центръ культа Ромове находился въ Самбіи (Samland).

8) Только Toeppen въ „Geschichte der preussischen Historiographie“, Berlin 1853. (и „Historisch-comparative Geographie von Preussen“, Gotha 1858) прямо и безусловно отказываетъ Грунау въ достовѣрности сообщенныхъ имъ историческихъ фактовъ вообще, а въ частности описанія Ромове, утверждая даже, что если Грунау и описываетъ дѣйствительный историческій фактъ, то искажаетъ его и передаетъ по своему усмотрѣнію и на свой ладъ. Что касается Ромове, то Toeppen считалъ Грунау авторитетомъ еще въ статьѣ „Geschichte des Heidenthums in Preussen“ (Neue Preussische Provincial-Blätter Bd. I и II, Königsberg 1846), сохраняющей и до нынѣ значеніе, но въ вышеуказанныхъ трудахъ онъ доказываетъ, что сообщаемыя Грунау свѣдѣнія о Ромове, а именно о существованіи пресловутой троицы высшихъ божествъ прусскихъ, не имѣютъ никакого фактическаго основанія. Несмотря на то, что Toeppen проложилъ путь къ дальнѣйшей разработкѣ вопроса, ему не удалось склонить къ своему мнѣнію послѣдующихъ авторовъ, придерживавшихся фантазіи Грунау.

9) Даже такой знатокъ языковѣдѣнія, какимъ по справедливости считается Poesche, въ сочиненіи „Die Arier“, Iena 1879, p. 117, слѣдуетъ мнѣнію, что въ Ромове былъ культъ мнимой троицы, а именно: Pykullus (?), Potrimpos, Perkunas.

10) Авторы, специально занимавшіеся прусско-литовскими вѣрованіями, также считаютъ Грунау авторитетомъ; главнѣйшій представитель этихъ ученыхъ, Bender, даже защищаетъ его въ диссертаціи „De veterum Prutenorum diis“, Brunsbergae 1865, и въ статьѣ „Zur Altpreussischen Mythologie und Sittengeschichte, Altpreussische Monatsschrift“, ed. Reicke und Wichert, т. II, 1865 г., т. IV, 1867.

11) На сообщеніяхъ Грунау основываетъ свои изслѣдованія извѣстный труженикъ по латышской исторіи и миѳологіи, Henri Wissendorf de Wissokuok, принимающій прусское Ромове за центръ культа всей литовской земли, а находившагося тамъ жреца — верховнымъ жрецомъ (Krivu-Krivaitis или Kriviu-Kriws) всѣхъ другихъ жрецовъ (Krivi), находившихся въ многочисленныхъ, разсѣянныхъ по всей прибалтійской землѣ Ромове. Слѣдуя личному мнѣнію Дусбурга, Wissendorf утверждаетъ, что во всей этой землѣ господствовало теократическое правленіе подъ главенствомъ названнаго Krivu-Krivaitis. Вмѣсто Ромове онъ пишетъ послѣдовательно Рамава (Ramawa); см. „Notes sur la Mythologie des Lataviens. Extrait de la Revue des Traditions Populaires“. Paris 1893, p. 14–15.

Несмотря на то, что выводы обоихъ названныхъ авторовъ совершенно противоположны тѣмъ, къ какимъ пришли мы, мы считали своею обязанностью указать на ихъ труды, какъ на заслуживающіе должнаго вниманія.

Монографіи о Ромове разбираютъ преимущественно вопросъ о мѣстоположеніи мнимаго центра прусско-литовскаго культа. Мы считаемъ это совершенно лишнимъ, такъ какъ Дусбургъ и даже Грунау ясно указываютъ, что Ромове лежало въ прусской области — Надровіи. Если же мы и касаемся въ настоящемъ трудѣ этого вопроса, то лишь съ цѣлью представить различныя о немъ мнѣнія и ихъ основаніе.

12) Первая такого рода монографія это — Martini Ieschke. Dissertatio de quercu Romowe, gentilibus olim Prussis sacra. Regiomonti 1674, in 4-to; перепечатана въ Acta Borussica Ecclesiastica, Civilia, Literaria etc. Bd. I, 1730, p. 518—531. Опровергая мнѣнія Гвагвина и др., утверждающихъ, якобы священный дубъ съ истуканами (который Іешке называетъ Ромове) находился на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ расположенъ городъ Heiligenbeil, авторъ приходитъ къ заключенію, что существовало два священныхъ дуба: одинъ въ Heiligenbeil, посвященный божеству Gurcho или Gorcho; другой же, съ истуканами трехъ главныхъ божествъ, находился въ Ромове, лежащемъ въ Натангіи, какъ это старался доказать уже до Іешке Геннебергеръ. Трудъ этотъ, лишенный критически разработанныхъ основаній, не имѣетъ никакого научнаго значенія.

12) На основаніи мнѣнія Voigt'a, что каждая прусская область имѣла свое Ромове и своего жреца, Винклеръ задался цѣлью отыскать мѣсто, гдѣ находилось Вармійское Ромове, и изложилъ результаты своихъ соображеній въ статьѣ: „Romowe in Warmien vom Obersteuerinspector von Winkler“. Zeitschrift für die Geschichte und Alterthumskunde Ermlands. Bd. III, Jahrgang 1864–66, Braunsberg 1866, p. 521–526. Основываясь на сообщеніи Schütz'a, p. 27: „der König (Ottokar) zog noch bei Winterszeit nach der Balga, von dannen auff Romowe oder Rikajoten (?); eroberte die feste (?) und verbrante die grosse Eiche mit sampt iren Göttern“ etc., авторъ утверждаетъ, что упомянутое Ромове было расположено въ Варміи; что именно это Ромове слѣдуетъ считать центромъ прусскаго культа, и что тутъ стоялъ священный дубъ съ истуканами трехъ высшихъ божествъ. Далѣе, желая опредѣлить, въ какой мѣстности Варміи оно находилось, авторъ указываетъ на существующій нынѣ фольваркъ Rejoten, принадлежащій къ имѣнію Pohren, свентосѣкерскаго уѣзда (Kreis Heiligenbeil), какъ на мѣсто бывшаго Ромове, на слѣдующихъ основаніяхъ: „Da ferner bei verschiedenen Chronisten ausser dem gewöhnlichen Namen Romowe, als Heiligthum, auch noch die Benennung Rikojot, Rikajot (Riks auch Reiks Heisst herscher) gebraucht wird, so dürfte wol eine Spur darauf führen,

wo ein ähnlicher Name uns entgegentritt, den von König Ottokar zerstörten Göttersitz zu vermuthen. Die Gegend, wo der Name des zu dem gute Pohren gehörigen Vorwerks Rejoten uns so bedeutsam(?) erscheint, darf uns um so mehr als das ermländische Romowe erkannt werden, als gerade in dieser richtung uns der anmarsch des Kreuzheers aus den vorhin entwickelten (strategischen) gründen erfolgen konnte".

Schütz на котораго ссылается Винклеръ, описываетъ походъ короля Оттокара въ 1245 г. изъ вармійскаго Эльбинга и Балги въ самбійское Medenowe и въ дальнѣйшіе предѣлы, — по Дусбургу, III, c. 70, ed. H., — но отъ себя прибавляетъ, чего у Дусбурга нѣтъ, якобы король разрушилъ лежавшее на этомъ пути Ромове и сжегъ дубъ съ мнимыми богами. Такое описаніе Ромове принадлежитъ Грунау, а Schütz у принадлежитъ перенесеніе Ромове Грунау изъ Надроніи въ сѣверные предѣлы Варміи и приписаніе Оттокару разрушенія его; Schütz забылъ, что это же самое Ромове съ тѣми же святынями онъ помѣстилъ уже разъ, тоже произвольно, въ отдаленной Галиндіи (fol. 3).

И вотъ на такомъ призрачномъ основаніи Винклеръ строитъ свои выводы, для оправданія которыхъ не могутъ быть достаточны никакіе стратегическіе доводы, имъ приводимые. Равнымъ образомъ ошибочна его мысль, якобы усадьба Rejoten напоминаетъ Rickoyot, т.-е. другое названіе Ромове, такъ какъ намъ извѣстно, что Rickoyot — вмѣсто Ромове — есть фантазія Грунау. До него никто не приводитъ этого названія; послѣ него оно встрѣчается лишь у его подражателей.

14) A. Rogge въ статьѣ „Der preussische Landberg, das älteste Romowe (A. P. M. Sch. XIV, p. 585—92, 1877 г.) и затѣмъ въ „Urpreussen", ibid., p. 289 sqq., утверждаетъ, что въ округѣ свентосѣкерскомъ (Heiligenbeil), а именно, между деревнями Thomasdorf и Schirten, на лѣвомъ берегу рѣчки Jarft, возвышенность, поднимающуюся на 200′ (Landberg), и слѣдуетъ считать за Ромове, гдѣ зажигали огни (Sobotki); а по „Urpreussen", стр. 293, деревню Regitten, напоминающую Rickayott, слѣдуетъ признать за мѣстопребываніе Criwe. Отсюда, послѣ занятія этой области крестоносцами, Criwe убѣгаетъ въ Самбію, гдѣ его резиденціей была деревня Romehnen (докум. 1325 г.) или Rumanove (док. 1329), позднѣе Romayn (док. 1335 г.) Rumbow (док. 1349 г.), — пока онъ снова не былъ принужденъ бѣжать въ Надровію и уже отсюда въ Литву, въ Romayn на Невяжѣ (стр. 293).

Ромове, о которомъ идетъ рѣчь, находилось въ Надроніи; а не въ Варміи; перенесенія Criwe являются произвольной комбинаціей автора, придуманной для соглашенія мнѣній различныхъ ученыхъ.

15) Friederici помѣстилъ въ Sitz. Ber. der Altertumsgesellschaft Prussia за 1875 г. статью „Das preussische Romowe", а въ A. P. M. Sch. XIII, 1876 г., стр. 228—53, другую — „Ueber die Lage Romowes oder Oberpriestersitzes im heidnischen Preussen". Правильно опираясь на авторитетъ Дусбурга, что Ромове находилось въ Надроніи, авторъ ставитъ трудный для разрѣшенія вопросъ, въ какой части Надроніи могло оно находиться. Ввиду отсутствія какихъ-либо указаній въ источникахъ, онъ основываетъ свои выводы на сходствѣ названій извѣстныхъ мѣстностей. Онъ говоритъ, что для защиты Ромове жители Надровіи, Шалавоніи и Судавіи построили крѣпость Wilow, Welow (Илава надъ Преглой); неподалеку находилась деревня Kreiwutschen, напоминающая Criwe, который могъ имѣть тутъ свою столицу; прибавляетъ однако, что это могло одинаково обозначать „Кривая деревня" (Krummsdorf); деревня же Abeliszken можетъ обозначать „деревня Abeles'a" (sic), который по L. David'y (стр. 64, примѣч.) былъ претендентомъ на должность (sic) Criwe послѣ смерти Bruten'a (!); гор. Romanuppen на рѣчкѣ Auxinne напоминаетъ Ромове. Принявъ все это во вниманіе, авторъ выставляетъ гипотезу, что весьма вѣроятно, что Romanuppen есть отыскиваемое Ромове, „In ermangelung unumstösslicher beweise für die einstige stätte Romowes scheint durch

die frühere untersuchung wenigstens bis zu einem hohen grade wahrscheinlich gemacht zu sein, dass Romanuppen an der Auxinne als der geeignetste ort anzusehen ist, wo das alte Romove sich befunden haben könne" (A. P. M. Sch., XIII, 250).

Wilow, Welow,—дѣйствительно построили для защиты отъ нападенія крестоносцевъ и Сембовъ на надровскую землю, но не спеціально для защиты Ромове. Дер. Kreiwutschen не могла быть столицей Criwe, который для оберeганія священнаго огня и для прорицаній долженъ былъ жить въ самомъ Ромове. Kreiwutschen несомнѣнно значитъ „Кривая деревня", какъ отмѣчаетъ самъ авторъ; а подобныхъ названій, образованныхъ отъ kreivas, krivas — кривой, было множество (см. Słownik Geograficzny Географическій Словарь s. v.); нѣсколько приводитъ также Sprogis въ своемъ словарѣ. — Abeliszken никоимъ образомъ не обозначаетъ деревни Абелеса. Abels, братъ жены Litphon'a, не могъ быть претендентомъ на должность Criwe послѣ смерти Брутена. Брутено не могъ умереть, такъ какъ онъ является произведеніемъ прославленнаго фальсификатора, Грунау, который вымышленныхъ Видевута и Брутена надѣлилъ властью на подобіе Моисея и Аарона. Съ другой стороны, Criwe не есть названіе должности, а имя собственное; а претендовать на несуществующую должность — смѣшно. Litpho — плодъ фантазіи Грунау; самого Abeles'a составилъ Friederici изъ Apeles'a для облегченія этимологіи „Abeliszken". Это названіе образовано отъ Abelis, Obelis — яблоня, отъ которой много мѣстностей получили названія; см. Sprogis, Словарь, и Słownik Geograficzny (Географическій Словарь) s. v. Abele, Abelin, Abeliny и т. п.

Такъ какъ Ромове слѣдовало искать въ Надровіи, то мы считаемъ обоснованной догадку, что Romanuppe на Auxinne, въ силу сходства звуковъ можетъ быть Ромове; ничего большаго не добивался самъ авторъ. Съ одинаковымъ однакожъ основаніемъ можно было бы предположить, что искомое Ромове есть другое Romanuppe на рѣкѣ Romona, въ Столупянскомъ уѣздѣ (Stallüpoenen), также находящееся въ Надровіи. Но это догадка; а положительнаго результата нѣтъ.

Затѣмъ авторъ хочетъ указать, что произошло по разрушеніи Ромове. Благодаря тому, что Tirsko, прусскій вождь, измѣннически предалъ крестоносцамъ крѣпость Welaw, часть жителей Надровіи съ Криве и идолами переселились въ сосѣднюю Литву, о чемъ якобы свидѣтельствуютъ названія: Romain (so nannte man das neue (!) heiligthum in Litauen), Welun (feste, zum schutze der heiligen insel Romayn) и, кромѣ того, названіе Кривичей (!) (landschaft Crivicie oder Kriwitzen, die domäne des litauischen Crive). Тутъ комментаріи считаемъ излишними.

Этимъ мы ограничимся. Рядъ авторовъ, перечисленныхъ выше, можно было бы пополнить еще писателями польскими, каковы: Stryjkowski, Kojałowicz, Murinius, Narbutt, Kraszewsk , равно какъ литовскими, напр. Dowkont, и русскими; но это не увеличило бы качественно матеріала, такъ какъ со времени Грунау вездѣ находимъ одно и то же съ различными видоизмѣненіями.

Другіе источники, какъ народное преданіе, и вспомогательныя сочиненія, бросающія хотя бы лучъ свѣта на нашъ вопросъ, будутъ указаны при изложеніи въ надлежащемъ мѣстѣ.

Ромове.

§ 1. Первымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ серіознымъ источникомъ является хроника Дусбурга, которая гласитъ, что въ мѣстности (locus) Romow[1]), находящейся въ Надровіи, жилъ главный жрецъ, охраняющій вѣчный огонь въ этомъ же Ромове; что къ нему приходили узнавать, не видѣлъ ли онъ покойника, отправляющагося въ загробный міръ; что здѣсь послѣ побѣды сжигали третью часть добычи, вручаемой жрецу, въ жертву богамъ. Этимъ ограничиваются сообщенія хроники Дусбурга.

Спустя два столѣтія, въ началѣ XVI в. (1526 г.), хроника Грунау сообщаетъ, что въ Пруссіи, въ мѣстности, называемой Rickojot[2]) или Romowe[3]), стоялъ дубъ громадной величины[4]), зеленѣвшій лѣтомъ и зимой; дубъ этотъ раздѣлялся на три равныя части, и въ каждой изъ нихъ, какъ будто въ искусственномъ окнѣ, стоялъ идолъ[5]); одинъ изъ нихъ изображалъ „Perkuno", другой „Patrympo", третій „Patollo". Передъ Perkuno, какъ говоритъ Грунау въ одномъ мѣстѣ (p. 78), или же передъ всѣми тремя идолами, какъ упоминаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (p. 89), горѣлъ неугасаемый пламень. Въ одномъ или трехъ шагахъ отъ дуба, на высотѣ семи локтей отъ земли, были повѣшены завѣсы (tuchir, — платы), за которыя никто не имѣлъ права входить, кромѣ „Kirwaito" и главнѣйшихъ вайделотовъ. Если же приходили другіе, то для нихъ раздвигали завѣсы. Вокругъ дуба жили въ палаткахъ или хижинахъ вайделоты[6]).

Относительно достовѣрности сообщеній Дусбурга мы уже неоднократно высказывали свое мнѣніе[7]), равно какъ и относительно извѣстій монаха Грунау[8]). Мы не измѣняемъ нашего взгляда на обоихъ этихъ писателей и теперь; напротивъ, мы постараемся еще болѣе обосновать его относительно Грунау при разборѣ сообщаемыхъ послѣднимъ подробностей о Ромове, составляющихъ главнѣйшую часть настоящаго труда.

Такъ какъ со времени полнаго разгрома и обезлюденія Надровіи въ 1275 г. до окончанія хроники Грунау прошло слишкомъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, а христіанство немедленно уничтожало вещественные памятники язычества, вырубая священныя рощи или отдѣльныя священныя деревья, — то Грунау никоимъ образомъ не могъ не только

---

1) Такъ пишетъ Дусбургъ. Такъ какъ намъ неизвѣстно ни одной мѣстности прусской или литовской съ окончаніемъ — ow, то, по аналогіи съ другими мѣстностями, напр. Velove и т. д., мы принимаемъ написаніе Romowe. См. § 2 въ концѣ.

2) «Sie (т.-е. боги) auch wellen, und die wonungk des Kirweiden mit seinen waydlotten und der gotte sollen heissen Rickoyott» и т. д. Grunau, стр. 89; Rickoyto — стр. 62.

3) «Er (Болеславъ Храбрый) zogk ken Rickoyott addir Romowe», Grunau, стр. 80; «Sie baueten Rickoyo aber Romowe» (Romewo-очевидно ошибка), стр. 81. — Названіе Romowe взято несомнѣнно у Дусбурга III, 5.— Rickoyot, Rickoyoto и т. п. есть выдумка Грунау. Отъ корня rik производятся rikis, riks — господинъ, прусс. rikaŭt, литовск. rikauti — господствовать; а такъ какъ — ot, лит. — uotas, образуетъ имена личныя, то Rickoyot не можетъ обозначать «herrensitz», жилище господина. Правда, намъ извѣстно Biota, названіе литовскаго озера, но образованіе этого слова неизвѣстно. — О rikis и производныхъ отъ корня rik см. Nesselmann, «Thes s. v.» Есть также rikauti — шумѣть, кричать, веселиться; но тутъ значеніе этого корня rik должно быть другое; см. Nesselmann, Wört. L. Spr. стр. 449.

4) «In einer eichen, dy 6 elen dicke war.» Грунау, стр. 62; должно быть, 6 локтей въ діаметрѣ. Помѣщеніе боговъ въ отверстіяхъ дуба не мѣшаетъ ему писать далѣе. «Bruteno im mit seinen götthin eine sonderliche wonungbaute». Gr., стр. 62.

5) Und die eiche war gleich in drei teil geteilet, in iglichem, wie in eim gemachten fenster, stundt ein abgott», Gr. стр. 78.

6) Тамъ же.

7) Въ послѣдній разъ въ «Źródła do Mytologii Litewskiej, II, 1—3.

8) «Nuncius cum baculo», Варшава; 22—25; см. «Wisła», томъ IX.

не видѣть эти столь подробно описанные имъ памятники, но даже не застать при жизни своей ихъ остатки; слѣдовательно, свѣдѣнія о нихъ онъ долженъ былъ почерпнуть изъ какихъ-либо другихъ источниковъ. Тѣ же источники, на которые онъ ссылается, почти всѣ намъ извѣстны; но въ нихъ нигдѣ нѣтъ описанія Ромове. Только одна хроника епископа Христіана, на которую Грунау часто ссылается, неизвѣстна намъ по той простой причинѣ, что ея никогда не существовало; она является чистымъ вымысломъ Грунау. Хроника же Ярослана плоцкаго и Дневникъ Дивониса, которыми якобы пользовался епископъ, вымышлены единственно съ цѣлью придать достовѣрность существованію и авторитету хроники Христіана[1]). Остается такимъ образомъ предположить, что и описаніе Ромове также представляетъ плодъ собственной фантазіи Грунау.

Такой отрицательный результатъ даетъ намъ полное право отказать Грунау въ достовѣрности всѣхъ его сообщеній. Но иногда и фантастическія произведенія создаются на почвѣ дѣйствительности; а Грунау отличается свойствомъ возсоздавать по крупицѣ истины совершенно вымышленное цѣлое. Поэтому мы разложимъ сообщенное имъ описаніе на составныя части и, разбирая ихъ поочередно, постараемся выяснить, что́ изъ нихъ слѣдуетъ признать заслуживающимъ довѣрія, и что́ слѣдуетъ отбросить, какъ ошибочное. Пробнымъ камнемъ въ данномъ случаѣ послужитъ Дусбургъ; затѣмъ, — нѣсколько замѣчаній, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ у позднѣйшихъ, заслуживающихъ довѣрія писателей; наконецъ — преданіе. Такимъ путемъ мы найдемъ и опредѣлимъ основаніе для возможнаго рѣшенія нашей задачи.

§ 2. Дусбургъ ясно свидѣтельствуетъ, что Ромове находилось въ Надровіи, и выраженіе его „scilicet in Nadrovia" можетъ служить доказательствомъ, что онъ справлялся о мѣстоположеніи Ромове. Равнымъ образомъ и Грунау въ концѣ концовъ признаетъ, что оно находилось въ Надровіи[2]).

Несмотря на такое ясное указаніе, какое даетъ Дусбургъ, нашлось немало писателей, которые, не нашедши никакого Ромове въ Надровіи, усматривали его или въ мѣстности со сходнымъ названіемъ внѣ Надровіи, или же тамъ, гдѣ по преданію находился какой-нибудь священный дубъ. А такъ какъ они вмѣстѣ съ тѣмъ придерживались ошибочнаго мнѣнія, что существовало одно лишь Ромове, бывшее религіознымъ центромъ не только для Пруссіи, но и для всѣхъ литовскихъ земель и сосѣднихъ язычниковъ, — то они не колебались признавать таковымъ центромъ каждый свое Ромове. Такъ, напр., Геннебергеръ, заставшій вблизи Schippenbeil, въ прежней Натангіи, деревни Rohusdorf и Rykgarben, устанавливаетъ центръ культа здѣсь, остроумно доказывая свое мнѣніе тѣмъ, что Rohusdorf и Rykgarben весьма сходны съ Romowe и Rickajot; что на мѣстѣ прежняго храма (?) въ Ромове, посвященнаго мнимымъ тремъ главнымъ божествамъ, или по близости, впослѣдствіи былъ построенъ монастырь во имя Св. Троицы (Trifaltigkeit); что раньше эта мѣстность называлась Podollen, безъ сомнѣнія отъ имени божества Patollo; наконецъ, тѣмъ, что Дусбургъ ошибочно напи-

1) Toeppen: «Geschichte der Preus. Hist.», p. 178—181; «Nuncius c. baculo», 22—25.

2) «In diesem lande (Nadrowien) hott auch vorzeiten inne gelegen ein Rickoyott do ist eine stelle der geistlichkeit nach ihrem unglauben im ihrtumh», p. 36; «So hett berufft Widewuto der koningk alle mennung des volcks uff Nadrowien vor-eine mechtige eche», p. 87.—«Um den ort wo sich alle diese heiligthümer zusammenfinden sollten, ist Grunau im zweiten tractat verlegen; denn da seine Scandianer von der Ostsee über das frische haff kommen und ihren hauptsitz an dessen küsten aufchlagen, so war es ihm unbequem das hauptheiligthum in dem entfernten Nadrauen, wo es nach Dusburg lag, anlegen zu lassen. Er nennt also den ort vorläufig gar nicht und gesteht es erst im dritten traktat, dass es wirklich Nadrauen gewesen sei». Toeppen, «G. P. H.» 191—2. — Въ пользу Надровіи высказывается также Lukas David, стр. 21; равнымъ образомъ и M. Waissel, стр. 17, пишущій вмѣсто Romowe — Romoüe; Friederici, «Ueber die lage Romows» и Ewald, «Die Eroberung Preussens durch die Deutschen», I, стр 143.

салъ Nadrovia вмѣсто Natangia[1]. — Гарткнохъ, убѣжденный доводами Геннебергера, желаетъ примирить мнѣніе послѣдняго съ Дусбургомъ и для этого произвольно расширяетъ южныя границы Надровіи, включая въ нихъ помянутыя деревни Rohmsdorf и Rykgarben[2]). Гарткноху слѣдовало много писателей, каковы, напр., Ostermeyer[3]) и Baczko[4]). — Caspar Schütz[5]), съ своей стороны, разсмотрѣвъ карту Пруссіи Генриха Зееля[6]) (библіотекаря герцога Альбрехта прусскаго), гдѣ отмѣчена въ Галиндіи какая-то деревушка Rom, Rumi, принимаетъ за мѣсто пресловутаго центра культа эту именно деревушку. Словомъ, при опредѣленіи мѣстоположенія, руководящей нитью было тожестно или сходство звуковъ наименованій.

Другіе писатели, подчеркивая главнымъ образомъ „священность" дуба, принимали за Ромове ту мѣстность, гдѣ по преданію росло такое дерево, — и прежде всего — священный дубъ, — не обращая вниманія, носила ли эта мѣстность наименованіе Ромове, или нѣтъ. А такъ какъ въ Heiligenbeil (въ Варміи) находился извѣстный дубъ, которому преданіе приписывало тѣ же качества, какими якобы обладалъ дубъ въ Ромове, то Daubmann[7]), а за нимъ Marcin Murinius[8]) и Guagnin[9]), перенесли мнимый центръ культа въ эту мѣстность; такъ же поступили Стрыйковскій[10]) и его компиляторъ Кояловичъ[11]).

Такимъ образомъ оставленіе безъ вниманія дѣйствительнаго источника, или же желаніе поправить его — привели къ путаницѣ понятій, такъ что въ концѣ концовъ возникли сомнѣнія, слѣдуетъ ли Ромове называть мѣстность (locus у Дусбурга), какъ указываетъ источникъ, или же — дубъ съ священными предметами или съ какимъ-либо вымышленнымъ святилищемъ; были наконецъ и такіе, которые именемъ Ромове опредѣляли и мѣстность и дубъ.

Уже Грунау положилъ начало этой путаницѣ, называя дубъ и жилище Криве и его вайделотовъ словомъ, изобрѣтеннымъ имъ самимъ, — Rickoyto[12]); этимъ же словомъ онъ опредѣляетъ всю мѣстность вмѣстѣ съ помянутымъ священнымъ дубомъ[13]), и наконецъ ни съ того, ни съ сего, называетъ эту мѣстность еще другимъ названіемъ:

---

1) Henneberger, «Erklar. s. v. Trifaltigkeit», стр. 464—5; срав. Hartknoch, D. VI, стр. 121—2.

2) Dissert, VI, § 11, стр. 122: «Nadroviam olim etiam cis Pregelam, sive ad ripam Pregelae australem fuisse extensam, ita ut et Romovam intra fines suos contiueret, etiamsi hodie vulgo in Natangia censeatur»; см. Voigt «Geschichte Preussens», I, 161.

3) «Kritischer Beitrag zur altpreussischen Religionsgeschichte», p. 42—3.

4) «Geschichte von Preussen», Bnd I, p. 160.

5) «Historia Rerum Pruss. oder Wahrhaffte Beschreibung etc., fol. 3: Romowe im Galinderland.

6) Это первая карта, спеціально посвященная Пруссіи; она была приложена къ «Theatrum Orbis Terrarum» Авраама Ортеліуса въ 1570 г., а впослѣдствіи къ первому изданію Schütz'а, Zerbst, 1592.

7) «Kurtzer Auszug der preussischen Kroniken etc.», Königsberg, 1566, in 4-to, въ началѣ.

8) Wojcicki, «Biblioteka Starożytna», Warsz. 1844, т. IV, стр. 10; см. «Henneberger, Erklar.», стр. 464.

9) «Prussiae Descriptio» (Elzev.). 1642, стр. 297.

10) Варшавское изданіе, стр. 142—3.

11) «Historiar. Lituan.», pars I, lib. I, p. 21; цитата изъ Гартвноха l. l. p. 119. Сравн. Voigt, «Gesch. Preuss.», I, стр: 160—1; на стр. 160 онъ касается также въ свою пользу упрека, неосновательно сдѣланнаго Дусбургу, якобы послѣдній ошибся, написавъ вмѣсто Natangia — Nadrovia. Упрекъ основанъ на словахъ: «Fuit autem in medio nacionis hujus perverse, scilicet in Nadrovia, Romow», а Надровія не находилась въ самой серединѣ Пруссіи. Не слѣдуетъ однако такъ подчеркивать «in medio»; это можетъ обозначать — среди, посреди, in mitten, а не in der mitte, въ самой серединѣ.

12) «Diese eiche und die wonung des crywen adir Kyrwaiden mit allen seinen waidolotten, das woren priester, sie nantten Rickoyto». Grunau, p. 62; см. § 1, прим. 2.

13) «Seine göthe zu Rickoyott... iren crywen ken Ryckoyto schicken»... «den zu Rickoyotto sie nannten Kirwaito», p. 70; ...«Bey den Kirwaiden zu Rickoyott viel waidler waren»... «So imandt war und seinen bilde zu Rickoyott eiu erungk gelobet hatte» .. «man quam ken Rickoiot» . «ehreu den zu Rickoyott . » Grunau, p. 94.

„Rickoyott, или Romove“[1]), (о которомъ досихъ поръ не упомянулъ) и помѣщаетъ ее въ Надровіи[1a].

Waissel называетъ и мѣстность, и жилище боговъ — Romowe[2]). Praetorius[3]) самъ не имѣлъ яснаго представленія о дѣлѣ и съ видимымъ колебавіемъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что Ромове — мѣстность, а въ другомъ, — что такъ называли дубъ особаго вида, по которому его считали священнымъ; затѣмъ, — что сростаться такимъ особымъ образомъ, — по-старо-прусски значитъ Romiu (?) и Rombiu, Rombothi (можетъ быть rombûti); что „Rombotha“ (?) — значитъ дерѣво, выросшее такимъ образомъ, по какому узнавали, что въ немъ пребывало божество; что въ небудзынскомъ приходѣ росла ель такого рода, — „rumbota egle“, которую чтили, какъ святыню, а пилигримы, отправляясь къ ней, говорили: Eikim Rombhowa“, и что эти слова для удобства произношенія измѣнились въ „Eikim Rommowa“[4]); что въ саду его въ Небудзынѣ росла такого рода груша, и ее называли „Rombhota Krauszis“ (должно быть, rombûtas krauszis).

Отъ неизвѣстнаго мнѣ изъ другихъ источниковъ слова romboti, rombûti, — можетъ быть parf. perf. pass. rombotas, rombûtas; слѣдовательно, rombûtas aužůlis, rombûtas krauszis, rombûta egle, — означало бы дубъ, грушу, ель, выросшія особымъ образомъ. Этимъ однако не объясняется форма Rumbhową, или собственно Rombuwą vel Rumbuwą. Зная съ полной увѣренностью, что священныя деревья называются „жилищемъ боговъ“, а buwas означаетъ жилище, обиталище, butas же — домъ, сѣни, — rombuwas и rombutas можно перевести буквально — „священное жилище“.

Инымъ путемъ направился Voigt. Отыскавъ въ документахъ, что вблизи западнаго берега Самбіи, у моря, находится деревня Romehnen, которую документъ отъ 1315 г., называетъ Rummowe, а док. отъ 1335 г. — Romayn; что близъ нея было священное поле, далѣе священный лѣсъ и кромѣ того мѣсто, носящее названіе Brandtstat (пепелище), — Voigt безъ колебаній переноситъ именно сюда средоточіе культа[5]). Указанія знаменитаго историка неоспоримы; ошибка заключается лишь въ томъ, что онъ вообще предполагаетъ для всей Пруссіи центръ культа, хотя и на извѣстный лишь періодъ времени[6]). Въ другомъ мѣстѣ этотъ же ученый говоритъ, что кромѣ этого древняго священнѣйшаго мѣста были и другія, носившія такія же или похожія на Ромове названія; и можетъ быть, вездѣ, гдѣ жилъ какой-вибудь Griwe[7]) и поблизости находился священный лѣсъ, — эти названія имѣли то же значеніе блаженнаго спокойствія и глубокаго молчанія, какое имѣло главное Ромове[8]). Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ приводитъ двѣнадцать названій мѣстностей, похожихъ на Ромове, расположенныхъ въ разныхъ сторонахъ Пруссіи[9]).

---

1) См. § 1, прим. 3;

1a) См. § 2, прим. 1.

2) «Chronica», p. 18: «die stelle da die grosse eiche stund, do die drey abgötter woren und da der hohepriester wohnte, dieselbe hiessen sie Romoüe nach der stadt Rom»; a p. 17: «haben die wonung (der götter) genennet Romoüe.

3) Buch IV, c. I, § 8 и c. II, § 1, рукопись. Pierson этого не напечаталъ; въ приложенія I приведены слова оригинала.

4) Buch IV, c. 2, § 3. Прилож. I.

5) Band I, p. 640—644.

6) Und es scheint also die behauptung gewagt werden zu können, dass es für die zeiten, von welchen die sage spricht, auch in der that nur Ein Romove für Preussens sämmtliche bewohner gegeben habe». I, стр. 161—2.

7) Такъ пишетъ Voigt имя Criwe, обосновывая свое мнѣніе — I, стр. 696—708; даже Griwe Griwaito; ibid, стр. 144.

8) «Vielleicht hatte jeder ort, wo ein Griwe seinen wohnsitz und ein naher heiliger wald ein heiligthum der götter umschloss, dieselbe bedeutungsvolle bezeichnung». Ibid, I, стр. 596.

9) Ibid, примѣч. 1.

Но названія мѣстностей, происходящія отъ корней ram, rom, rum, были распространены не только въ Пруссіи, а и на Жмуди и въ верхней Литвѣ. Уже Дусбургъ упоминаетъ Romene въ Auxtote съ многозначительнымъ эпитетомъ: villa sacra[1]). Въ Географическомъ словарѣ Спрогиса[2]), въ которомъ, по древнимъ актамъ XVI в., исчислены географическія названія жмудской земли, мы находимъ значительное число такого рода названій, равно какъ и въ спискѣ населенныхъ мѣстъ Ковенской губ.[3]); не мало ихъ и въ Виленской губ.[4]). Весьма важное Варшавское изданіе Słownik Geograficzny Tom IX („Географическій Словарь"), приводитъ множество ихъ въ Пруссіи и Литвѣ. Къ этому слѣдуетъ прибанить, что нѣкогда вся территорія вдоль нижней Виліи, Нѣмана и нижней Невяжи съ незапамятныхъ временъ называлась Romayne[5]).

Безъ сомнѣнія, значительная часть перечисленныхъ въ упомянутыхъ источникахъ и трудахъ мѣстностей могла быть основана послѣ введенія христіанства, заимствуя свое названіе или отъ имени собственнаго, какъ напр., Романъ, Ромейко и т. п., или же отъ главнаго селенія, котораго онѣ были хуторами. Но во всякомъ случаѣ остается не малое число, восходящее къ временамъ языческимъ. Поэтому интересной задачей для спеціалистовъ было опредѣленіе значенія корня, отъ котораго было произведено столько именъ и названій. Сдѣланы были попытки въ этомъ направленіи, и пришли къ тому выводу, что имена и названія эти произведены отъ того же корня, что и ramas, romas — спокойствіе[6]). Мы постараемся точнѣе обосновать этотъ выводъ, предоставляя окончательное рѣшеніе суду знатоковъ-лингвистовъ.

Словами, произведенными отъ упомянутаго корня, обозначали:

1) всю территорію жмудскую, Romaine terra, regio;

2) островъ при впаденіи Дубиссы въ Нѣманъ;

3) большее число деревень, хуторовъ въ Пруссіи, Литвѣ и у Латышей (Лифляндіи), Ramoten circa Swanenfeld[7]), Ramothen villa[8]) въ Пруссіи; Romene[9]) въ Литвѣ; Romini на Жмуди; Rohmeskalna, Ruhmene, Ramkau, Ramkas въ латышской землѣ.

4) рѣки Rominta, Romene въ Пруссіи;

5) озера — Roma lacus[10]) Romitten see въ Пруссіи;

6) лѣса — Rominterwald и т. д. въ Пруссіи.

Ежели столько различныхъ предметовъ получили названіе отъ корня Ram, то, предположивъ, что корень у нихъ одинъ и тотъ же, общее его значеніе должно быть такое, которое соотвѣтствовало бы качествамъ и признакамъ этихъ предметовъ. Даже такіе случаи, что, напр., лѣсъ (Rominte) получилъ названіе отъ рѣки (Rominte) или наоборотъ, — не могутъ слишкомъ вліять въ смыслѣ съуженія границъ значенія корня.

---

[1]) «...versus Austechiam..., in qua villam, dictam Romene, que secundum ritus eorum sacra fuit, combussit». Dusburg, III, 259 (252).

[2]) Вильно, 1888 г.

[3]) Ковно, 1892 г.; такихъ названій около 55; за присылку этой полезной книги приносимъ искреннюю благодарность г. Гуковскому.

[4]) Какъ мы имѣли возможность убѣдиться изъ ненапечатанныхъ матеріаловъ, любезно доставленныхъ и ввѣренныхъ намъ гр. Адамомъ Плятеромъ. за что просимъ принять нашу благодарность.

[5]) «Terra», Wigand, стр. 584, 560 въ «Sc. R. Pr.» II; «Regio Romagyn», Herm. de Wart, стр. 92 («Sc. R. Pr. II).

[6]) Rhesa de religionis christianae in Lith-gente primordiis. Programma. Regiomonti. 1819, стр. 15. «Romas enim et ramus, adjectiva lithuanica, vim quietis et silentii indicant»; за нимъ повторяетъ Voigt, I, 596, прим. 1, и другіе писатели.

[7]) Cod. Dipl. Warm., т. I, стр. 499, № 310.

[8]) Ibid, т. II, стр. 529, № 497; Cod. Pruss., III, стр. 162.

[9]) Dusburg, III, 259 (252).

[10]) Cod. Pruss., II, 53; другія см. «Słownik Geograficzny T. IX (Географическій Словарь)» томъ IX s. v).

Кромѣ того, отъ того же корня производятся существительныя и прилагательныя, существующія до сихъ поръ въ живомъ литовскомъ языкѣ, какъ напр., литовское ramus — спокойный; romas — тишина, спокойствіе; romus и ramus — тихій, спокойный, блаженный; ramуne, romybe — нѣжность, благость; rimti — быть спокойнымъ; ramyti — успокаивать и т. п.; латышское rahms — спокойный, прирученный, переносное значеніе — набожный; raminti — покоить, т.-е. хоронить; прусское rams — добронравный (sittig)[1].

Итакъ, основное значеніе этого корня — спокойствіе, — въ страдательномъ значеніи „быть спокойнымъ", въ дѣйствительномъ — „успокоивать, смягчать", и т. п. Если прибавить къ корню rom- суффиксъ ovja = ove[2]), получится Romowe, — мѣсто спокойствія или успокоенія, умилостивленія, напр., боговъ; отсюда — мѣсто богослуженія, священное мѣсто и т. д.

Въ самой Пруссіи есть большое количество населенныхъ мѣстъ съ названіями, оканчивающимися на -ove; въ одномъ только самбійскомъ документѣ находимъ слѣдующія: Quedenove, Bledove[3]), Geydove, Sabenove, Labegove, Bonove, Lynthove, Sunegove, Velove, Grebove, Rudove, Kaymelabegove[4]), въ другомъ: Valdove, Dragedove[5]).

Примѣняя результатъ къ названіямъ мѣстностей, произведеннымъ отъ Ram, перечисленнымъ выше, мы приходимъ къ заключенію, что они должны обозначать или спокойную страну, островъ и т. п., т.-е. вообще затишье; или же спокойную рѣку, озеро; въ переносномъ значеніи — блаженное, святое; въ активномъ значеніи — мѣсто, приносящее покой, успокоеніе.

Изъ всѣхъ мѣстностей, произведенныхъ отъ корня Rom, только одна Romene въ Литвѣ, имѣетъ эпитетъ Sacra[6]). А такъ какъ въ надровскомъ Ромове находился весьма чтимый Огонь, то мы безъ колебанія можемъ признать его тоже священнымъ. Остальныя же названія могутъ обозначать одни — святывю, другія — затишье. Отсутствіе какихъ-либо указаній вынуждаетъ насъ сдѣлать такое обобщеніе.

Изъ предыдущаго однако не слѣдуетъ, что священныя мѣста обозначались только словами отъ корня Rom-; въ дѣйствительности существовали священныя мѣста съ другими наименованіями, какъ, напр., Seten[7]) = Szatyje. Wendzigola же хотя и не имѣетъ такого эпитета, но несомнѣнно была священной, разъ тутъ находились священные дома „domus sacrae, aedes sacrae"[8]).

§ 3. Въ надровскомъ Ромове, по мнѣнію Грунау, росъ дубъ громадныхъ размѣровъ, въ шесть локтей толщиною, считавшійся священнымъ.

Культъ деревьевъ, растущихъ одиноко или массами и образующихъ рощи и лѣса, былъ весьма распространенъ у большей части народовъ, какъ выяснилъ и доказалъ Mannhardt въ сочиненіяхъ: „Der Baumkultus der Germanen"[9]) и „Antike Wald- und

---

1) Мы намѣренно не выходимъ за предѣлы литовскаго яз.; слова отъ корня ram въ другихъ словахъ см. Curtius, «Grundzüge», ed. V, p. 325, № 454, гдѣ приведена и литература.

2) Schleicher, «Gram. der lit. Sprache», Bd. I, p. 110.

3) Въ оригиналѣ очевидно ошибка — Blodeve.

4) Cod. Dipl. Warm., томъ II, Reg. 24 отъ 1258 г.

5) Ibid, Doc. 387.

6) См. выше стр. 359, примѣч. 1.

7) «Villam Sethen, que dicitur sancta», Herm. de Wart, стр. 81 (въ «Sc. R. Pr.», II).

8) «Fugiunt tamen ad edes sacras», а раньше авторъ о нихъ говоритъ: «stant ante domos sacras». Wigand, стр. 623—4, въ Sc. R. Pr.», II.

9) Берлинъ, 1875.

Feldkulte"[1]). Въ литовскихъ областяхъ этотъ культъ составлялъ характерную черту, занимающую одно изъ первыхъ мѣстъ. Почитаніе, выказываемое деревьямъ и рощамъ, основывалось главнымъ образомъ на убѣжденіи, что въ нихъ пребывало божество, духъ-покровитель, или же душа человѣка. При этомъ породы деревьевъ могли быть различныя, — преимущественно дубъ, кленъ, рябина и т. п. Признакомъ того, что въ извѣстномъ деревѣ пребывало какое-нибудь высшее существо или божество, какъ выяснено до настоящаго времени, была или древность и громадность дерева, или же особенная форма его[2]). Іеронимъ Прагскій, посланный, какъ извѣстно, Владиславомъ Ягелло на Жмудь для обращенія язычниковъ, прибылъ въ мѣстность, не опредѣленную точно въ жмудской землѣ, гдѣ находилось нѣсколько священныхъ рощъ, изъ которыхъ одна пользовалась особеннымъ почетомъ. Когда ее, по приказанію Іеронима, уже наполовину вырубили, очередь пришла рубить старый дубъ, который преимущественно предъ другими считали священнымъ и жилищемъ божества, такъ что никто не рѣшался поднять на него топоръ. Тогда Іеронимъ, взявъ топоръ, сталъ самъ рубить и, при помощи окружающихъ, послѣдовавшихъ теперь его примѣру, повалилъ громаду[3]).

Мы уже приводили въ другой работѣ[4]) примѣры того, что въ литовскихъ земляхъ деревья, въ частности дубы, достигали огромныхъ, даже необыкновенныхъ размѣровъ; тамъ же указано было, которыя изъ этихъ деревьевъ были ясно названы священными; гдѣ нѣтъ такого указанія, тамъ источники ничего не говорятъ о священности. Къ такимъ деревьямъ можно присоединить еще дубы Baublis и Bamblis. Въ имѣніи Bordzie въ Россіенскомъ уѣздѣ (прежде Коршовскомъ) на горѣ Wiszniukalnas (холмъ вишенъ) росъ дубъ, называвшійся Baublis; у подошвы холма росла дубовая роща. Владѣлецъ помянутаго имѣнія, Діонисій Пашкевичъ, велѣлъ въ мартѣ 1812 г. срубить этотъ дубъ; пень имѣлъ въ окружности 19 литовскихъ локтей и шесть дюймовъ; въ діаметрѣ болѣе толстаго конца — семь локтей, болѣе тонкаго — пять съ половиною локтей. Выгнившая середина имѣла въ окружности тринадцать локтей и пять дюймовъ; въ здоровой части пня насчитали семьсотъ слишкомъ слоевъ, не считая надгнившей части въ нѣсколько дюймовъ, въ которой нельзя было различить слоевъ, и коры толщиною также въ нѣсколько дюймовъ. Въ пнѣ владѣлецъ велѣлъ вырубить два отверстія въ локоть каждое, чтобы проникнуть ввутрь, и въ пустой, дуплистой части пня устроилъ хранилище оружейныхъ и иныхъ древностей[5]).

Въ имѣніи Sterkłauki, въ шести миляхъ отъ им. Бордзе, между Стерклавками и г. Юрбаркомъ, близъ прусской границы, росъ дубъ большихъ размѣровъ, носившій

---

1) Берлинъ, 1877. — Интересныя въ этомъ отношеніи свѣдѣнія изъ кавказскихъ областей сообщаетъ впервые гр. Уварова: «Выше, въ горахъ св. Николая (въ Осетіи), заповѣдная роща, до которой никто не смѣлъ дотронуться подъ страхомъ неминуемо ослѣпнуть. Въ Дергафскомъ ущельѣ, неподалеку отъ Кубани, — святое дерево». Кавказъ. Москва, 1887, стр. 26. «Мы часто выѣзжаемъ на берегъ Цейдона (въ Осетіи), а потомъ снова углубляемся въ лѣсъ, встрѣчаемъ полянки съ пасущимися стадами. Это уже завѣтный лѣсъ, святилище осетинское, въ которомъ находится и Рекомъ лѣсъ, въ которомъ никто не рѣшится на воровство или на другое преступленіе». Ibid, стр. 58—9. Ср. Bastian, Der Baum in vergleichender Ethnologie, въ Zeitschr. für. Völkerpsychologie, T. V. 1868 p. 287, 316, Tylor, La civilisation Primitive traduit par Barbier. 1878 T. II. p. 279—298.

2) «Zródla do Myt. Litewskiej», I, стр. 51—78. Относительно громадности см. примѣч. 11.

3) «Ventum erat ad medium nemoris, ubi quercum vetustissimam et ante omnes arbores religione scras et quam potissime sedem (scil., deorum?) esse putabant... Neque jam quisquam erat, qui ferrume exercere auderet. Tum Hieronymus... ad arborem adacto ferro, adiuvante multitudine, ingens onus... prostravit». Sc. R. Pr., IV, p. 237. — Перепечатку цѣлаго этого мѣста вмѣстѣ съ разборомъ мы помѣстимъ въ «Zródla do Myt. Lit.», II, № XXXIX. — И понынѣ подобнымъ образомъ чтятъ старое дерево Осетины: «Иногда въ урочищахъ этихъ нѣтъ даже постройки; тогда все уваженіе, весь почетъ воздается какому-нибудь старому дереву, которое и обвѣшивается приношеніями». Гр. Уварова, «Кавказъ», I, стр. 25—6.

4) «Zr. M. L.», I, стр. 62—3.

5) «Dziennik Warszawski», т. IV, за апрѣль, май, іюнь 1826 г., № 11, стр. 37—46.

подобное же вазваніе, т.-е. Bamblis[1]). — Въ лѣсу, тянувшемся вдоль Инстербургскаго уѣзда (in dem Bertiningischen Walde unter dem Insterburgischen Gebiet) Praetorius видѣлъ дубъ, имѣвшій внизу двадцать шесть, а на высотѣ человѣческаго роста въ восемвадцать локтей въ обхватѣ[2]). Гуковскій въ „Описаніи Россіенскаго уѣзда“[3]) передаетъ интересныя подробности относительно дуба, находившагося въ мѣстности Rotusz, въ десяти верстахъ отъ Колтынянъ. Подъ нимъ, какъ гласитъ преданіе, происходили языческія жертвы и собирался народъ по пятницамъ, затѣмъ по воскресеньямъ. Прибитый къ дереву крестъ Спасителя по мѣрѣ разростанія дуба, казалось вросталъ въ него, что еще болѣе усиливало священность дерева. Говорятъ, лѣтъ 80 или 90 тому назадъ (т.-е. между 1803—1813 гг.) еще собирались подъ этимъ дубомъ по воскресевьямъ крестьяне; зарѣзавъ барава, они отправлялись въ бывшую по близости часовню, а вервувшись, варили барана и пировали. О дальнѣйшей судьбѣ этого дуба авторъ не сообщаетъ. I. Бутнскій въ Opisanie Historyczno-Statystyczne powiatu Rossieńskiego (въ „Описаніи Россіенскаго уѣзда“)[4]) говоритъ о томъ же дубѣ, что будто бы окрестные крестьяне еще въ то время (1874 г.) собирались у него по пятницамъ (?). „Въ нѣсколькихъ (?) миляхъ отъ Колтынянъ, въ урочищѣ, называемомъ Rotusz, есть огромвый дубъ, прикрѣпленный на которомъ крестъ собираетъ въ каждую пятвицу окрестныхъ крестьянъ на молитву. Дубъ этотъ, по мѣстнымъ преданіямъ, былъ въ языческія времена мѣстомъ жертвоприношеній“. Несомвѣнно, это былъ священный дубъ.

Что касается того, всякое ли дерево, и именно дубъ, громадныхъ рмзмѣровъ являлось предметомъ почитанія, — то это вѣроятно, но за отсутствіемъ указаній доказано быть не можетъ[5]). Можно однако же предположить, что въ ряду великановъ-деревьевъ почитаемо было наиболѣе величественное[6]).

Но можно считать во всякомъ случаѣ несомнѣннымъ, что каждое дерево, независимо отъ размѣровъ и породы его, признавалось особенно священнымъ въ томъ случаѣ, когда стволъ его, развѣтвляясь, опять сростался въ одно цѣлое, — или если вѣтвь сросталась свова со стволомъ[7]). Кромѣ того, есть указавія, что три дерева, выросшія изъ одного ствола, были особенно чтимы, т.-е. считались священными. Одно такое указавіе касается трехъ священныхъ липъ (въ Bardehmen, въ нынѣшней восточной Пруссіи), выросшихъ изъ одного корня, которымъ уже болѣе шестисотъ лѣтъ; другое — трехъ дубовъ на кладбищѣ въ Schaaken (въ той же восточвой Пруссіи), передъ которыми прохожіе и донынѣ снимаютъ шапки[8]).

Вѣра въ священность деревьевъ этого рода была извѣстна и распространена также и у арійскихъ и другихъ народовъ. Священность основывалась на приписываемой имъ чудесвой силѣ исцѣлять больныхъ, страдающихъ грыжей, искривленіемъ и т. п. Для

---

1) Ibid, стр. 39, примѣч. 2.

2) Buch IV, c. 1, § 17. Такъ какъ Pierson не напечаталъ этого, мы въ приложеніи I дѣлаемъ выписку изъ кенигсбергской рукописи.

3) Ковно, 1893, стр. 123.

4) Вильно, 1874, стр. 117.

5) См. одиако Erasmus Stella: Praecellentes arbores, ut robora, quercus, deos inhabitare dixerunt. ...(arbores) huiusmodi religiose, ut numinum domos colebant».

6) «Žr. Myt. Lit.», I, стр. 51—78.

7) См. ниже и приложеніе I, caput II, § 3 sqq; приложеніе II.

8) «Und die heilige linde bei Bardehmen? Die ist aber auch heilig. Drei solche gleiche stämme aus einer wurzel so schön gewachsen... und ist über 600 jahre alt... Unsere grosseltern haben ihn (d. baum) für heilig gehalten... Und bei den drei eichen auf dem kirchhofe von Schaaken nimmt noch mancher von euch die mütze ab, wenn er vorübergeht». Scenen aus dem volksleben der preuss. Litauer. Preuss. Prov. Blätter, 1838, p. 400 sqq. Святость числа три также могла имѣть тутъ значеніе, какъ это отмѣчено въ Žr. M. L.», I, 136. О томъ, что тутъ проходили или проносили больныхъ между стволами въ видахъ излѣченія, — здѣсь упоминанія нѣтъ.

исцѣленія больной или самъ проползалъ чрезъ отверстіе ствола, или же его протаскивали, въ убѣжденіи, что больной избавится отъ болѣзни, оставивъ ее въ деревѣ. Въ различныхъ мѣстностяхъ при этомъ соблюдали различныя церемоніи. Кратко упоминаетъ о такомъ способѣ врачеванія Яковъ Гриммъ[1]); болѣе обстоятельно и научно обработалъ этотъ вопросъ Mannhardt[2]); Gaidoz посвятилъ этому вопросу особую монографію[3]). Mannhardt, поставивъ цѣлью возможно всесторовнее изслѣдованіе культа деревьевъ и растеній, преимущественно полевыхъ, — со свойственной ему эрудиціей, опираясь на громадный матеріалъ со всѣхъ концовъ земли, выяснилъ основвыя идеи этого культа. Что касается непосредственно интересующаго насъ вопроса, овъ рѣшаетъ его такъ жэ, какъ и Гриммъ. Gaidoz же, занявшись исключительно указаннымъ актомъ проползанія или протаскиванія, уясняетъ историческій ходъ этого обычая, примѣнявшагося къ дугообразно выросшимъ надъ землей корнямъ, къ деревьямъ съ естественными или искусственно, путемъ расщепленія образованными отверстіями; къ разсѣливамъ или сквознымъ дырамъ въ камняхъ, утесахъ и скалахъ. Наконецъ, приведя примѣры, въ какія формы облекло этотъ глубоко укоренившійся обычай христіанство въ развыхъ мѣстностяхъ, Gaidoz приходитъ къ тому же результату, къ какому пришли Гриммъ и Маннгардтъ[4]).

Изъ указанныхъ сочиневій оказывается, что помянутый обычай былъ распространенъ во всей Западной Европѣ. Въ Сѣдлецкой губерніи онъ сохранился, 'какъ говорятъ, и до настоящаго времени[5]); примѣра изъ несмѣшанвыхъ русскихъ областей мы не знаемъ[6]). O. Kallas изъ Тайлова въ Эстовіи описываетъ интересвую подробность обрядовъ, совершаемыхъ во второй день Пасхи: когда выносили св. образъ изъ еркви, — нѣсколько сотъ человѣкъ изъ собравшагося народа хотѣли пройти подъ иконой[7]). Это живо напоминаетъ описанный Gaidoz'омъ французскій обычай, составляющій лишь измѣненіе первоначальнаго языческаго: „Une image venerée et régardée, comme miraculeuse, sert au même usage. C'est ainsi qu'à Ligny-en-Barrois (Meuse) à la fête de Nôtre-Dame-des-Vertus, on promêne une image de la Sainte Vièrge qui serait la copie de l une des images de saint Luc... On la porte, comme autrefois, en procession par les rues, le cinquième dimanche aprés Pâques; et avant qu'elle sorte de l'église, deux prêtres la soutiennent en l'air, pendant que plusieurs millieres de pélegrins satisfont la devotion qu'ils ont de passer dessous“[8]).

---

1) Deutsche Mythologie, II p. 1118.

2) См. прим. 1 и 2 и Приложеніе III.

3) Uu vieux rite médical. Paris, 1892.

4) «Il faut donc recourir à une explication plus simple, — nous voulons dire, plus materielle, et nous la trouvons, comme l'avaient déjà fait Grimm et Strackerjan, dans la theorie de la transplantation des maladies. C'est la théorie, qui se rencontre au fond de rites innombrables de la médécine populaire, rites, par lesquels on croit transporter à une pierre, ou à une plante, ou à un animal la maladie, dont on souffre». Gaidoz, стр. 78.— «...Le rite curatif de passer par une ouverture ou sous un objet ouvert, afin d'y laisser son mal a été revifié et rejeuni à l'epoque chretienne, par la croyance à la vertu surnaturelles des reliques des saints», стр. 74; см. Приложеніе III.

5) Устно сообщилъ д-ръ Высокинскій изъ Сѣдлецкой губ.

6) Можетъ быть, случайно; срав. П. И. Троицкаго. Слѣды язычества и пр. Культъ огня, дерева и камня пам. книжка Тульской губ. на 1893 годъ. — Но тутъ говорится только о почитаніи деревьевъ вообще — а не о цѣлебный ихъ силѣ.

7) Vor der kirche, aus welcher sich der zug in bewegung setzen sollte, hatte sich eine kette von mehreren hundert menschen gebildet, die alle unter den bildern durchgehen wollte. Einiges über Setud von O. Kallas. Sitzungsberichte d. Gel. Estn. Gesellschaft. Dorpat, 1895; стр. 88.

8) Gaidoz, стр. 50. Вообще вся глава IV, стр. 35—55, составляетъ указаніе вышесказанныхъ языческихъ обычаевъ, которые церковь обратила въ свою пользу.

Вполнѣ сходное вѣрованіе господствовало въ прусскихъ областяхъ:

1. Praetorius разсказываеть, что въ окрестностяхъ Рагвиты въ Шалавоніи ему показывали дубъ со странно сросшимися вѣтвями, почитавшійся всѣми окрестными жителями священнымъ[1]).

2. Древне-прусское Romiu, Rombiu, Rombothi значитъ „срастаться“ и употребляется въ томъ случаѣ, когда на деревѣ сраслась вѣтвь съ вѣтвью. Въ Ромове находился дубъ, считавшійся священнымъ и особенно излюбленнымъ мѣстопребываніемъ боговъ. Поэтому мѣсто (?), или собственно дубъ называли Rommowe (sic)[2]).

3. Древніе Пруссы считали святыней (heiligtum) не всякій дубъ или дерево, а лишь дерево, называемое Rombhota, т.-е. страннымъ образомъ сросшееся. Такія деревья довывѣ чтятъ тайно въ Надровіи и Шалавоніи[3]).

4. Въ лѣсу, принадлежащемъ къ Небудзынскому приходу, еще въ 1664 г. была ель съ двумя вѣтвями, снова сросшимися на концѣ, къ которой стекались всѣ жители не только Надровіи и Шалавовіи, но даже изъ Жмуди и Литвы, принося въ даръ платы, помочи, одежды и деньги; такъ какъ вѣрили, что калѣка или больной грыжей, пролѣзши чрезъ эти двѣ вѣтви, исцѣлится. Эту ель также называли rumbûta egle и, собираясь отправиться къ ней, говорили: Eikim Rombhową[4]).

5. Кажется, Praetorius подразумѣваетъ тутъ тотъ же дубъ, что въ пунктѣ 1. „По нашему мнѣнію, считались священными всякаго рода деревья, которыхъ стволъ, развившись, опять сросся въ цѣлое: на полѣ въ Рагвицкой области росъ дубъ такого вида, считавшійся священнымъ. Страдающіе грыжей проползали черезъ отверстіе, образованное развѣтвленіемъ ствола, въ убѣждевіи, что это ихъ исцѣлитъ. Въ моемъ саду въ Небудзынѣ росла такого же вида груша, Rombotha Krauszis (должно быть rombûtas Krauszis). Около нея я разъ засталъ молящагося на колѣняхъ старика“. Послѣ долгихъ разспросовъ, онъ признался наконецъ слугѣ Преторіуса, что его прислалъ сюда какой-то вайделотъ изъ Жмуди, для отысканія подобнаго дерева съ цѣлью излѣчить внука, страдающаго грыжей. Кромѣ того, онъ добавилъ, что знаетъ maldininkas'а (молельщика, жреца), который, если бы ему позволили, охотно поселился бы со всей семьей у этого дерева; и это принесло бы и хозяину счастье[5]).

6. Faber сообщаетъ любопытныя подробности о священномъ дубѣ въ дремучемъ лѣсу между Bajorgallen и Rudschen въ Рагницкомъ округѣ. На высотѣ нѣсколькихъ футовъ отъ земли стволъ развѣтвлялся на два главныхъ; одинъ изъ нихъ пустилъ толстую вѣтвь, вросшую опять въ стволъ, въ видѣ излучины, образуя такимъ образомъ отверстіе. Больвые глазами, параличемъ рукъ и ногъ и другими болѣзвями совершали путешествіе въ вѣсколько миль къ этому дубу въ надеждѣ исцѣленія. Чтобы добраться до упомянутаго отверстія, приставляли толстую вѣтвь съ обрубленными боковыми вѣтками и по ней, какъ по лѣстницѣ, поднимались къ отверстію и трижды пролѣзали сквозь него; затѣмъ привязывали какое-нибудь приношеніе къ излучинѣ, на которой было уже полно помочей, платовъ, ножиковъ и т. п. Монеты клали подъ дубомъ[6]).

7. Кажется, о томъ же дубѣ идетъ рѣчь въ отчетѣ о лекціи проф. Беззенбергера: Невдалекѣ отъ Рагниты находился дубъ, вѣтви котораго срослись, образуя отверстіе.

---

[1]) Buch IV, c. 1, § 6. Такъ какъ Pierson, приводя извлеченія изъ рукописи Преторіуса, пропустилъ вышеупомянутые примѣры, мы приводимъ ихъ по рукописи въ Прилож. 1.

[2]) Ibid, § 8,

[3]) Ibid, c. II, § 1.

[4]) Ibid, § 3.

[5]) Ibid, § 5.

[6]) См. Прилож. II.

Кто пролѣзъ черезъ него, избавлялся отъ болѣзни. Вѣра и обычай распространены въ народѣ до сихъ поръ[1]).

Изъ всего вышесказаннаго оказывается, что Грунау за основаніе описанія дуба въ Ромове принялъ дѣйствительно существующую вѣру въ священность деревьевъ, особенно дубовъ, особой формы, которую онъ измѣнилъ сообразно своимъ намѣреніямъ. Существовалъ ли въ дѣйствительности такой дубъ въ Ромове, — можно лишь предполагать, но не доказать. Дусбургъ совершенно не упоминаетъ о немъ.

§ 4. По сообщенію Грунау дубъ въ надровскомъ Ромове зеленѣлъ лѣтомъ и зимой. Эта подробность сильно занимала ученыхъ. Такъ какъ не знали ни дуба, ни другого лиственнаго дерева, которое въ сѣверныхъ краяхъ было бы и лѣтомъ и зимой покрыто неувядающей зеленью, то этотъ признакъ старались объяснить разнымъ образомъ. Въ этомъ напранленіи, очевидно, наиболѣе потрудился Praetorius, который объясняетъ объемъ дуба тѣмъ, что онъ росъ на плодородной почвѣ; вѣчную зелень его листьевъ тѣмъ, что дубъ былъ обрызгиваемъ кровью закалываемыхъ подъ нимъ жертвъ, — и въ доказательство такого объясненія прибавляетъ въ видѣ аксіомы, что кровь обладаетъ удивительною способностью сохранять зелень листвы. „Und ist gewiss, dass das blut der menschen und thiere eine sonderliche kraft einen Baum grün zu erhalten habe“. Къ этому присоединился еще и неугасавшій огонь передъ дубомъ, въ достаточной степени согрѣвавшій воздухъ; кромѣ того, курево, которое всыпали въ огонь и, наконецъ, висѣвшія вокругъ дуба завѣсы на высотѣ семи локтей, также придавали немало тепла[2]). Однако, несмотря на всѣ эти натянутыя объясненія, изобрѣтенныя Преторіусомъ, онъ самъ имъ, въ концѣ концовъ, не вѣритъ и признается, что это, должно быть, были дьявольскія чары. Даже столь трезвый умъ, какъ Hartknoch, прибѣгаетъ къ такому же объясненію; упомянувъ о неувядавшей зелени Упсальскаго дерева, онъ заявляетъ, что, по его твердому убѣжденію, тутъ дѣйствовала нечистая сила; то же объясненіе онъ примѣняетъ и къ дубу въ Ромове[3]). До Гарткноха такъ же высказался Lucas David: „ohne zweiffels aus des teuffels getrieb oder verblendung“ (p. 27). Только Henneberger (Erklär. p. 465) объясняетъ, хотя и неудачно, якобы густота листвы не пропускала ни дождя, ни снѣга, и такимъ образомъ сохранялась зелень; на что Arnoldt возражаетъ, что въ такомъ случаѣ лишь нижніе слои листвы, а не верхніе и верхушка оставались бы зелеными[4]). Проф. Fischer, пишущій по Гарткноху, утверждаетъ, что постоянные жертвенные огни и кучи навоза отъ жертвенныхъ животныхъ согрѣвали воздухъ и землю, такъ что и то и другое способствовало постоянному сохраненію дубомъ зелени и листвы[5]). Вотъ до чего дошло священное Ромове и прославленный Криве, господствующій надъ всей Литовской областью и живущій среди громадныхъ складовъ скотскаго навоза. Bender, защитникъ Грунау, считаетъ этотъ признакъ миѳомъ и утверждаетъ, что вѣчно зеленая омела на дубахъ и липахъ послужила началомъ для сложившейся затѣмъ вѣры въ деревья съ такимъ свойствомъ[6]).

---

[1]) Mitteilungen der litauisch-literarischen Gesellschaft. 1883, стр. 396—7, примѣч. 1.

[2]) Buch IV, c. 1, § 18.

[3]) «Hoc vero diabolica factum esse arte certum habeo». Dissert. VI, p. 112.

[4]) Arnoldt, Kurzgefasste Kirchengeschichte. Königsberg, 1769, стр. 20.

[5]) Prof. Fischer, Vernünftige Gedanken von der Natur, p. 480, § 677, meinet, es habe ganz natürlich zugehen können, indem die vielen opfer und feuer, welche tag und nacht dauerten, die gegend in einem warmen dampfe erhalten und die weitläuftigen wurzeln mit blnt und mist der opferthiere gedünget, auch wol mit misthaufen an der nordseite bedecket worden. Diese erklärung ist indessen begreiflicher, als des Hennebergers seine (Erkl. der preuss. landtafel, p. 465), welcher meynet, es sey solches daher gekommen, dass weder regen noch scbnee durchkommen mögen. Arnoldt l. l. 19—20.

[6]) «Zur altpreuss. Mythologie etc.» въ A. P. M. Schr., Bd. IV, стр. 16—17, прим. 20: «Wir zweifeln nicht, dass der glaube an die heiligen immergrünen bäume durch die immergrüne mistel entstanden ist, zumal

Изъ всего этого мы отмѣтимъ то несомнѣнное обстоятельство, что Грунау первый ввелъ въ литовскую миѳологію вѣчно-зеленый дубъ и помѣстилъ его въ надровскомъ Ромове. Слѣдуя его примѣру, всѣ послѣдующіе писатели приписывали это свойство дубу въ усмотрѣнномъ ими Ромове.

Однако же вышесказаннымъ заключеніемъ отнюдь не рѣшается главная задача — выясненіе причинъ и источниковъ подобной идеи Грунау. Является ли упомянутая вѣчная зелень его собственнымъ изобрѣтеніемъ, на которое могъ навести его эпитетъ вѣчнаго огня, или же онъ вынесъ готовое уже представленіе изъ какихъ-либо другихъ источниковъ?

И вотъ, пересматривая рядъ писателей, упоминающихъ ранѣе Грунау о священныхъ деревьяхъ, мы находимъ, что его описаніе дуба и прочихъ священныхъ предметовъ въ Ромове наиболѣе похоже на описаніе дерева и священныхъ предметовъ въ Упсалѣ, принадлежащее Адаму Бременскому. И хотя Грунау нигдѣ не ссылается на него, мы однако можемъ указать незатертые и убѣдительные слѣды того, что описаніе Ромове въ общемъ и въ нѣкоторыхъ частностяхъ составлено по образцу описанія Упсалы. Такъ, оба писателя говорятъ о вѣчно-зеленомъ деревѣ, о троицѣ главныхъ божествъ, объ обоготвореніи заслуженныхъ людей послѣ смерти; оба сохраняютъ въ описаніи одинъ и тотъ же порядокъ. Другія, еще болѣе точныя указанія на подражаніе выяснятся при разборѣ подробностей.

Не поколеблетъ нашего убѣжденія и утвержденія и то замѣчаніе, что Адамъ Бременскій былъ изданъ лишь черезъ шестьдесятъ девять лѣтъ по написаніи хроники Грунау[1]); равно какъ и то, что ни въ Гданскѣ, гдѣ Грунау былъ монахомъ, ни въ Эльбингѣ[2]), гдѣ онъ также жилъ, нѣтъ ни малѣйшаго слѣда нахожденія тамъ кодекса Адама, такъ какъ Грунау могъ познакомиться съ нимъ черезъ писателей, пользовавшихся въ своихъ работахъ рукописью Адама Бременскаго[3]).

Однако, и этимъ объясненіемъ главный вопросъ о вѣчной зелени также не исчерпывается, а лишь переносится изъ надровскаго Ромове въ скандинавскую Упсалу, отъ Грунау къ Адаму Бременскому. Несомнѣнно, ни въ Ромове, ни тѣмъ болѣе въ Упсалѣ, не могло быть лиственнаго дерева съ подобнымъ свойствомъ. Откуда же у Адама Бременскаго явилось такое свѣдѣніе въ текстѣ: „Nobilissimum illa gens (Sueonum) templum habet, quod Ubsola dicitur“, а въ схоліи 134-ой: „Prope illud templum est arbor maxima, late ramos extendens, semper viridis in hieme et aestate; cujus illa generis sit, nemo scit“[4]).

die pflanze schon für heilig galt...» «Nachträglich ersehe ich, dass schon Baczko, Geschichte Preussens, I, 160, denselben grund für die immergrüne bäume nach Preuss. Tempe, II, 513—522, angiebt; ebenso Bock, Naturgeschichte».

[1]) Первое полное изданіе, заключающее «Descriptio insularum aquilonis», вышло трудомъ Эрпольда Линденбруха, въ 1595 г., Lugduni Batavorum ex officina Plantiniana, apud Franciscum Raphelengium, in 4-to.

[2]) Въ Данцигѣ онъ былъ послушникомъ; см. предисловіе Геннебергера въ «Erkl. der preuss. landtaf». Относительно Эльбинга онъ говоритъ: «im jare hab ich viel mol im kloster zum Elbinge... gesehen»; стр. 75; наконецъ, онъ вообще побывалъ во многихъ прибалтійскихъ городахъ.

[3]) Гарткнохъ первый обратилъ вниманіе на сходство съ Адамомъ Бременскимъ, но не сдѣлалъ соотвѣтственныхъ выводовъ. Затѣмъ за подражаніе энергически высказался Toeppen, Geog. Pr. Hist., стр. 186: «Er (Grunau) führt den Adam von Bremen zwar nirgend ausdrücklich als seine quelle an, auch war dieser schriftsteller damals noch nicht gedruckt, aber die nachrichten desselben waren in mehrere andere chronicken übergegangen und auf irgend einem vielleicht sehr weiten wege auch zu Grunau gelangt». Такое голословное утвержденіе, хотя и серьезнаго ученаго, не убѣдило-бы насъ, если-бы мы сами не пришли къ тому-же убѣжденію, разсмотрѣвъ и сопоставивъ у обоихъ писателей — a) диспозицію и b) подробности, — какъ это выяснится при дальнѣйшемъ изложеніи.

[4]) Adami Bremensis Gesta Hamaburg. ex rec. Lappenbergii, ed. 2a, Hannov., 1876: Descriptio insularum aquilonis, c. 26, p. 174; при дальнѣйшемъ изложеніи я пользовался прекраснымъ предисловіемъ къ этому-же изданію, составленнымъ Waitz'омъ.

Извѣстно, что Адамъ Бременскій, отправившись вскорѣ послѣ 1069 г. къ датскому королю, Svend Esthritson'у, находившемуся тогда, по всей вѣроятности, въ Зеландіи, — отъ него и многихъ другихъ услышалъ и записалъ подробности, касающіяся сѣверныхъ странъ[1]); ему сообщали ихъ также архіепископъ Adalbert[2]), равно какъ и епископъ датскій, имя котораго неизвѣстно[3]), какой-то нордальбингенскій дворянинъ[4]), спутники епископа Адальварда младшаго[5]), по всей вѣроятности также и Wilhelmus, епископъ Зеландіи, нѣкогда бывшій канцлеромъ Канута Великаго, и Адальбертъ старшій, бывшій епископъ готскій и шведскій[6]); наконецъ, авторъ ссылается на видѣнное имъ самимъ и другими очевидцами[7]). Все это — серіозные свидѣтели, доставлявшіе автору свѣдѣнія о собственной родинѣ для написанія „Gesta" и большей части схолій, объясняющихъ текстъ. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ переписчики внесли въ текстъ, другія остались на мѣстѣ. Большая часть ихъ принадлежитъ самому автору, который по мѣрѣ накопленія свѣдѣній, записывалъ ихъ уже по окончаніи сочиненія[8]) — для пополненія свѣдѣній; другія схоли — меньшая часть — принадлежатъ чужой рукѣ. Интересующая насъ 134-я схолія не содержитъ никакихъ указаній, по которымъ можно было бы опредѣлить ея автора; однако намъ извѣстно, что это одна изъ наиболѣе древнихъ схолій, такъ какъ мы находимъ ее уже въ кодексѣ, принадлежащемъ къ XI или началу XII в.[9]), т.-е. почти одновременномъ съ рукописью автора. Поэтому наиболѣе вѣроятно, что схолія эта, равно какъ и многія другія, была дописана самимъ Адамомъ Бременскимъ, а содержащееся въ ней свѣдѣніе доставилъ ему, несомнѣнно, одинъ изъ вышеназванныхъ свидѣтелей, — во всякомъ случаѣ скандинавецъ, знавшій Эдду, такъ какъ нѣкоторыя мѣста являются ея буквальнымъ переводомъ.

Приводимъ текстъ Эдды съ дословнымъ переводомъ.

Эдда[10]).	*Переводъ*[11]).
1. Ascr Ygdrasils, hann er oeztr vida (Grimnismal, 44).	1. Ясень Ygdrasils, онъ (есть) высочайшій изъ деревьевъ.
2. Askrinn er allra trea mestr ok beztr (Gylfagynning 15).	2. Ясень этотъ (есть) всѣхъ деревьевъ больше и лучше.
3. limar hans dreifast um allan heim ok standa yfir himni, (Gylfag., 15).	3. Вѣтви его распростираются надъ цѣлымъ свѣтомъ[1]) и подымаются за небо.
4. þat barr er breidask um land ok limar, Mimameidr heitir. (Fiols., 19, 20).	4. Это дерево, которое раскидывается вокругъ міра, Mimameidr называется.

---

1) «Narravit mihi rex Danorum sepe recolendus»; ibid, IV, 25; сравн. I, 50, 54; II, 24—26; 28; 32, 36, 41, 42, 73; III, 22, 53: «a quo (rege Suein) etiam clementissime susceptus, ut omnes, magnam hujus libelli materiam ex ejus ore collegi; IV, 21, 37, 38.

2) III, 2, 15, 46, 55.

3) I, 59.

4) III, 21.

5) IV, 21.

6) II, 10, 31, 44, 46.

7) II, 32, 44, 58, 60, 67; III, 57, 60.

8) Напр., схоліи 65, 119; 73, 77, 78, 81, 113, 122, 136, 137, 141; а также 135, 138. «Scholia multa ab ipso Adamo codici operis sui in margine addita esse vix dubium est», говоритъ G. Waitz въ упомянутомъ изданіи Ад. Бременскаго, подтверждая свое мнѣніе доказательствами, которыми я воспользовался.

9) Codex Lugdunensis у Pertz'a № 8.

10) A. Müllenhof, «Deutshe Altertumskunde», Band V, Берлинъ, 1883 г., стр. 104.

11) Кромѣ перевода Simrock'a «Die Edda», изд. 8-е, Штутгардъ, 1882 г., я имѣлъ, благодаря любезности проф. Беззенбергера, дословный переводъ приведенныхъ мѣстъ.

5. Stendr oe yfir groenn Urdarbrunni. (Voluspa 18A. 19B.).	5. Стоитъ вѣчно зеленое надъ Urdarbrunni.
6. þat mangi veit af hoerjum rotum renn. (Fiols, 20).	6. Что никто (не) знаетъ, изъ какихъ корней (оно) растетъ.

Сопоставивъ помянутую 134-ю схолію съ только-что приведенными словами Эдды, мы убѣждаемся, что arbor maxima соотвѣтствуетъ 1, 2; late ramos extendens = 3, 4; semper viridis = 5; cujus illa generis sit, nemo scit = 6.

Врядъ ли нужно болѣе яснаго доказательства, что 134 схолія является не только пересказомъ, но даже дословнымъ переводомъ Эдды.

Ygdrasil, Yggdrasill — миѳическое дерево міра. По мнѣнію метеорологиста Adalbert'a Kuhn'a[2]), представленіе о немъ возникло изъ сравненія тучъ, разстилающихся по небу длинными, часто переплетающимися полосами, съ деревомъ, охватывающимъ все небо. Миѳъ о древѣ міра Ygdrasil получилъ начало изъ извѣстной формаціи тучъ, которыя сѣверный нѣмецъ и донынѣ насываетъ Wetterbaum"[3]). Греческая нимфа Мелія (Ясень) является дочерью Океана или Посейдона, т.-е. моря, которое въ миѳахъ очень часто обозначаетъ небесное море, небо[4]). Другого мнѣнія держится Mannhardt: какъ каждое хозяйство въ Скандинавіи, каждый хуторъ, деревня, уѣздъ и область имѣли своего Vårdträd, т.-е. дерево-покровителя, такъ и весь міръ имѣлъ такого покровителя въ видѣ ясеня, называемаго Ygdrasil[5]); такой взглядъ кажется и намъ болѣе вѣроятнымъ. Миѳическія личности и предметы обладаютъ обыкновенно тѣми же качествами, что и земные, но въ болѣе высокой степени; поэтому миѳическія деревья — вѣчно зелены. Качество Ygdrasil'a, перенесенное на упсальское дерево, Адамъ Бременскій распространилъ своимъ сочиненіемъ, и отсюда-то Грунау перенесъ это качество въ одну изъ прусскихъ областей, Надровію, на громадныхъ размѣровъ дубъ и помѣстилъ его въ скромной мѣстности, называемой Ромове. Наслѣдники Грунау по перу щедрой рукой одаряли вѣчной зеленью каждое дерево, считавшееся священнымъ.

§ 5. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Грунау говоритъ, что дубъ въ Ромове раздѣлялся на три равныя части; что въ каждой изъ нихъ находилось отверстіе на подобіе окошка; что въ этихъ отверстіяхъ стояли статуи Perkun'a, Patrymp'a и Patull'a.

Намъ трудно даже мысленно представить себѣ дубъ или какое-нибудь другое дерево,— одно, раздѣленвое неизвѣстно чѣмъ и какъ на три равныя части, и въ каждой

---

1) Дословно: вокругъ цѣлаго свѣта.

2) Herabkunft des Feuers. Берлинъ, 1859 г., стр. 131.

3) Ibid, стр. 25; ср. Schwartz, «Der Ursprung der Mythologie», стр. 130 и прим. 1 тамъ-же.

4) Herabkunft d. Feuers, стр. 25.

5) Baumkult, стр. 56—6.— Nyerups, «Nord. Mythologie», стр. 128—9, того, мнѣнія, что дерево въ Упсалѣ есть локализація дерева міра Ygdrasil (Mannhardt, l. l., p. 56). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что вѣчно-зеленыя деревья были извѣстны и у другихъ народовъ. Grimm, «Deutsche Mythologie», I, 69, приводитъ стихи Herricus'a, написанныя около 876 г. о такой грушѣ въ Auxerre:

.....Stabat gratissima quondam
urbe pirus media, populo spectabilis omni;
non quia pendentium flavebat honore pirorum,
nec quia perpetuae vernabat munere frondis:
sed deprensarum passim capita alta ferarum
arboris obscoenae patulis haerentia ramis
praebebant vano plausum et spectaculo vulgo.

Указываемъ, что наша задача заключается въ выясненіи того, что Грунау почерпнулъ свѣдѣніе о вѣчной зелени у Адама Бременскаго, а не въ выясненіи начала этого вѣрованія.

изъ нихъ отверстіе, повидимому сквозное (fenster), и несомнѣнно на одной высотѣ отъ земли, какъ требовало этого сравнительное равенство трехъ высшихъ божествъ; тѣмъ трудвѣе допустить, что подобное дерево могло дѣйствительно вырости такимъ образомъ само собою. Очевидно, Грунау тутъ принялъ за основаніе дерево, считавшееся по своему виду священнымъ, которое описано выше, въ § 3; и затѣмъ самовольно придалъ ему нужную для задуманнаго описанія форму, въ дѣйствительности невѣроятную. Отверстія, образовавшіяся вслѣдствіе сращенія ствола или вѣтви, онъ, въ качествѣ монаха, представилъ себѣ на подобіе нишъ въ костелахъ, въ которыя вставляли святыхъ. Такія отверстія ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть искусственными (вырубленными), такъ какъ священныя деревья нельзя было повреждать. Затѣмъ, въ эти мнимыя окна Грунау вставилъ статуи трехъ прусскихъ боговъ. На число три повліяло не столько обрядовое священное число, сколько нарочитое сближеніе съ христіанскимъ догматомъ о Св. Троицѣ, главвымъ же образомъ — слѣпое подражаніе Адаму Бременскому[1]), какъ мы постараемся доказать въ дальнѣйшемъ изложевіи. А именно, Адамъ Бременскій описываетъ святилище въ Упсалѣ слѣдующимъ образомъ: „In hoc templo, quod totum ex auro[2]) paratum est, statuas trium deorum veneratur populus, ita ut potentissimus eorum Thor in medio solium habeat triclinio; hinc et inde locum possident Wodan et Fricco". — У Грунау мѣсто Тора занимаетъ Percuno, — божество, взятое изъ дѣйствительныхъ народныхъ вѣрованій, чтившееся во всѣхъ литовскихъ земляхъ. Въ литературу впервые ввелъ его Alnpeke, подъ 1219 г., говоря о походѣ литовцевъ на островъ Oesel:

Zu Swurben vuren sie ubir se,
Das ist genant das osterhap,
Als es perkune ir apgot gab,
Das nimmer so hart gevros[3]).

Вмѣсто Фрикко Грувау ставитъ своего Patollo, Patullo, вмѣсто Водана — Potrympo, Patrumpo и т. п. — Близкія этимъ названія, Natrimpe и Patollus, находимъ впервые въ „Collatio Episcopi Warmiensis" отъ 1418 г.[4]). Любопытный монахъ, странствующій по всей странѣ, могъ читать этотъ документъ или въ Фрауэнбургѣ или въ Эльбингѣ, вѣроятнѣе же всего въ Данцигѣ, гдѣ онъ былъ монахомъ[5]). Однако Грунау измѣнилъ названіе источника Natrimpe въ Potrimpo, можетъ быть, потому, что слышалъ гдѣнибудь подобную форму или оборотъ рѣчи. Съ этихъ поръ названіе это перешло въ литературу[6]).

---

[1]) «Grunau legt grossen nachdruck darauf, dass die bilder jener drei hauptgötter von den Scandianern aus ihren früheren wohnsitzen mitgebracht seien. Wie aber dort in dem haupttempel von Upsala die drei hauptgötter Thor, Wodan und Fricco dargestellt, konnte Grunau bei Adam von Bremen sehr genau finden — was liegt also näher, als dass er sich diese beschreibung zum muster genommen habe?» Toeppen, «Gesch. Pr. Hist.», стр. 190. Догадка Теппена будетъ обоснована въ нашей работѣ.

[2]) Вмѣсто deauratum, т.-е. позолоченный.

[3]) Livl. Reimchronik v. 1434—37; см. «Źródla Myt. Lit.», I, стр. 116. Ошибочно приписываютъ первое въ литературѣ упоминаніе о Перкунѣ — Грунау, какъ напр., Bender, «De veteribus Pruten. Diis», 1865, стр. 21 прим. 33: «Attamen non observari non potest, certum ante Grunovium documentum de Perkuno non extare, nisi excipias, quod Dusburgius refert, tonitrua esse culta». За нимъ повторяютъ позднѣйшіе писатели.

[4]) Źródla Myt. Lit., II, 144.

[5]) Объ Элбингѣ § 4, прим. 7; о Данцигѣ Luc. David, Bd. I, стр. 99, Bd. VII, 191, Bd. VIII, 10.

[6]) Черезъ четыре года послѣ окончанія хроники Грунау, т.-е. въ 1530 г., была написана «Agenda Ecclesiastica», въ которой также находимъ названіе Potrympus и другое — Antrympus. По хронологическимъ даннымъ можно было бы предположить какую-нибудь связь «Agenda» съ хроникой; но, не имѣя никакихъ доказательствъ и ни малѣйшаго указанія, мы не принимаемъ этой связи. Предполагаемъ лишь, что въ то время существовало выраженіе, похожее на упомянутыя названія.

Адамъ Бременскій, перечисляющій скандинавскія божества, во главѣ ставитъ Тора съ эпитетомъ potentissimus, затѣмъ Водава и, наконецъ, Фрикко. Нѣчто подобное хотѣлъ сдѣлать, слѣдуя своему образцу, и Грунау, говоря: „Patollo, der obirster abgott“: за нимъ слѣдуетъ Potrimppo (sic), и, наконецъ, Perkuno[1]). Если порядокъ вычисленія боговъ долженъ обозначать порядокъ ихъ старшинства, то Грунау выказываетъ, какъ часто съ нимъ случается, удивительно слабую память и непослѣдовательность, ставя въ другихъ мѣстахъ во главѣ Potrympo, затѣмъ Patollo и въ концѣ Perkuno[2]) или же — Potrimppo (Perkuno)[3]), Patollo; или Perkuno, который дѣйствительно соотвѣтствуетъ Тору, далѣе Potrympus и Patollus[4]).

Затѣмъ Адамъ Бременскій объясняетъ значеніе скандинавскихъ боговъ, ихъ символы и обстоятельства, при которыхъ имъ приносили жертвы: „Quorum (deorum) significationes ejus modi sunt. Thor, inquiunt, praesidet in aëre, qui tonitrus et fulmina, ventos imbresque, serena et fruges gubernat. Alter Wodan, id est furor, bella gerit, hominique ministrat virtutem contra inimicos. Tertius est Fricco, pacem voluptatemque largiens mortalibus. Cujus etiam simulacrum fingunt cum ingenti priapo. Wodanem vero sculpunt armatum, sicut nostri Martem solent. Thor autem cum sceptro Iovem simulare videtur[5]). Si pestis et famis imminet, Thor ydolo lybatur, si bellum. — Wodani; si nuptiae celebrandae sunt, — Fricconi“[6]).

По примѣру и въ порядкѣ Ад. Бременскаго, который каждому изъ названныхъ боговъ опредѣляетъ соотвѣтственную область: одному — атмосферическихъ явленій, другому — войны, третьему — мира, надѣляя каждаго сверхъ того соотвѣтственнымъ символомъ, — и Грунау приписываетъ своимъ богамъ извѣстный кругъ дѣятельности и символъ (cleinott). Все это, однако, онъ дѣлаетъ свойственнымъ ему образомъ, мѣшая правду съ неправдой, выдумывая тамъ, гдѣ у него недостаетъ матеріала. Вотъ что пишетъ Грунау о своихъ божествахъ.

„Perkuno war der dritt abgott, und man in anruffte umbs gewitters willen, domit sie regen hetten und schon wetter zu seiner zeit und in der donner und blix kein schaden thett“. Tract. III, c. III, p. 94.

„Und die eiche war gleich in 3 teil geteilet, in iglichem, wie in eim gemachten fenster stundt ein abgott und het vor sich ein cleinott. Die eine seite hilt das bild Perkuno inne... und sein cleinott war, domit man stetis feuir hette von eichenem holtze tag und nacht“. Tract. II, p. 78.

На хоругви Videvut'а были вытканы изображенія 3-хъ божествъ, изъ которыхъ „das ander (Perkuno), war wie ein zorniger man und mittelmässig alten sein angesicht wie feuer und gekronet mit flammen, sein bart craus und schwartz“. Tract. II, c. V, p. 77.

„Potrimppo der ander abgott der von Brudenia war und dieser war ein gott des gluckis in streitten und sust in anderen sachin“... Tract. III, c. III, p. 94.

„Dy andre seite (дуба) hilt ynne das bildt Potrumppi und het vor sein cleinot eine slange und die wardt in einem grosen topре irnert mit milch von den waydolottinen und stetis mit garwen des getreides bedeckt“. Tract. II, § 2, p. 78.

---

[1]) Grunau, стр. 63; 94—5.

[2]) Ibid, стр. 3.

[3]) Perkuno въ этомъ мѣстѣ (Grunau, 77) не названъ, почему мы и поставили скобки; изъ контекста видно, что Грунау не могъ тутъ имѣть ввиду никакого другого бога, кромѣ Perkuno.

[4]) Grunau, стр. 78.

[5]) Ad. Brem., c. 26.

[6]) Ibid, c. 27.

Изображенiе Potrimpo на хоругви Videvut'a было слѣдующее:

„das eine war wie ein man junger gestalt ane bardt, gekronett mit sangelen (колосьями) und frolich sich irbot und der gott vom getreide und hies Potrimpo". Tract. II, c. V, p. 77.

„Patollo der obirster abgott der Bruteni also ettwan genant die einwoner Brudenie, itzund Preussen genant. Dieser war ein irschrecklicher got des nachtes, spuk im hause zu treiben, sunderlich in den hofen der edlinge...

So war er auch ein got der todtin". Tract. III, c. III, p. 94.

„Das dritte bilde (въ дубѣ) Patolli hilt inne die dritten seitte, und sein cleinott war ein todten kopff von eim menschin, pferde und ku". Tract. II, p. 78.

„Das dritte bilde (на хоругви) war ein alter mann mitt einem langen groen bardt und seine farbe gantz totlich, war gekronet mit einem weiszen tuche, wie ein morbant". Tract. II, c. V, p. 77.

Объ ихъ фигурѣ на хоругви говоритъ: blo waren ire cleider und woren brustbilder". Ibid.

Сходства Перкуна съ Торомъ поразительно; оба они были богами атмосферическихъ явленій, какъ Юпитеръ въ Римѣ и Зевсъ у Грековъ. Однако одно это обстоятельство не давало бы намъ права утверждать, что Грунау слѣдовалъ образцу Ад. Бременскаго; подробности, составляющіе цѣлое, расположеніе и порядокъ описанія принуждаютъ насъ признать это.

Переходя къ этимъ подробностямъ, мы видимъ ясно, что „gewitter, regen, donner und blix" — соотвѣтствуетъ „tonitrua, fulmina, venti, imbres" у Ад. Бременскаго; „schönwetter", „serena". Только „fruges" Грунау не приписываетъ своему Perkuno, такъ какъ это, какъ увидимъ, нужно ему было для другого божества. Но въ символахъ замѣчается разница; скипетръ является общеизвѣстнымъ символомъ власти; а вѣчный огонь врядъ ли можетъ служить символомъ, такъ какъ извѣстно, что у Литовцевъ огонь составлялъ особое божество, чтимое выше другихъ; возможно ли допустить, что общепочитаемое божество могло быть символомъ другаго божества? По словамъ Ростовскаго, „Perkuno ignem in silvis sacrum... perpetuum alunt"[1]), можно лишь заключить, что въ честь Перкуна жгли огонь, а не то, что огонь былъ его символомъ.

Надѣленію властью двухъ остальныхъ боговъ доставило Грунау не мало хлопотъ, несмотря на образецъ. Зачѣмъ же, однако, изобрѣтательная фантазія и то удобное обстоятельство, что Natrimpe и Patollus въ „Collat. Ep. Warm." названы безъ всякихъ указаній на кругъ ихъ власти. Этихъ боговъ можно было надѣлить какою угодно властью.

Воданъ у Ад. Бременскаго ясно опредѣляется въ качествѣ бога войны. Прусскаго или литовскаго божества этого рода Грунау не зналъ; не знаемъ до сихъ поръ и мы, несмотря на Narbutt'a; о существованіи бога мира намъ также ничего не извѣстно. Очевидно, Литовцы не дошли еще до отвлеченныхъ понятій въ этомъ направленіи, а тѣмъ болѣе до обожествленія ихъ. Между божествами, извѣстными намъ по достовѣрнымъ источникамъ, одинъ лишь Perkunas проявляетъ воинственное настроеніе, но богомъ войны онъ нигдѣ не называется. Онъ ударяетъ и бьетъ: „Perkune dĕvaiti, ne muszki unt mana" — Перкунъ-божокъ, не ударяй въ меня (Ласицкій); онъ рубитъ мечемъ, напр., мѣсяцъ: „Perkuns didey supykęs, Ji kardu perdalyjo"[2]) — Перкунъ, страшно разгнѣванный, разсѣкъ его мечемъ (мѣсяцъ); онъ сокрушаетъ дубъ: „Perkuns żal'aużola parmusze"[3]) — Перкунъ сокрушилъ зеленый дубъ. Въ латышскихъ пѣсняхъ

---

[1]) Rostowski Lituanicarum, Societatis Jesu historiarum pars I pag. 118». Vilnae, 1768.

[2]) Nesselmann, «Lit. Volksl». № 2.

[3]) Ibid, № 4.

мы находимъ: „Percons-батюшка имѣетъ девять сыновей; трое ударяютъ, трое гремятъ, трое мечутъ молніи“[1]). „Ударь въ источникъ, Perkons, до самаго дна, вчера въ немъ утонула дочь Солнца, вымывая кувшины“[2]). „Греми, греми Perkons; разбей мостъ на Двинѣ, чтобы Поляки и Литовцы не напали па мою родную страну“[3]). Невѣстка въ отчаяніи взываетъ къ громамъ и молніямъ: „Разбейте мою свекровь, чтобы я могла сама свободна побрякивать ключами“[4]). Другія божества (spectra, visa у Ласицкаго) пугаютъ, какъ наши духи. Итакъ, какъ кажется, Литовцы не знали спеціальнаго бога войны; хотя Латышамъ было очень легко создать покровительницу войвы въ лицѣ kara-mâte[5]). Въ волынской лѣтописи было бы умѣстно, чтобы собрапные подъ Возвягломъ литовскіе полки призывали бога войны; между тѣмъ они обращаются къ Dĕvuriks'у, Andaj'у и всѣмъ богамъ съ возгласомъ „Janda“[6]). Передъ битвой крестоносцы призываютъ на помощь Бога, Куронцы же призываютъ (боговъ) по своему обычаю: „die christen rifen got von hymilriche, dy kurn rifen noch erin site“[7]). Правда, это сказано вообще, но кого именно призывали Куронцы, выясняется въ послѣдующемъ изложеніи, что послѣ побѣды они приносятъ жертвы не одному богу, т.-е. войны, а богамъ вообще[8])

Не найдя такимъ образомъ опредѣленнаго бога войны, Грунау вышелъ изъ затрудненія тѣмъ путемъ, что для своего Patrimpo взялъ всѣ аттрибуты Водана: „bella gerit“, т.-е. „glück in streitten“ (p. 95), у бога Фрикко также всѣ: „pacem et voluptatem“, передавая это посредствомъ „glück in andern Sachin“ (p. 95), а отъ Тора — сохраненный съ этой цѣлью аттрибутъ „fruges“ — „gott des getreides“ (p. 77)[9]). Въ качествѣ символа онъ придалъ ему змѣя, который дѣйствительно считался предзнаменованіемъ

---

[1]) Спрогисъ «Памятники Латышскаго Народнаго Творчества. Вильна 1868 г.», стр. 112, № 2.

[2]) Ibid, № 4.

[3]) Ibid, № 6.

[4]) Ibid, № 7. — Даже самое названіе Perkunas наводитъ на значеніе, — ударяющій, бьющій; мы производимъ его отъ корня par, per, изъ котораго образуется peru, periau, persu; perti — 1) ударять, бить, 2) ударять, бить, сѣчь березовыми вѣниками парящагося въ банѣ; а perus, pertis — бить себя ими въ банѣ, париться. Отъ того же корня «par» образуется польское «praé» 1) бить кого «wypraé kogo» т.-е. избить кого, лит. iszperu. 2) стирать «prać bieliznę», собственно бить бѣлье палками, какъ это до сихъ поръ дѣлается въ деревняхъ. Поэтому говорятъ также: Perkunas (молнія) musza. — Перкунъ ударяетъ, польск. piorun uderza, латышск. Perkons spert.

Суффиксъ -kunas я считаю сложеннымъ изъ -ka- + unas; первоначальная форма *Per.—kas, а затѣмъ Per-k-una-s, *Parkas, Par-k-un(a)-s. Если Bretkunas чисто-литовское имя, а не нѣмецкое bret-chen, то это было-бы единственное личное имя, на — kunas, которое мнѣ извѣстно.

Зато мы знаемъ много названій мѣстностей съ этимъ окончаніемъ. Бо́льшая часть ихъ образована отъ имени владѣльца, что обыкновенно наблюдается въ Литвѣ; однако, въ этихъ именахъ есть — *ka, -k,* уже въ темѣ напр., Jan(e)k, лит. *Jankas, Jankuny деревня; Jac-e-k, *Jackas, Jackuny; Bartek, *Bartkas, *Bartkuny; Wojtek, *Wojtkas, Wojtkuny; Szymek, *Szymkas, Szymkuny; Marek, *Markas, Markuny; Maciek, *Maćkas, Maćkuny, и т. д.

Въ Ковенской губерніи есть свыше 150 мѣстностей («Списокъ населенныхъ мѣстъ Ковенской губ.» Ковно, 1892 г.), оканчивающихся на — kuny, часть которыхъ я не могу свести къ извѣстнымъ мнѣ собственнымъ именамъ. Однѣ изъ нихъ образованы, какъ кажется, отъ прилагательныхъ, напр. Didkuny (Ново-Александрійскій уѣздъ, № 598, см. «Списокъ»), отъ didis — большой; (соотвѣтственно этому — Wielikuny (Вилькомірскій уѣздъ, № 368, ibid). Находимъ также Narkuny (№ 1881 ibid) наряду съ Naruny (№ 88 ibid). — Сопоставленіе Perkunas лат. querens, древ.-нѣм. forha въ знач. Eichengott не убѣждаетъ меня.

[5]) Повторяемъ, что до сихъ поръ о такомъ богѣ мы ничего не читали въ источникахъ; Usener и Solmsen, «Lettische Götternamen» упоминаютъ kurru-mâte s. v. — Kowas можетъ быть фантазіей Narbutt'а; другіе писатели его не знаютъ.

[6]) Żr. Myt. Lit., I, 139.

[7]) Alnpeke, 2637—8.

[8]) Ibid, 4693 sqq.; 4875; 6086.

[9]) Вопросъ о мнимомъ Patrimpo до того запутанъ, что для его разбора нужно было написать особое Приложеніе V.

и вѣстникомъ успѣха, если его встрѣчали неожиданно; поэтому это былъ бы весьма соотвѣтственный символъ. Однако тутъ мы должны повторить замѣчаніе, сдѣланное касательно огня, какъ символа Перкуна: змѣй пользовался у Литовцевъ большимъ почетомъ, выкормленный дома или же дикій, внѣ дома, — особенно же змѣй, называвшійся Gyvâte (Gyvoles, Givoitos)[1]), поэтому мы сомнѣваемся, чтобы, будучи нѣкотораго рода божествомъ, онъ могъ въ то же время быть символомъ другого божества[2]).

Дальнѣйшій кругъ власти, приписываемый „Patrympo" Грунау, также лишенъ правдоподобія. По Грунау, это не только богъ успѣха въ бою, но также и въ иныхъ дѣлахъ. Между тѣмъ намъ доподлинно извѣстно, что общеизвѣстнымъ божествомъ всякаго успѣха и счастья во всѣхъ литовскихъ земляхъ была Lajma, Lajmele[3]), которая и нынѣ еще живетъ въ устахъ народа и въ его пѣсняхъ. Именно изъ Пруссіи, вѣрованіями которой исключительно занимается Грунау, мы имѣемъ нѣсколько свидѣтельствъ о ея существованіи. „Laima szauke, Laima reke" — Laima призываетъ, Laima зоветъ[4]); „Laimužes subocleje"—въ колыбели Лаймы[5]). „Quid Laimele tibi praestabit[6]); Laimele — богиня легкихъ родовъ[7]). Развѣ могъ рядомъ съ столь распространенной и глубоко вкоренившейся вѣрой въ Laima остаться Potrimpus или, что еще невѣроятнѣе, занимать среди боговъ первостепенное мѣсто?

Богиней земледѣльческихъ плодовъ, которую, какъ это было указано нами въ другомъ мѣстѣ[8]), призывали (особенно въ Пруссіи) при всякой работѣ на пашнѣ, была Zeminele; слѣдовательно и въ этомъ случаѣ приписываемый Pomtrimp'у Грунау аттрибутъ „gott des getreides" и причисленіе его къ главнымъ богамъ — оказываются ложными. — При этомъ принявъ во вниманіе, что уже въ Agenda, написанной спустя четыре года послѣ окончанія хроники Грунау, т.-е. въ 1530 г.[9]) этотъ же „Potrimpus" объясняется посредствомъ римскаго Кастора [собственно, Поллукса[10]), что́ въ концѣ концовъ сводится къ одному и тому же], а черезъ нѣсколько еще лѣтъ, около 1551 г., Янъ Малецкій называетъ его „deus fluviorum et fontium"[11]), — можно ли предположить, что въ теченіе болѣе-менѣе двадцати съ небольшимъ лѣтъ богъ успѣха на войнѣ или

---

[1]) «Gyvotem (serpentem)» у Каллимаха, «Vita Sbignei Cardinalis», ed. Finkel, стр. 29; Guagnin пишетъ. Givoitos (Ducatus Samog.); см. также Brückner, Archiv für Slav. phil. XII, 179.

[2]) Это тоже болѣе менѣе мнѣніе Теппена, «Geschichte d. Heidenthums in Preussen», N Pr. Pr. Bl, I, 1846 г., стр. 313: «Die schlange steht zu Potrimpus anderwärts nicht in der geringsten beziehung; nur das ist gewiss, dass man heilige schlangen in den heiligen wäldern unterhielt und pflegte, aber es wird nirgend gesagt, dass sie einem bestimmten gott geheiligt seien. Hier (т.-е. у Грунау), wo Potrimpus als gott des glückes beschrieben wird, ist die verbindung allerdings erklärlich, da die schlange ebenfalls die glückspenderin ist». По нашему мнѣнію, о существованіи символовъ у Литовцевъ не можетъ быть и рѣчи; во времена, когда «omnis creatura», всякое твореніе и предметъ, можетъ считаться божествомъ, не нужно никакихъ символовъ.

[3]) Schleicher, Sitz. Ber. der Wiener Acad., 1852, Bd. IX, стр. 549. Brodowski Lexic. «Fortuna: Laime Glück-Göttin.

[4]) Nesselmann, «Lit. Volksl.» № 8.

[5]) Чтобы положенное въ ней дитя было счастливо; ibid., № 6 (стр. 5).

[6]) Laima, какъ языческая богиня счастья, ничего не поможетъ. Klein въ предисловіи къ литовскимъ церковнымъ пѣснямъ отъ 1666 г., см. Lasicius ed. Mhdt. p. 41 (118).

[7]) Leumele очевидно ошибка, Praetorius стр. 31. О латышской Laima — Спрогисъ. «Пам. Лат. Нар. твор.», стр. 303—308. Литературу см. у Usener'а и Solmsen'а, «Lit. u. Lett. Götter Nam.» s. v. Общеизвѣстно «Taip Laima leme», такъ Laima рѣшила.

[8]) Žr. Myt. Lit., I, стр. 14, гдѣ свидѣтельства изъ XVII вѣка.

[9]) Agenda эта называется собственно «Constitutiones Synodales Evangelicae»; была подана 7 января 1530 г. Кенигсбергскому собору, слѣдовательно, написана позже всего — въ 1529 г. Въ печати она неизвѣстна; списалъ ее Boltz. Рукопись сохраняется въ Государств. Кенигсбергскомъ Архивѣ подъ заглавіемъ Boltzsche Sammlung № 17, in 4-to. O Potrympus — тамже стр. 6.

[10]) Ошибку докажемъ въ Приложеніи V, при разборѣ Agenda (№ 3).

[11]) «Libellus de sacrificiis etc.»; см. Прилож. V № 7, ср. № 8.

въ мирное время успѣлъ преобразиться въ бога рѣкъ и источниковъ. Не является ли такого рода неувѣренность, разногласіе и даже противорѣчіе доказательствомъ того, что писатели сами не знали значенія „Potrimpus'a".

Если бы мы, соотвѣтственно нашимъ выводамъ (§ 5, текстъ и прим. 4) приняли, вмѣсто Potrympus, Potrimpe, написаніе Natrimpe, то вопросъ не выигралъ бы относительно ясности, такъ какъ неизвѣстно, что обозначаетъ Natrimpe; Bender даже утверждаетъ ваоборотъ, что Natrimpe — ошибка, вмѣсто Potrimpe[1]).

Приписавъ Perkunas'у функціи Тора, Potrympus'у функціи Водана и Фрикко, Грунау исчерпалъ аттрибуты трехъ скандинавскихъ боговъ, приведенныхъ Адамомъ Бременскимъ. Для Patollus'a ничего не осталось, и поэтому Грунау долженъ былъ тутъ извернуться самъ.

Существованіе бога Patollus по „Collatio Ep. Warm." не подлежитъ сомнѣнію, но значеніе его намъ неизвѣстно. Грунау называетъ его богомъ душъ умершихъ (got der todtin) и ночныхъ привидѣній, приписывая ему въ качествѣ символа мертвую голову, черепъ лошади и коровы.

Разсмотримъ литовскія божества смерти. Литовцы и Жмудины называли божество человѣческихъ душъ—Vēlona (Lasicki), Vēlonis[2]). Лясковскій у Ласицкаго говоритъ: Vēlona, deus animarum (собственно dea anim.); ему приносили жертвы, когда кормили души. Жертву составляли лепешки, неизвѣстнаго намъ вида, называемыя Sikies: „Sikies Vēlones penukszlas" — Sikies Vēlonis'a — пища, ѣда[3]). Тотъ же Лясковскій приводитъ формулу приглашенія бога: „Vēloni su vēlems atejk musump unt stala" — Vēlonis съ душами приходи къ намъ къ столу[4]). У Латышей покровительницей душъ была Veliа-mâte, какъ показываютъ народныя пѣсни: Velia-mâte меня обманула; у Velia-mâte гнется жердь, когда она сушитъ одежду[5]).

Итакъ, Vēlonis, Velia-mâte являются богами душъ, уже покинувшихъ тѣло; въ Надровіи и Шалавоніи принимаетъ души послѣ разлученія съ тѣломъ Źeminele, богиня земли[6]), какъ Źemes-mâte у Латышей[7]). Богиней или, вѣрнѣе, призракомъ, причиняющимъ смерть, извѣстнымъ во всѣхъ литовскихъ земляхъ, является Giltine, демонъ въ тѣсномъ смыслѣ заразы и мора, въ общемъ — смерти[8]). На Жмуди и въ Литвѣ Giltine имѣетъ жало, отъ котораго и получила названіе (gelių, geliau, gelti — колоть) и которымъ она сосетъ ядъ изъ труповъ, лежащихъ въ могилѣ и, жаля, впускаетъ ядъ въ людей, отъ чего они и умираютъ[9]). Въ Литвѣ Giltine также влѣзаетъ

---

1) Bender для спасенія Patrympus у Грунау, принимаетъ упомянутую ошибку; или, также наоборотъ, что Natrimpe, можетъ быть какое-нибудь неизвѣстное божество; «Num Natrimpe, perperam scriptum sit pro Patrimpe, an numen aliquod adhuc ignotum designet, difficile erit ad indicandum». De Vet. P. D., стр. 22, прим. 39.

2) Wolter, Dauksza, стр. 121—123; Vēlona можетъ быть существомъ женскимъ.

3) Въ оригиналѣ: «Sikies Vielonia pemixlos»; pemixlos очевидно ошибка — вмѣсто penukszlas, какъ въ Слов-Szyrwid'a: «Pokarm-Pemikszlas», а «Pokarmowy-Penukszlinis»; см. Mhdt. Las., стр. 135; вмѣсто Vēlones. Schl. Gr., стр. 188.

4) Въ подлинникѣ: «Vielona velos (?) atteik musump und stala.

5) Спрогисъ. Памятники стр. 217, пѣсня 16; стр. 219, пѣсня 29.

6) Źr. Myt. Lit., I, стр. 15.

7) Спрогисъ, ibid., стр. 218, пѣсня 21.

8) Она уже въ XVI в. имѣетъ значеніе смерти: «Giltines arba smirtięs amżinos». Dauksza, стр. 5, стихъ 28 въ изд. Вольтера.

9) Моровая дѣва, описанная въ «Конрадѣ Валленродѣ Мицкевича» — не литовская; см. Прилож. IV. Наше описаніе основано на извѣстіи, полученномъ изъ окрестностей Купишекъ, Вилькомірскаго уѣзда, напечатанномъ въ Предисловіи Кс. Олехновича къ его сборнику пѣсенъ. Я воспользовался этимъ въ «Compte-Rendu du Congrès à Buda-Peszt», 1875, т. I, стр. 465—480 и въ «Wędrowiec» за 1890 г., — объясняя, почему въ могилу клали ножницы для стрижки овецъ; см. Прилож. IV. — Независимо отъ этого, основываясь также на Олехновичѣ, д-ръ I. Bassanovitius написалъ статью о Giltine: «Ueber die bestimmung der schaafscheere in lit. gräbern», Correspondenz-Blatt d. deutschen Ges. f. Anthropologie etc. München, 1888, № 1.

больвымъ въ бокъ, причиняетъ имъ боль или убиваетъ ядомъ. Обобщевіе ея въ демона смерти видно также въ фразахъ: „Giltine żmogu pasmaugia“ — G. человѣка задушила; „giltine żmogu pasuka“, — G. человѣку шею свернула[1]). У Латышей проклинаютъ: „kai tewi Dziltine nuraut“ — чтобы тебя G. побрала[2]). Въ прусской Литвѣ существуетъ онѣмеченная форма Geltän, Gaeltan, изъ чего народная этимологія образовала привидѣніе gelbzähn, а пугая дѣтей, говорятъ „Giltine atein“ и „de Gelltän kommt“[3]); она беретъ людей безъ различія возрастовъ: „Giltine ne weizd dantu“[4]) — G. не смотритъ въ зубы; къ этому Frischbier присоединяетъ выписку изъ „Preuss. wörterbuch“ Hennig'a, Königsb. 1785 г., стр. 84: „Giltine war bei den alten heidnischen Preussen die würge und pestgöttin, oder der tod.“ Выше уже упомянуто, что она душитъ людей: „Kad tawe Giltine nusmaugtu“, — чтобъ тебя G. задушила! а когда зараза коситъ людей, то говорятъ: G. обходитъ — „Giltine suka“[5]). Dowkont, несомнѣнно по собствевному почину, дѣлаетъ ее женой Pikol'a[6]) (?).

Если на Жмуди, въ Литвѣ и у Латышей существовало особое божество, покровительствующее душамъ умершихъ, и особое божество смерти, то и въ Пруссіи наряду съ Giltine, Geltän, т.-е. божествомъ, причиняющимъ смерть, могъ существовать покровитель умершихъ. Однако никоимъ образомъ нельзя доказать, былъ ли имъ Patollus; мы до сихъ поръ считаемъ его божествомъ мѣстнымъ, вармійскимъ, неизвѣстваго значенія; такъ какъ въ виду столькихъ фальсификацій, какія мы до сихъ поръ разоблачили у Грунау, на свидѣтельство его никоимъ образомъ полагаться нельзя.

Теперь обратимся къ символамъ Patollus'a, какими являются якобы мертвая голова и черепъ лошади и коровы.

Мы зваемъ изъ Wulfstan'a, что Пруссы считали величайшимъ несчастіемъ найти гдѣ-нибудь человѣческую кость, которая не была погребена; тотчасъ необходимо было умилостивить божество. Авторъ говоритъ объ окрестностяхъ Эльбинга и далѣе[7]). Кейстутъ, наткнувшись на непогребенное тѣло убитаго, велѣлъ его тотчасъ сжечь[8]). Итакъ, можно ли допустить, чтобы предметъ, оскорблявшій и гнѣвившій божество, могъ быть въ то же время его символомъ?

Вообще у язычниковъ былъ обычай затыкать головы жертвенныхъ животныхъ на жердяхъ, палкахъ, тычивахъ въ звакъ принесенной жертвы. Во времена христіанства головы убитыхъ лошадей, скота, птицъ и т. д. прибивали, напр., надъ воротами или верхушкѣ конюшенъ, хлѣвовъ и т. п., для отвращенія чаръ[9]). Относительно Пруссіи

---

1) Dauksza, ed. Wolter, s. v. p. 77.

2) Ibidem.

3) Frischbier, «Preuss. Sprichw». № 4205.

4) Schleicher, «Lituanica Sitz. Ber. d. Kais. A. d. Wiss. Wien, 1854, стр. 97: «neveizd Giltine dantis, die G. schaut nicht nach den zahnen».

5) Nesselm., «Lit. W.», стр. 255, s. v. Giltine; Thes. s. v. «geltän, ein gespenst, das häufig in den volcksmärchen genannt wird». Kurschat, Wörth., s. v. и Schleicher l. l.; N. P. P. B. 1849, Bd. VIII p. 471 и 1866, Bd XI p. 256; см. Dauksza ed. Wolter s. v. Giltine; стр. 77; Usener l. l. s. v.

6) Jokybs Laukys Buda Senowes-Letuwiû, Petropilie, 1845, стр. 97. «Pykolo arba piktojo Dijwo buwusis żmono Giltine, kokius wakus yra tórieies, taipat niera žinoma; bet kaip smertis yra newijnoks, taip ir Giltine newijnoki buo, kou szenden dar patarlie rodo, sako: Ek sau po giltiniû arba giltiniû kałpa» — женой Pykolo или злого бога была Giltine; какихъ имѣла дѣтей, теперь неизвѣстно; по какъ родъ смерти былъ неодинаковый, такъ и G. была неодинаковая, что еще до сихъ поръ доказываетъ пословица: иди себѣ къ Гилтинамъ (на погибель?), или (будь) добычей Гилтинъ. — Kałpa, по мнѣнію St. Rauba, значитъ добыча; въ словаряхъ я такого значенія пе нашелъ.

7) См. Żr. Myt. Lit., I, стр. 36.

8) Wigand, c. 43.

9) Объ Аллеманахъ свидѣтельствуетъ Agathias изъ Myrin'ы, что они приносили въ жертву богамъ отрубленныя конскія головы: «ἵππους τε καὶ βόας καὶ ἄλλα ἄττα μυρία καρατομοῦντες ἐπιθειάζουσι» (ed. Bonnen. 28.5). Германцы послѣ побѣды въ Тевтобургскомъ лѣсу прибили къ пнямъ (truncis) конскія головы: «Adjacebant, гово-

Praetorius (p. 26) говоритъ: „die jetzigen, Nadrauer, Salavonier, Sudauer pp. haben den gebrauch, wenn sie im spätherbst das vieh einstallen, pflegen sie in den ochsenstall einen ochsenkopf, in den pferdestall einen pferdekopf hineinzuhangen. Dies war wol ursprünglich ein geschenk für Pikullus, um ihn zu besänftigen".

Возможно, что Грунау воспользовался этимъ обычаемъ. Толкованія же Преторіуса очевидно ошибочны, хотя бы мы даже на мѣсто подозрительнаго Pikullus'а поставили дѣйствительно чтившагося прусскаго бога, причиняющаго зло и убытки. Если головы животныхъ привѣшивали для отвращенія вредящаго божества, а потомъ чаръ, то какимъ же образомъ онѣ могутъ быть символомъ этого же божества?

Слѣдовательно, символы бога умершихъ и духовъ являются также выдумкой Грунау.

Если у Адама Бр. относительно мѣста, на небѣ исключительно властвуетъ Торъ, являясь повелителемъ небесныхъ явленій, слѣдовательно и такихъ, которыя вліяютъ на урожай (fruges) на землѣ, — то на землѣ власть раздѣляется такимъ образомъ, что Воданъ управляетъ военными дѣлами, а Фрикко — мирными. Грунау, несмотря на доказанное подражаніе, уклоняется отъ этого раздѣленія власти, приписывая исключительное господство на небесахъ Перкуну, Potrimpe же является владыкой земли, управляющій успѣхомъ одинаково какъ въ военныхъ, такъ и въ мирныхъ дѣлахъ, а также въ урожаѣ; а Patollo, какъ богу умершихъ, Грунау опредѣляетъ, хотя и не высказываетъ этого прямо, — подземное царство. Такое раздѣленіе теоретически имѣетъ извѣстное логическое основаніе. Въ описаніи же изображеній на мнимомъ знамени Videvut'а проглядываетъ другой принципъ раздѣленія боговъ, основанный на теченіи человѣческой жизни, т.-е. молодости, возмужалости и старости, безъ указанія вышеуказанныхъ аттрибутовъ. А именно, Potrympo изображенъ молодымъ, безбородымъ, съ вѣнцомъ изъ колосьевъ на головѣ, съ веселымъ лицомъ[1]). Perkuno былъ среднихъ лѣтъ, съ черной курчавой бородой, въ огненной коронѣ, съ лицомъ, исполненнымъ гнѣва, „какъ огонь"[2]). Potollo —

ритъ Тацитъ, Annales, I, 61, fragmina telorum, equorumque artus, simul truncis arborum antefixa ora». Плиній, H. N., XIX, c. 10, совѣтуетъ противъ гусеницъ поставить въ саду шестъ, а на него надѣть конскую голову: «in totum vero necari urucas, si palo imponantur in hortis ossa capitis ex equino genere». Въ Скандинавіи для отвращенія враговъ надѣвали на высокія жерди головы принесенныхъ въ жертву богамъ лошадей, съ раскрытыми при помощи колышковъ пастями и обращенными въ сторону ожидаемаго врага. Такую жердь называли nidstaüng, neidstange. «Immolati diis equi abscissum caput conto excipiens, subjectis stipitibus distentos faucium rictus aperuit, sperans se primos Ericī conatus atrocis spectaculi formidine frustraturum». Saxo Gramm., pag. 75. — Венды для отвращенія падежа домашняго скота натыкали на колья заборовъ, окружающихъ конюшни и хлѣва, головы бѣшеныхъ лошадей и скота; если домовой душилъ лошадей, то вкладывали въ ясли конскую голову; она навѣрно отгонитъ домового. Praetorius (другой, не M. Praet. прусскій), Weltbeschreibung, II, 162—3. — Ledebur видѣлъ у калмыковъ множество лошадиныхъ шкуръ и головъ, составляющихъ остатки жертвъ, выставленныхъ на помостѣ (gerüst); голова была обращена на востокъ или западъ, смотря по тому, была-ли принесена жертва доброму духу или злому. (Reise nach dem Altai. Berlin 1830 54/55). Еще до сихъ поръ крестьяне Мекленбургіи, Люнебурга, и Голстейна вырѣзаютъ на крайнихъ конькахъ домовой крыши лошадиныя головы съ мордами, обращенными отъ себя т.-е. на внѣ. Это безъ сомнѣнія остатки языческихъ вѣрованій, значеніе которыхъ забыто, служащіе въ настоящее время только для орнаментаціи. См. Jahrbücher des meklenburgischen Vereins etc. II, 118; Grimm. Deut. Myth. Bd. I, 41/2; 65—68; II 625—630. — Тотъ же обычай сохраняется въ Прусской Литвѣ, нпр. въ Kiaunoden, деревнѣ вблизи Клайпеды (Мемеля) и въ другихъ мѣстностяхъ, см. Bezzenberger Bemerkungen zu Virchows aufsatz. Die altpreussishe bevölckerung, Sitz. Ber. der Prussia, heft 18. Ksgbg. 1893, pag. 5 (1); p. 4 (6) и рисунки Taf. I, № 7; Taf. III. Taf. IV, № 1; онѣ находятся также на могильныхъ памятникахъ. Taf. V, №№ 1, 2, 3, 4. — Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ я видѣлъ въ южныхъ уѣздахъ Познанскаго лошадиныя головы, чаще хищныя птицы, и т. п., прибитыя на щипцевыхъ стѣнахъ конюшенъ, стоялъ и пр. О Латышахъ см. Einhorn Wiederlegunge. Riga 1627 въ S. R. Liv. II, 644.

[1]) См. выше выдержки изъ Грунау.

[2]) Тамъ же и прим. 9.

старикъ, съ сѣдой бородой, съ повязкой изъ бѣлаго плата вмѣсто короны, съ смертельно-блѣднымъ лицомъ, какъ у умирающаго старца[1]).

Грунау старается увѣрить насъ, что онъ составилъ описаніе по знамени Видевута, царствовавшаго, по его мнѣнію, около 500 г. по Р. Х. Гдѣ сохранялось оно въ теченіе тысячи лѣтъ (до 1526 г.) и такъ хорошо сохранилось, что изображенія боговъ и буквы на немъ не были повреждены; гдѣ видѣлъ его Грунау, гдѣ скрылось оно послѣ описанія такъ, что послѣ Грунау его никто не видѣлъ, — все это останется, по всей вѣроятности, навсегда его тайной. Предположить, что описаніе составлено по епископу Христіану (XIII в.), — невозможно, зная, что эта хроника есть фикція Грунау[2]). Впрочемъ, если бы даже она и существовала, то все же являлся бы вопросъ, откуда Христіанъ въ XIII в. получилъ свѣдѣнія, притомъ такія подробныя, — о знамени V вѣка. Итакъ, не нужно болѣе яснаго доказательства, что описаніе знамени со всѣми подробностями является самымъ безцеремоннымъ подлогомъ. Кромѣ того, замѣтимъ, что нѣтъ никакихъ свѣдѣній о существованіи у Литовцевъ и Пруссовъ знаменъ въ первые вѣка; среди добычи крестоносцевъ знаменъ нѣтъ. Первое упоминаніе о „insignia Lithwanorum" я имѣлъ случай прочесть въ Chronicon Dubnicense подъ 1351 г.

§ 6. Выяснивъ, что какъ дубъ, такъ и вѣчная его зелень заимствованы отъ Адама Бременскаго; что число боговъ и мнимая очередь ихъ первенства также сочинены по образцу описанія того же Ад. Бременскаго; что аттрибуты прусскихъ боговъ являются лишь повтореніемъ аттрибутовъ боговъ скандинавскихъ, — мы, кажется, вправѣ не безъ основанія предположить, что помянутые у Грунау „bilder", долженствующіе изображать Perkunas'a, Potrympo и Patollo и стоящіе[3]) уже въ извѣстныхъ намъ отверстіяхъ дерева, являются также лишь переводомъ „statuae" у Ад. Бременскаго, т.-е. что подъ „bilder" слѣдуетъ разумѣть статуи или статуэтки.

Но какъ раньше все то, что Грунау заимствовалъ у Ад. Бременскаго, оказалось несогласнымъ съ истиной для Пруссіи, такъ и существованіе статуй трехъ боговъ, по образцу Ад. Бременскаго, — слѣдуетъ причислить къ фальсификаціямъ. Мы могли бы ограничиться такимъ выводомъ, если бы не желали придать затронутому вопросу принципіальнаго значенія, такимъ образомъ обобщая его: **представляли ли Литовцы вообще своихъ боговъ въ изображеніяхъ или статуяхъ изъ какого-либо матеріала въ человѣческомъ образѣ?**

Арійскіе народы, которые чувствовали еще свою полную зависимость отъ природы и ея явленій, небесныхъ или земныхъ, обращались къ нимъ непосредственно, воздавая

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Nuncius cum baculo. Варш. 1895 стр. 22—25. — При этомъ случаѣ не могу удержаться отъ сообщенія впечатлѣнія, произведеннаго на меня при чтеніи Грунау. Не смотря на добросовѣстный и подробный разборъ хроники Грунау Теппеномъ (Toeppen), остаются нѣкоторые пробѣлы относительно источниковъ, которыми онъ воспользовался. Мы даже въ этой маленькой части хроники, занимающейся прусскими вѣрованіями, замѣчаемъ нѣкоторыя неровности, заключающіяся въ томъ, что съ одной стороны поражаютъ насъ наивные, да лишенные здраваго смысла разсказы и противорѣчія; съ другой же стороны свѣдѣнія, сообщенныя со всею послѣдовательностью и строго обдуманныя, какъ нпр. послѣдовательное подражаніе Адаму Бременскому вообще, и подробное описаніе знамени Видевута въ частности. Это поневолѣ возбуждаетъ въ насъ подозрѣніе, не пользовался ли Грунау какимъ то трудомъ, составленнымъ ловкимъ и умнымъ писателемъ, и не соединилъ ли онъ заимствованныя изъ него свѣдѣнія со своими собственными, безобразными выдумками. Такимъ образомъ объяснились бы противорѣчія въ описаніи прусскихъ божествъ, находящіяся въ двухъ разныхъ мѣстахъ, относительно ихъ власти и ихъ вида. Но это отнюдь не повліяло бы на результаты нашего изслѣдованія. Выдумка осталась бы выдумкой — все равно — оказалась бы виновникомъ ея одна личность или двѣ. — Пока этотъ вопросъ не будетъ окончательно рѣшенъ, мы только можемъ считать виновникомъ — Грунау.

[3]) Jn iglichem (teile) wie in eim gemachten fenster stund ein abgott (Gr. 78); do ir (божествъ) bilde stundt in der eichen. p. 95.

имъ поклоненіе въ томъ видѣ, въ какомъ они являлись имъ; такимъ образомъ, они молились непосредственно солнцу, лунѣ и звѣздамъ и т. п., растеніямъ, животнымъ, водамъ, камнямъ. Только впослѣдствіи возникаетъ мысль о ихъ производителѣ, а вслѣдъ за тѣмъ антропоморфизмъ, на который могъ повліять также культъ духовъ послѣ смерти. Литовцы выступаютъ на историческое поприще именно въ періодъ перехода къ антропоморфизму; слѣдовательно, на основаніи уже этого, такъ сказать, теоретическаго взгляда на исторію религіозныхъ вѣрованій можно было бы утверждать, что статуй боговъ въ Литвѣ не могло быть.

Перейдемъ однако въ область фактовъ. Весьма знаменательно, что на всемъ обширномъ пространствѣ, которое съ незапамятныхъ временъ занимала Пруссія, обѣ Литвы и Латыши, въ теченіи цѣлыхъ шести или семи столѣтій — отъ начала XII вѣка (у Латышей) и XIII в. (въ Пруссіи и обѣихъ Литвахъ), т.-е. отъ нашествій на эти земли Ордена и до настоящаго времени мы не нашли ни одного вещественнаго памятника, который бы изображалъ какого-нибудь бога и былъ несомнѣнно литовскаго происхожденія.

Правда, въ Курскомъ заливѣ выловили восемь фигурокъ грубаго издѣлія изъ янтарной плитки, человѣкообразныхъ; но ни народнаго происхожденія, ни значенія ихъ мы не знаемъ. Матеріалъ вѣроятно мѣстный; однако и въ этомъ случаѣ неизвѣстно, какому народу принадлежитъ самое издѣліе. Памятники эти несомнѣнно каменнаго вѣка и восходятъ къ незапамятнымъ временамъ. Кромѣ того, извѣстно, что восточныя берега моря и зависящіе отъ нихъ края материка постоянно и до сихъ поръ подвергаются и подвергались измѣненію. Нынѣшній Курскій заливъ, по мнѣнію Берендта а затѣмъ Берренбергера[1]), простирался за рѣку Jûra, которая является остаткомъ этого моря и напоминаетъ его своимъ названіемъ. А такъ какъ jures только въ литовскомъ обозначаетъ море, то прибрежными жителями должны бы являться Литовцы. И дѣйствительно, вся Самбія является наносной землей. Но какъ бы это ни было, во всякомъ случаѣ Курская коса, если и существовала въ то время, то находилась слишкомъ далеко отъ литовскаго материка и могла быть заселена народомъ иного происхожденія.

Историческимъ фактомъ является и то обстоятельство, что скандинавскіе народы съ незапамятныхъ временъ и до позднѣйшаго времени часто надвигались на земли, лежащія на востокъ отъ нихъ, слѣдовательно, на Самбовъ, Эстовъ, Куровъ; поэтому они могли занять и даже заселить лежавшую по пути косу. А такъ какъ у нихъ были изображенія боговъ въ человѣческомъ видѣ, то помянутые памятники могли происходить отъ нихъ[2]).

Другимъ вещественнымъ памятникомъ представляется камень, изобрающій, по ученому преданію, Potrimpo, находящійся до сихъ поръ въ Христбургѣ. Осмотрѣвъ слѣпокъ, находящійся въ Völkermuseum въ Берлинѣ, я пришелъ къ убѣжденію, что это — общеизвѣстная каменная баба[3]).

Никакихъ другихъ такого рода мнимо-литовскихъ памятниковъ мы не знаемъ.

Равнымъ образомъ знаменателенъ тотъ фактъ, что яснаго доказательства существованія изображеній боговъ, сдѣланныхъ рукою человѣческой, относительно Литвы — въ литературѣ также нѣтъ. Между тѣмъ, мы могли бы во всякомъ случаѣ ожидать какихъ-либо, хотя вскользь сказанныхъ указаній въ описаніяхъ походовъ крестоносцевъ и меченосцевъ, совершавшихъ свои набѣги въ глубь и въ ширь языческихъ земель. Нельзя приписать это случайности; ибо если указываются священныя рощи, лѣса, де-

---

1) Berendt, Schriften d. phys.-ökon. Gesell. X. p. 138; Berrenb., Bemerkungen zu d. Werke Bielenstein etc. p. 499.

2) Klebs, Der Bernsteinschmuck der Steinzeit. Kōngsb. 1882.

3) Gigas, der sogenannte Potrimpus etc. Ztschrft. d. histor. Vereins in Marienwerder. 1877.

ревни и городки, черезъ которые совершался ихъ опустошительный походъ, то почему же не упоминалось бы о томъ, что въ томъ или иномъ мѣстѣ они нашли и разрушили идолы? Молчаніе довольно знаменательное. Молчитъ Дусбургъ, посвятившій цѣлую главу спеціально прусскимъ вѣрованіямъ, молчитъ, очевидно, потому, что не видѣлъ никакихъ идоловъ, и ничего не слышалъ о ихъ существованіи; молчатъ папскія буллы и послѣдующіе за Дусбургомъ писатели, вплоть до Грунау. Зато у насъ есть рѣшительное и убѣдительное свидѣтельство пастора Einhorn'а, жившаго въ XVII в. среди Латышей, во многихъ мѣстахъ преданныхъ еще языческимъ обычаямъ, — который, слѣдя за ними по обязанности и записывая ихъ, категорически отрицаетъ существованіе идоловъ въ какомъ-либо видѣ и существованіе языческихъ святилищъ: „Латыши, говоритъ этотъ авторъ, хотя и имѣли много боговъ и богинь, но не ставили имъ ни храмовъ, ни алтарей, гдѣ могли бы совершать свое богослуженіе или приносить жертвы. Ибо ничего въ этомъ родѣ не найдено въ этой странѣ, и нѣтъ ни малѣйшаго слѣда этихъ вещей, исключая одно то, что они имѣли особыя рощи и лѣса, въ которыхъ воздавали поклоненіе богамъ и молились имъ. Однако въ нихъ нигдѣ не найдено ни храмовъ, ни алтарей, никакого столба, ни идола (Götzenbild)“[1]).

Если же мы и находимъ указанныя ясно „idola, templa“, гдѣ рѣчь идетъ о литовскихъ вѣрованіяхъ, то это не болѣе, какъ фраза, свойственная христіанскимъ писателямъ, употребляемая ими для обозначенія вообще язычества, не принимая во вниманіе, существовало ли дѣйствительно поклоненіе истуканамъ или нѣтъ. Такое выраженіе сложилось во времена борьбы христіанства съ язычествомъ, особенно съ Греками и Римлянами, которые возводили храмы и идолы. — Такъ, свидѣтель, разсказывавшій Канапаріусу о мученичествѣ св. Войтѣха, не видѣлъ идоловъ; какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ молчаніи въ „Vita S-ti Adalberti“; тѣмъ менѣе могъ видѣть ихъ Канапаріусъ, не бывшій въ Пруссіи; а все-таки онъ пишетъ что св. Войтѣхъ отправился въ Пруссію „deos et idola debellaturus“[2]). Съ другой стороны, св. Войтѣхъ, очевидно не знавшій о Пруссахъ, ничего кромѣ того, что они язычники, обратился къ нимъ якобы со слѣдующими словами: „ut simulacra surda et muta[3]) (relinquerent)“. — Это скорѣе фраза Канапаріуса, а не св. Войтѣха. Сила привычки объясняетъ неточность такихъ выраженій[4]).

Вь тѣхъ же случаяхъ, когда idolum имѣетъ конкретное значеніе, относящееся къ реальному предмету, — этотъ предметъ никогда не представляется въ видѣ статуи. Такъ, въ Христбургскомъ договорѣ 1249 г. ясно говорится: „idolum Kurcho“, — что, при ближайшемъ изслѣдованіи, оказывается снопомъ или пукомъ колосьевъ, сдѣланнымъ послѣ окончанія жатвы[5]). Treter въ „Vita S-ti Anselmi“ называетъ idolum — священное дерево у Пруссовъ[6]). Praetorius (стр. 23) называетъ idolum — козью шкуру, растянутую и повѣшенную на высокомъ шестѣ[7]). Длугошъ, приводя огонь, животныхъ и т. п., называетъ все это — idola и даже simulacra. Guaguin, описывая въ текстѣ священный огонь, замѣчаетъ на поляхъ: „Ignis, lituanicum idolum“.

Отстаивающіе существованіе у Литовцевъ фигуръ боговъ, ссылаются на разсказъ Преторіуса (стр. 27) и на лингвистическія доказательства.

Вотъ текстъ Преторіуса: „Mir fällt ein, was ich einsmahl bey einem fischer in dem dorf Karckel gesehen. Derselbe hat anstatt der fahnen auf dem mast seines botes eine statuam

---

1) Historia Lettica Sc. R. Liv. II, p. 583; см. ŻML I. 96.

2) ŻML I. 39.

3) Фраза заимствована изъ Св. Пис., см. Аввакумъ 2. 18.

4) Длугошь не указавъ ни на одного истукана, пишетъ idola, а затѣмъ «confractis et exterminatis idolis».

5) ŻML I, p. 88 и пр.; p. 92.

6) Тамъ же.

7) Тамъ же 91. см. Прил. VI.

beim ruder aufgerichtet. Er hatte nemlich von borcken gemacht ein bild eines menschen, dass am kopf zween gesichter, eines vornen, eines hinten waren, an beyden aber war das maul aufgesperret; an den schultern waren zween ziemlich grosse flügel, daneben er seine hände ausgestrecket, die rechte aufwärts, die linke erdwärts; in der linken hielt er einen fisch; in der rechten ein fässchen. Auf dem haupt war ein hahn gemacht. Das bildt nente er Wejopattis (т.-е. повелитель вѣтровъ). Ich muthmasse, dass vordem die alten Preussen dem Perdoytus (?!) eine solche statuam mögen gesetzet haben. Denselben fischer hielt der weiland Pfarrer daselbst N. Isingius[1]) vor einen recht alten preussischen heyden, und den er nicht vermögen könte, dass er zur kirchen ginge. Wenn dieser fischer den Wejopatys ansahe, hub er seine beyde hände auf, insonderheit wenn es ungestüm wetter war. Denselben soll er auch Wejpons, auch öfters Wejdiews (богъ вѣтровъ) genennet haben".

Не нужно особенной догадливости, чтобы замѣтить, что описанная фигура, выстругавная изъ коры (хотя бы и самой большой), была собствевно игрушкой, долженствовавшей замѣнить недостающій на мачтѣ флагъ, указывавшій направленіе вѣтра, — и поэтому-то у нея были „довольно длинныя" крылья, чтобы они легче поддавались дуновенію вѣтра. Преторіусъ, завзятый изслѣдователь старо-прусскаго быта, всюду выискивалъ какую-нибудь старопрусскую особенность. Чтобы увѣрить себя и другихъ, что эта игрушка была изображеніемъ божества, овъ прибавляетъ, будто бы помянутый пруссъ, оссобенно во время бури, поднималъ руки, какъ бы молясь этой фигурѣ. Этого не могли видѣть ни Praetorius, ни Isingius. Кто знаетъ тогдашнія драконовы предписанія властей духовныхъ и свѣтскихъ противъ языческихъ обрядовъ, угрожающія жестокими муками за малѣйшее проявленіе язычества[2]), тотъ не можетъ предположить, чтобы даже самый закоренѣлый язычникъ могъ рѣшиться на что-либо подобное публично, мало того, въ присутствіи духовнаго лица. Вышеприведенное свидѣтельство, при своемъ преувеличенномъ характерѣ, слишкомъ мало серіозно, чтобы на немъ строить столь важные, даже принудительные выводы.

Глубокій знатокъ литовскаго быта и языка, Беззенбергеръ[3]), прочтя въ неизданной рукописи перевода Св. Писанія Bretkunas'a (= Br.), что послѣдній передаетъ то же выраженіе idolum, götze, т.-е. идолъ, божокъ, литовскимъ stułpas (рѣже stułpa), столбъ; затѣмъ, что stułpas у того же Br. является синонимомъ для ebrozas (и abrozas), bild, — óбразъ, — выводитъ заключеніе: 1) что язычники Литовцы поклонялись предметамъ, похожимъ на столбы, называемымъ stułpai; 2) что такъ какъ stułpas есть синонимъ къ ebrozas, то можно было бы предположить, что на такомъ столбѣ находилось изображеніе, образъ какого-то бога, — изъ чего получилось бы значеніе „götzenbild", идолъ. Вычитавъ потомъ въ какомъ-то молитвенникѣ, что рядомъ съ stułpas поставлено bałwonas (въ предложеніи: stułpů, meadziů arba bałwonių (sic)) полагаетъ, что если bałwonas дѣйствительно значитъ „götzenbild", то оно обозначаетъ изображеніе другого, отличнаго отъ stułpas божества.

Изслѣдовавъ подробно этотъ предметъ въ особомъ приложеніи (VI) мы пришли къ тому убѣжденію, что Литовцы въ самомъ дѣлѣ почитали не столбы, а только предметы на нихъ находящееся, назвавъ все это въ совокупности названіемъ „Stułpai"; затѣмъ, что этими предметами не были изображенія въ видѣ человѣка, но либо шкуры въ жертву принесенныхъ животныхъ, либо пуки колосьевъ разнообразнаго хлѣба или травы; что bałwonas, вшедшее въ литовскій языкъ въ значеніи чтимаго язычниками

---

1) Johann Christian Ising, около 1665 діаконъ въ Кенигсбергѣ. Arnoldt. K. G. p. 599 § 6.
2) ŽMI. II p. 121 и dd. p. 132; p. 149.
3) Mythologisches in altlitauischen Texten. Beiträge zur Kunde d. indogerm. Sprachen I p. 41—47.

предмета, сохранило за собой это общее значеніе, а stułpas и mėdis составляютъ только особые роды этихъ предметовъ. Къ нимъ также привадлежатъ торчащіе надъ землей камни или вообще извѣстные камни, а вѣроятво также оставшіеся пни священныхъ деревьевъ[1]).

§ 7. При описаніи скандинавскихъ божествъ Адамъ Бременскій сообщаетъ, что къ сонму боговъ причисляли также людей, пользовавшихся при жизни большимъ почетомъ. „Colunt et deos ex hominibus factos, quos pro ingentibus factis immortalitate donant". Равнымъ образомъ поступаетъ Грунау. Онъ также послѣ описанія трехъ прусскихъ божествъ имѣетъ своихъ знаменитыхъ людей, поставленныхъ за ихъ заслуги на ряду съ богами. Такими являются божества Wurschayto, или Worschayto, или Borsskayto, и Szwaybrotto или Iszwambrato. Король Witewuto послѣ смерти получилъ первое имя, а братъ его, Bruteno другое: „den Koningk sie nannten Worskayto und den Kirwaito (Bruteno) Iszwambrato"[2]). Между тѣмъ достаточно извѣстно, что такихъ божествъ никогда не существовало. Virszaitis, — (такъ слѣдуетъ правильно писать вмѣсто Wurschayto, Borsskayto и т. п.) — назывался жрецъ, всякій разъ избираемый участвующими въ жертвоприношеніи[3]). Szwaybrotto же и т. п. названія — это два произвольно соединенныя прусскія слова: swais свой, и brote или bratis братъ; слѣдовательво swais brote, swais bratis есть буквальный переводъ нѣмецкаго „sein bruder"[4]).

Названіе Widewutus Грунау заимствовалъ у Erasmus Stella, имя же Bruteno самъ придумалъ[5]).

---

1) Подробности въ Прил. VI.

2) Grun. 79. — Забывъ о томъ, что онъ раньше сказалъ, пишетъ на стр. 95 и 96, что, наоборотъ, Bruteno назывался послѣ смерти не Wurschayto, а Witewuto-Schwaybrotto: «Diesen (т.-е. Wurschayto) die Bruden (т.-е. Пруссы) in (=ihn) selber einem gott irwelten, wen es war ihr Kirvait gewesen Bruteno» (p. 95)... «in (т.-е. Szwaybrotto) auch selber die Brudeni einen gott gemacht... wen so er ihr. Konningk war und Witewuto genannt» (p. 96).

3) См. статью Прусскій Жрецъ Sicco, въ трудахъ Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ (1890) § 3. — Coznaczy Sicco. Lwów 1891.—Оттискъ изъ журнала Przewodnik Naukowy i Literacki 1891.

4) Mannhardt первый объяснилъ это слово; см. Грунау, ed. Perlbach p. 79 прим. — Грунау пишетъ также Iswambrato (p. 3) Iszwambrato (p. 79). Буква *I* можетъ быть протетической, или также остатокъ отъ литовскаго, въ прусскомъ очень рѣдко попадающаго союза *Ir, u*.

5) Brutenus Brudeno и т. н., какъ собственное имя личности, первый разъ читается у Грунау. Witewutus, Vitovudus, не произошло отъ польскаго Wojewoda, какъ я раньше полагалъ, но отъ имени вел. князя литовскаго Vitaŭtas, которое у писателей XV вѣка подвергалось многимъ видоизмѣненіямъ, нпр. Vitoldus (aen. Sylvius; Hieronymus Prag.). «Dis ist Witoldis sache wedir Jagal...» (doc. съ конца XIV в., см. S. R. Pr. II 712).—Witoldt (у Борнбаха XVI в. подъ 1381 год.). — Wytaŭdus, Wytaŭt (Wigand XV в. S. R. Pr. II 606 и во многихъ другихъ мѣст.). Wytowt (doc. XIV в. см. Voigt Gesch. Preuss. V. 128). Wytavt (Wytard очевидная опечатка. Herm. de Wart. S. R. Pr. II 82). Оставивъ другія видоизмѣненія этого имени, обратимся къ болѣе для насъ важному. Въ рукоп. XV вѣка, найденной профессоромъ Ранке въ библіотекѣ Chigi въ Римѣ, и заключающей въ себѣ компиляцію, составляющую краткій очеркъ исторіи нѣмецкаго ордена, читаемъ: Susceperunt preterea domini cruciferi... Vitoldum sive Alexandrum Vitovudum, magnum ducem Lytwaniae, fratrem Vladislai Jagellonis, in gubernatorem... S. R. Pr. IV. 235. — Въ другой рукоп., также XV в., и также компиляціи и такого же содержанія, что́ и упомянутая, находящейся въ Гёттингенской библіотекѣ, одна часть имѣетъ заглавіемъ: A. д. 1410 15 mensis Iulii fer. III ipso die divisionis apostolorum, rex Poloniae, dictus Yagyelo... cum fratre Vittovudo (Vittorudo видимая опеч.), alias Vitoldo, iniit certamen cum magistro Prussiae, nomine Cunrado (!) Jungingen (Э. прим. f.).

Слѣдовательно Vitovudus—имя вел. кн. литовскаго Vitautas.

Сравнивъ же обѣ хроники между собою, оказывается, что онѣ въ сообщеніи фактовъ XV вѣка пользовались, между прочими, однимъ общимъ источникомъ, вѣроятно хроникой, изъ которой обѣ заимствовали также имя в. князя въ формѣ Vitovudus. Слѣдовательно въ это время читалась форма Vitovudus по крайней мѣрѣ въ трехъ хроникахъ и могла быть извѣстной спеціалистамъ. Такимъ спеціалистомъ былъ извѣстный фальсификаторъ

Такимъ образомъ вышеуказанное свидѣтельствуетъ о дальвѣйшемъ рабскомъ подражаніи Адаму Бременскому, о произвольномъ сплетеніи и сочетаніи его сообщеній съ выдумками Эрасма Stella, примноженными собственными вымыслами, и о неизвѣстно уже сколько разъ повторяемой нарочно фальши Грунау.

§ 8. Указаніемъ на обожаніе знаменитыхъ людей Адамъ Бременскій кончаетъ свое описаніе скандинавскихъ божествъ, а Грунау былъ вынужденъ въ дальвѣйшемъ разсказѣ искать себѣ другого руководителя.

Изъ описанія дуба въ Ромове казалось-бы, — а писатели прусско-литовскихъ вѣрованій и придерживаются этого мнѣнія, — что этотъ дубъ потому считался священнымъ, что въ его отверстіяхъ помѣщались три божества и что такимъ образомъ онъ являлся ихъ жилищемъ. Уже самъ Грунау пишетъ: die (Cimbri) brochten mit ihn (съ собой) 3 bilde ihrer abgotte (p. 94). — Zu Rickoyott, do ir bilde stund in der eichen (p. 95). — In iglichem (teil der eiche) stund ein abgott (p. 78). So hett berufft 'Widowuto der Konigk alle menungk (мужей) des volcks uff Nadrowien vor eine mechtige eche... und sprach also: liebes volck, du solt wissen, und uns haben irwelet und dis .land unser götte, sunderliche dis heylig holtz, dy eiche, in welcher sie bey dir wonen wellen... (p. 87). — So wisset, und euer götte nindert, wen alhie in dieser heiligen eichenn haben irwelet ire wonungk und sie wellen allhie besucht sein (p. 88). Между тѣмъ дѣло представляется иначе. Родившійся въ Tolkemitten монахъ еще изъ дому вынесъ преданія о священныхъ деревьяхъ; затѣмъ, бродя по разнымъ странамъ Пруссіи, онъ слышалъ о нихъ среди народа; наконецъ онъ читалъ о нихъ и у своего любимаго образца, Эрасма Стелла, пользовавшагося въ это время громадной извѣстностью, и называвшаго великолѣпные дубы въ Пруссіи прямо жилищемъ и домомъ боговъ[1]).

исторіи Erasmus Stella, писавшій прусскую исторію съ древнѣйшихъ временъ до призванія нѣмецкаго ордена въ Пруссію Конрадомъ Мазовецкимъ... Стелла, вычитавъ имя Vitovudus въ одвой изъ упомянутыхъ хроникъ или въ какомъ-пибудь иномъ документѣ, сократилъ его въ Vidvutus, и личности, посившей это имя, приписываетъ всевозможныя установленія, само собою разумѣется, всѣ вымышленныя. Онъ первый знаетъ, что Vidvutus по происхожденію Аланинъ (Alanus, срав. выдуманныхъ Lit-alani), который, избранный королемъ соединенными съ Аланами Боруссами, издалъ новые закопы и ввелъ порядки въ общественную и религіозпую жизнь народа. Этими данными воспользовался другой не меньшій фальсификаторъ Грунау, который перенявъ отъ Эрасма имя короля Vidvutus въ формѣ Widowutus, Widewuto, и т. п., дѣлаетъ его также королемъ и законодателемъ, но только Пруссовъ (Bruttenen). Не довольствуясь этимъ и желая знать еще больше Эрасма, онъ сочиняетъ дальнѣйшія дѣянія Видовута на основавіи фактовъ, сообщенныхъ Св. Писаніемъ о законодателѣ Моисеѣ, что уже впрочемъ и у Эрасма замѣтно. Какъ Моисей собираетъ еврейскій вародъ и даетъ ему наставленія, точно такъ дѣйствуетъ и Видевутусъ среди своихъ Брутеновъ. Оставивъ всѣ подробвыя аналогіи, на которыя укажемъ въ другомъ мѣстѣ (въ Zródłach do Mytologii Litewskiej), обратимъ вниманіе еще на одну болѣе важную. Какъ въ Св. Писаніи Ааронъ былъ братомъ Моисея и въ то же время высшимъ духовнымъ лицомъ Евреевъ, точно также придумалъ Грунау для своего Видовута брата, Брудено, и дѣлаетъ его высшимъ жрецомъ Брутеновъ, назвавъ эту должность Kirvaito, на подобіе имени мнимаго высшаго жреца въ Надровіи, Criwe, вычитаннаго у Дусбурга. Этимъ и объясняется, почему Грунау, знающій немного прусскій языкъ, брата Видевута, Брудено, назвалъ по-прусски Szwambrotto «его (т.-е. Видовута) братъ». Изъ всего приведеннаго оказывается: 1) что Vidovutus, Vidvutus, Widowutus и пр.—изуродованное имя вел. князя Vitaŭtas; 2) что Брудено, братъ Видовута придуманъ Грунау, и 3) что преданіе о Видовутѣ и Брудено образовалось въ другой половинѣ XV. в. и началѣ XVI в. на основаніи ложныхъ данныхъ, вымышленныхъ относительно Видовута отчасти Эрасмомъ Стелла, и отчасти Грунау; между тѣмъ какъ Брудено принадлежитъ цѣликомъ къ выдумкамъ Грунау.

[1]) Praecellentes arbores, ut robora, quercus, deos inhabitare dixerunt, ex quibus sciscitantibus responsa reddi audiebantur; ob id nec hujuscemodi arbores caedebant, sed religiose, ut numinum domos, colebant. Грунау подражая Эрасму, пользуется извѣстіемъ, что священными деревьями были даваемы спрашивавшимъ отвѣты. Поэтому и онъ о своемъ священномъ дубѣ въ Ромовѣ пишетъ, что въ отвѣтѣ было слышно «brummen in der eychen» (p. 95); см. § 3 и прим. 5.

Руководствуясь всѣмъ этимъ Грунау помѣстилъ придуманныя имъ статуи своихъ боговъ также въ дубѣ въ Ромове, и такимъ образомъ пріобрѣлъ своимъ выдумкамъ нѣкоторое основаніе.

Безпокоило его однако то, что скандинавскія божества стояли въ святыви; поэтому слѣдовало Грунау, что-либо подобное въ этомъ родѣ придумать и для своихъ прусско-литовскихъ божествъ. И тутъ онъ нашелся. Онъ придумалъ, какъ мы уже раньше упомянули, что вокругъ дуба на высотѣ семи локтей были развѣшены занавѣсы, за которыя нельзя было никому входить, кромѣ Kirvaito; и что если кто приходилъ, положимъ, съ жертвоприношеніями и т. п., то занавѣсы раздвигались. — Эти-то занавѣсы, отдѣляющія святые предметы отъ народа, совокупно съ упомянутымъ запрещеніемъ, — живо напоминаютъ еврейскую святыню и удивительно сходны съ предписаніями, касающимися ея постройки въ Exod. XXVI 1—35[1]). — И не удивительно. Монаху, ознакомлеввому требованіемъ своего званія съ Св. Писаніемъ, само собою, невольво представлялась образцомъ еврейская святыня, которому и слѣдовалъ. Въ доказательство приведемъ нѣкоторые примѣры. „И повѣсиши завѣсу на столпѣхъ: и внесеши тамо внутрь завѣсы кивотъ свидѣвія: и раздѣляти будетъ завѣса вамъ посредѣ святилища и посредѣ святая святыхъ. И закрieши завѣсою кивотъ свидѣнія въ святая святыхъ“. Exod. XXVI. 33. — И рече Господь къ Моисею: Глаголи Аарону, брату твоему, да не входитъ по вся часы въ святое внутрь завѣсы... Сице внидетъ Ааронъ въ святое съ тельцемъ отъ говядъ грѣха ради, и съ овномъ на всесожженіе“. Lev. XVI. 2. 3. „И внесе кивотъ въ скинію и возложи покровъ завѣсы“. Ex. XL. 21. См. III Крон. 14; Ев. св. Матѳ. XXVII. 57.

Въ сравненіи съ необузданной фантазіей Грунау святыня его имѣетъ еще скромный видъ; между тѣмъ послѣдователи его, какъ напр. Гвагнини, пятьдесятъ лѣтъ спустя (1578), уже пишетъ, что Пруссы своимъ божествамъ воздвигнули подъ извѣстнымъ дубомъ съ громадными издержками великолѣпную святыню[2]). — И несмотря на все вышеуказанное еще многіе ученые не могутъ отказаться отъ мнѣнія, будто бы Литовцы строили своимъ богамъ святыни.

Наше совсѣмъ противное мнѣніе потверждается еще двумя ясными, положительными свидѣтельствами. Одно Каллимаха съ конца XV вѣка, который, опровергая мнѣніе нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, а главнымъ образомъ Длугоша, будто бы Литовцы происходили отъ Римлянъ, утверждаетъ, что ихъ начала слѣдуетъ скорѣе искать у Галловъ, на томъ основаніи, что Литовцы наравнѣ съ Галлами молятся въ священныхъ рощахъ, и не имѣютъ никакихъ святынь. „Ceterum Gallicae ac non Romanae originis argumentum adducitur idyoma, omnino ab Italo abhorrens; mos praeterea et religio consecrandorum nemorum, sine ullis templis, ritu Gallorum Druidarum, quae Romanis, habentibus deorum aedes et ministeria sacrorum, diversa sunt[3]).

Второе свидѣтельство изъ XVII в. касается Латышей. Въ немъ извѣстный намъ пасторъ Einhorn прямо говоритъ, что Латыши не устраивали своимъ божествамъ никакихъ святынь: „Diese Letten aber, ob sie schon viel götter und göttinen gehabt, haben sie doch keine tempel oder altäre ihnen erbawet, da sie ihren gottesdienst oder opfer hätten verrichten mögen; denn es ist im geringsten hievon in diesem lande nichts gefunden... ohn dass sie besondere sacros lucos oder wälder gehabt, darin

---

[1]) Toeppen въ Gesch. d. preuss. Historiogr. p. 191 эту постройку считаетъ ни на чемъ не основанной выдумкой Грунау. Manches, wie die hübschen Tücher, mit welchen das Allerheiligste verhängt gewesen sein soll, und die gleichgiltigen Dimensionsbestimmungen, ist freilich willkürlich zugesetzt.

[2]) Въ описаніи Пруссіи.

[3]) Vita et mores Sbignei Cardinalis p. 28.

sie ihre götter geehret und angeruffen, in demselben aber ist weder tempel, noch altar, oder jenige seule und götzenbild gefunden worden“[1]).

Эти свидѣтельства окончательно рѣшают вопросъ. Въ ихъ достовѣрности нельзя сомнѣваться, тѣмъ болѣе, что Каллимахъ для поддержанія своего утвержденія, направленнаго противъ Длугоша, долженъ былъ основательно обдумать этотъ предметъ; — способъ же выраженія Einhorn'а доказываетъ, что онъ, какъ духовное лицо, заинтересовавное въ отыскавіи, преслѣдованіи и уничтоженіи всякихъ остатковъ язычества, самъ дѣлалъ розыски или приказалъ ихъ производить и, несмотря на это, никакихъ слѣдовъ святывь и истукановъ не нашелъ.

Если же, несмотря на это, въ другихъ источвикахъ читаемъ уже не то общее выраженіе „templa“[2]), а конкретное „templum“, какъ напр. у Гіеронима Прагскаго[3]); да, если Вигандъ[4]) прямо указываетъ на aedes или domos sacras въ Вендзиголѣ, то слѣдуетъ надлежащимъ образомъ разобрать, какія Литовскія строенія они оба называли templum и aedes sacras. — Мы сдѣлаемъ это въ § 12.

§ 9. Грунау, какъ извѣстно, ставитъ свой дубъ на первое мѣсто, оставляя вѣчный огонь на второмъ планѣ. Но зато онъ говоритъ о двухъ огняхъ. Не зная очевидно объ нихъ ничего положительнаго, онъ разъ утверждаетъ, что передъ Перкунасомъ безпрестанно днемъ и ночью горѣлъ огонь изъ дубовыхъ дровъ[5]), а на немъ сжигали жертвы, а затѣмъ въ другомъ мѣстѣ, забывъ о сказанномъ, пишетъ, что божества требуютъ, чтобы передъ ними (т.-е. передъ цѣлой тройцей) горѣли два постоянные огня, одинъ изъ чистаго воска, на который должно было сыпать ладонъ, а другой изъ сухого дерева, на которомъ сжигали бы предназначенныя богамъ жертвы[6]).

Уже Арнольдъ (Arnoldt) удивляется, къ чему служилъ бы вѣчный огонь изъ воска, если другой равнымъ образомъ доставлялъ ночью жрецамъ желаемый свѣтъ[7]). Будто бы вѣчвый огонь былъ разводимъ съ этой цѣлью! Вообще вѣчный огонь, поддерживаемый воскомъ безъ дровъ и угольевъ, представляется намъ загадкой.

Мысль о неугасимомъ огнѣ заимствована Грунау у Дусбурга (§ 1) и изъ Священнаго Писанія, которое, вслѣдствіе недостатка у Дусбурга желаннаго матеріала, опять дѣлается его главнымъ руководствомъ. Итакъ въ Св. Пис. читаемъ: „Сей законъ всесожженія: сіе всесожженіе на горѣніи его на олтарѣ всю нощь до заутра, и огнь олтаря, да горитъ на немъ, и не угасаетъ“. Lev. VI. 9. „И огнь на олтарѣ да горитъ на немъ и не угасаетъ“... Lev. VI. 12. „И огнь всегда да горитъ на олтарѣ, и не угасаетъ. Ib. 13. и въ многихъ другихъ мѣстахъ.

Мысль о двухъ огняхъ Грунау могъ заимствовать только изъ Св. Писанія, въ которомъ читаемъ, что Богъ приказалъ Евреямъ построить два жертвенника, одинъ для возженія ладона: „И да сотвориши олтарь кадильный отъ древъ негніющихъ“. Ex. XXX. 1., а второй для жертвоприношевій. Ex. XXVII. 1[8]). — Подражаніе замѣчательно.

---

[1]) Historia Lettica Sc. R. Liv. II. p. 583; мы уже сослались на это свидѣтельство въ § 3 прим. 4; для его важности мы его приводимъ въ подлинникѣ.

[2]) См. § 6.

[3]) Sc. R. Pr. IV, p. 237, 239.

[4]) Cron. nova prut. c. 135-b, S. R. Pr. II, 623/4. См. Ż. M. L. I, p. 117.

[5]) (Perkuno) cleinott war, damit man stetis feuir hette, von eichenen holtze, tag und nacht... auff man brandte die oppherung. Grun. 78.

[6]) Sywellen, und eyn stetis feuer vor in(=ihnen) burnen sal, eines von guttem waxe sal gehalten werden, in dis nix andirs, den weiroch komen sal; das ander von gantz troygem holtze, in welchem man vorburnen sal was man den göttin gantz zueigenen wil. Gr. 89.

[7]) Kurzgefasste Kirchengeschichte d. Königr. Preussen. Kgsbg., 1769, p. 15.

[8]) Vulgata Exod. 37, 25; 38. 1.

На этомъ-то основаніи Грунау придумалъ огонь для возженія ладона и самовольно сдѣлалъ его вѣчнымъ. Воскъ же, какъ матеріалъ для жертвоприношенія, появляется у Грунау подъ вліяніемъ обычая, господствующаго даже во времена христіанскія; только что въ языческія времена, вѣроятно, воскъ дѣйствительно бросали въ огонь, а въ христіанскія дѣлали изъ него церковныя свѣчи[1]).

Сообщеніе писателей о томъ, что вайделоты жили вокругъ мѣста, гдѣ горѣлъ неугасимый огонь, уже по тому заслуживаетъ довѣрія, что стерегущіе его по необходимости должны были находиться вблизи.

По всей вѣроятности также и вблизи какого-нибудь священнаго дерева проживалъ вайделотъ, такъ какъ намъ извѣстно, что еще въ XVII в. maldininkas (божкомолецъ) объявилъ Прэторіусу, что онъ готовъ даже съ семействомъ проживать возлѣ дерева, считающагося священнымъ, еслибы ему только это разрѣшили, а дерево вѣдь не нуждается въ такомъ присмотрѣ, какъ огонь.

§ 10. Послѣ обстоятельнаго разбора подробностей о Ромове, сообщенныхъ Грунау, и повторяемыхъ всѣми лѣтописцами и историками, писавшими о нашемъ предметѣ, мы считаемъ удобнымъ по поводу многочисленности и разнообразія этихъ подробностей собрать и свести результаты нашего изслѣдованія, къ которымъ мы до сихъ поръ пришли.

1) Названіе мѣстности Ромове и ея положеніе въ Надровіи Грунау заимствовалъ у Дусбурга.

2) Дубъ и его святость основаны на дѣйствительной литовской традиціи и на словахъ Erasmus Stella.

3) Дубъ, какъ жилище божества, взято также изъ дѣйствительной традиціи и Erasmus Stella.

4) Вѣчная зелень дуба въ Ромове вычитана у Адама Бременскаго, какъ кажется, не непосредственно.

5) Дѣленіе дуба на три равныя части и находящееся въ каждой изъ нихъ отверстіе — есть поддѣлка подъ дѣйствительную традицію, по которой всѣ деревья, стволь которыхъ или вѣтви которыхъ, раздвоившись, опять срослись, образуя такимъ образомъ отверстіе, — считались священными.

6) Число трехъ божествъ основано главнымъ образомъ на описаніи Адама Бременскаго; но кромѣ этого могъ на это повліять христіанскій догматъ о Св. Троицѣ и литовское вѣрованіе въ святость числа три.

7) Названіе „Perkunas“ взято изъ дѣйствительнаго вѣрованія; названія „Potrympo“ и т. п. и „Patollus“ заимствованы изъ Collatio Ep. Varm. Форма „Patrimpo, Potrympo“, въ значеніи собственнаго имени, первый разъ встрѣчается у Грунау; оно образовано по аналогіи съ „Natrimpe“, въ Coll. (См. Прил. V). Patollus же перенялъ Грунау изъ той же Collatio безъ всякаго видоизмѣненія.

8) „Bilder“, изображеніе, образъ, въ данномъ случаѣ статуи, являются переводомъ слова „statuae“ у Адама Бременскаго; описаніе ихъ вида — чистая выдумка Грунау; цвѣтъ голубаго платья — это національный цвѣтъ одежды жителей самбійской области.

9) Опредѣленіе власти высшихъ божествъ составлено по аналогіи съ властію трехъ скандинавскихъ божествъ у Адама Бременскаго, съ тою только разницей, что

[1]) Еще 1578 г. курфирстъ Georg Friedrich «Мандатомъ», даннымъ на имя старостовъ (Heübtleute) Тильзитскаго и Рагнитскаго округовъ, запрещаетъ всѣ языческіе обряды, каковы: посѣщеніе (священныхъ) рощъ, жертвоприношенія восковыхъ дѣтей, рукъ, ногъ, животныхъ. Gött. Nachrichten, 1877, № 12, стр. 241—264. Nessem. N. P. P. Bl. Andere Fol. 1852. Bd. 1. стр. 271. Beiräge zur Kunde d. Ind. Spr. Bd. 1, p. 45.

функціями трехъ скандинавскихъ божествъ Грунау надѣлилъ два свои божества; для третьяго — взялъ за основаніе существующее вѣрованіе въ домовыхъ и демоновъ страха — все другое присочинилъ отъ себя.

10) Надѣленіе божествъ символами заимствовано изъ описанія Адама Бременскаго; самые же символы — выдумка Грунау.

11) Widewutus, Widewuto и т. п. — это Vidvutus Эрасма Стелли; братъ его Brudeno — вымышленъ Грунау, имя же „Bruteno" образовано отъ имени народа Пруссовъ (Bruteni Пруссы; Brutenus прусскій человѣкъ). Власть предводителя и законодателя Пруссовъ, Widowut'a, равно какъ власть его брата Brudeno, высшаго жреца (Kirvaido) Пруссовъ, составлены по аналогіи съ властью предводителя и законодателя Евреевъ, Моисея, и съ властью его брата, высшаго духовнаго лица Евреевъ, Аарона. Kirvaido — это исковерканное собственное имя жреца огня, Criwe (Дусбургъ), въ значеніи должности.

12) Обоготвореніе заслуженныхъ людей послѣ смерти — это подражаніе Адаму Бременскому; имя обоготвореннаго Видовута, „Virszaitis" есть слово литовское, обозначающее предводителя въ жертвоприношеніяхъ, имя же обоготвореннаго послѣ смерти Brudeno — „Szvambrotto", — это исковерканное прусское „swais brote" означающее „его братъ".

13) Простыни, повѣшенныя вокругъ дуба, образующія занавѣсъ и отдѣляющіе народъ отъ святѣйшаго мѣста, — также вымыселъ Грунау, освованный на описаніи еврейской скиніи въ Свящ. Писаніи. — Запрещеніе, что кромѣ Kirvaido никому нельзя было входить за занавѣсъ — имѣетъ источникомъ также Свящ. Писаніе.

14) Неугасимый огонь принадлежитъ къ дѣйствительнымъ вѣрованіямъ. Источникомъ для Грунау съ одной стороны былъ Дусбургъ, съ другой Священное Писаніе; источникомъ же для двухъ огней—только Свящ. Писаніе.

Изъ всѣхъ указанныхъ нами подробностей Грунау создалъ нѣчто цѣлое, съ дерзостью выдавая это выдуманное цѣлое, за истину, существовавшую въ Ромове.

Изъ критическаго же разбора этихъ подробностей — достовѣрны-ли онѣ, или нѣтъ, — оказывается въ окончательномъ, общемъ результатѣ: „что описаніе Ромове Грунау — это компилація извѣстій, почерпнутыхъ изъ разныхъ, указанныхъ нами, авторовъ, которыя мы знаемъ лучше и основательнѣе и безъ Грунау. Всѣ же другія извѣстія, которыя намъ представляются новыми, — это выдумки и ложь, переходящія границы воображенія и терпимости".

§ 11. Покончивъ съ Грунау, мы свободнѣе можемъ приступить къ разсмотрѣнію вопроса о вѣчномъ огнѣ, требующаго однако предварительно нѣсколько общихъ замѣчаній относительно видовъ огня у Литовцевъ.

Огонь вообще занималъ первостепенное мѣсто въ религіозной, соціальной, публичной или частной жизни всѣхъ Литовцевъ. Мы различаемъ огни, такъ называемые вѣчные (jugis Dusb.), которые неугасаемо должны горѣть, главнымъ образомъ для подачи изрѣченій, каковые огни горѣли напр. въ Ромове, въ Вильвѣ и въ другихъ важнѣйшихъ мѣстностяхъ (in celebrioribus locis. Dlug.), и огни временные, раскладываемые въ извѣстныхъ только случаяхъ. Изъ послѣднихъ одни были періодическіе, какъ напр. огни на Ивана Купалу (Sobótki), другіе опять могли раскладываться во всякое время для сожженія умилостивительныхъ или благодарственныхъ жертвъ. Если въ концѣ послѣдніе огни были зажигаемы по какому нибудь случаю, интересующему общество, то всѣ вышеуказанные виды огня можно назвать публичными. Дусбургъ, за исключеніемъ огней на Ивана Купалу и умилостивительныхъ, упоминаетъ и объ остальныхъ.

Первое извѣстіе о прусскихъ огняхъ на Ивана Купалу (Heilfeuer, Sobótki) сообщаетъ намъ Вармійскій эпископъ Генрихъ III (1373—1401), запрещающій въ своей эпархіи этотъ обычай „Prohibemus etiam, ne celebretur Sabbatum, quod vulgariter Heilfeier [1]) dicitur, prout suggestione diaboli et adinventione rusticorum, a quibusdam consuevit celebrari [2])“. О томъ же прусско-литовскомъ обычаѣ упоминаетъ Генвебергеръ (Henneberger) [3]), что наканунѣ Ивана Купалы вечеромъ добывали посредствомъ колеса, соломенныхъ веревокъ [4]) и каватовъ огонь на мѣстѣ, предназначенномъ для пастбищъ.

Изъ умилостивительныхъ жертвъ для отвращенія непріятельскихъ нашествій приведемъ примѣръ изъ временъ, когда христіанство господствовало уже болѣе двухъ вѣковъ. Происходило это въ 1520 г. Поляки, вытолкнувши крестоносцевъ изъ Варміи, заняли войсками всю Натангію и уже намѣревались пройти Прегелю, угрожая столицы герцога Альбрехта. Съ другой стороны приближался къ самбійскимъ берегамъ гданскій флотъ. Среди такихъ тяжелыхъ обстоятельствъ гроссмейстеръ ордена, герцогъ Альбрехтъ, исчерпавъ всѣ средства защиты, находился въ отчаянномъ положеніи. Прусскіе представители народа (Stände) въ этой всеобщей тревогѣ, вспомнивъ обѣтъ, данный при такихъ же обстоятельствахъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ Св. Войцѣху, покровителю Пруссіи, и до сихъ поръ еще не выполненный, возобновили обѣщаніе. Народъ, истощенный налогами, въ видѣ поставки солдатъ и денегъ, не зналъ, откуда и ждать себѣ спасенія. И вотъ является самбійскій вольвый человѣкъ, Waltin Suplitt, очевидно вайделотъ, когорый публично извѣщаетъ, что обладаетъ способомъ для удержанія непріятелей отъ нашествія на Самбію, лишь-бы только правительство разрѣшило употретребить его, и жители не отказали въ помощи. Отправленные къ герцогу послы, видно, вернулись съ позволеніемъ, такъ какъ жертва вскорѣ была совершена. Тогда Вальтинъ Суплиттъ потребовалъ отъ крестьянъ чернаго быка и двѣ бочки пива. Крестьяне, помня еще языческіе обряды, все охотно доставили въ деревню Рантау (Rantau). Тутъ на морскомъ берегу въ присутствіи однихъ только мужчинъ, такъ какъ языческіе обряды въ этомъ случаѣ запрещали присутствіе женщинъ, зарѣзавъ по обряду предковъ быка въ честь боговъ, онъ сжегъ на спеціально съ этой цѣлію устроенномъ кострѣ кости и внутренности, при произношеніи молитвъ, сопровождаемыхъ жестикуляціями рукъ и ногъ, да кромѣ того и другихъ, точнѣе не обозначенныхъ, обрядовъ. Сваривъ быка, присутствующіе пировали до крайности и этимъ закончилось жертвоприношеніе. Нѣсколько дней спустя послѣ жертвоприношенія показались гданскіе корабли, которые приблизившись къ берегамъ, вдругъ отплыли. Позднѣе стало извѣстнымъ, что самбійское побережіе представилось гданскому флоту въ такомъ ужасномъ видѣ, какого никогда въ жизни не случилось имъ видѣть. Это обстоятельство произвело на народъ такое сильное впечатлѣніе, что онъ былъ увѣренъ въ дѣйствительной помощи боговъ [5]).

Однакожъ это жертвоприношеніе имѣло свои печальныя послѣдствія. Ибо когда

---

1) Heilfener.

2) Statuta Synodalia, изд. по рукописи профессоромъ A. Thiel, въ Index lectionum Lycei Hosiani. Brunsbergae 1861, p. 9 § 22; см. Bender A. Pr. M. Sch. Bd. IV, 1867, p. 3 прим. 4.

3) Vom Nothfewer auff S.-Johannis des Teuffers abends. Erklärung d. preuss. grösseren Land-Taffel Ksgb. 1595, p. 322. — Tettau und Temme p. 227.— О литвѣ упоминаетъ Юцевичъ (Ludwik z Pokiewia Litwa p. 226). Ks. Wołonczewskis: Zemajtiu Wiskupiste. Wil. 1848, dalis II p. 169 (§ 243). — О Латышахъ A. Bielenstein das Johannisfest der Letten. Balt. Monatssch. Bd. 23, 1874. Трейландъ у Вольтера Матеріалы част. I p. 69. — О полякахъ Marcin z Urzędowa p. 32. О Notfener Grimm D. Myth. p. 570 и др. Kuhn Herabk. d. Feuers, p. 43.

4) Въ подлинникѣ «gerstellen». Frischbier Preuss. Wörterbuch Ost und Westpreussische Provinzionalismen Berlin, 1822 s. v. «Gerstel, dickes strohseil, womit die garben des sommergetreides, besonders der erbsen und bohnen zusammengebunden werden. Natangen. Pisanski schreibt gerstellen.

5) Этотъ фактъ разсказываетъ со всѣми подробностями Lucas David. T. 1, стр. 117 и др. Въ сокращеніи же сообщаютъ его N. P. P. Bl. 1846. T. II, стр. 211 и др.

въ теченіе семи лѣтъ послѣ него оказывался постоянный недостатокъ въ рыбѣ, и рыбаки, хотя пускались на нѣсколько миль въ глубь моря, всетаки возвращались съ пустыми почти сѣтями, опечаленные жители опять обратились за помощью къ Суплитту, который откровенно имъ сознался, что въ молитвѣ его произошла ошибка, такъ какъ онъ просилъ боговъ объ удаленіи всего, забывъ исключить рыбу. Вайделотъ, упрошенный вымолить у боговъ новое изобиліе рыбъ, потребовалъ отъ прибрежныхъ жителей откормленной черной свиньи, которую ему охотно доставили, прибавивъ еще нетребованныя двѣ бочки пива. Изъ совершенныхъ обрядовъ упоминаютъ объ одномъ, а именно, что вайделотъ, пробормотавъ надъ вырѣзанными выменами какія-то слова, бросилъ ихъ въ море, а всѣ, сваривъ оставшееся мясо, по древнему обычаю стали пировать и пить.

Но на этотъ разъ не избѣгли наказанія. Подъ предсѣдательствомъ перваго самбійскаго протестантскаго эпископа Поленца былъ произведенъ судъ надъ Суплиттомъ и 73-ю участвующими, происходящими изъ восьми побережныхъ деревень. Наказаніе смертью, примѣняемое за такого рода преступленія, было замѣнено строгимъ церковнымъ покаяніемъ съ прибавленіемъ побоевъ розгами [1]).

Кромѣ тѣхъ огней, которые мы назвали публичными, были также **частные**, среди которыхъ важное мѣсто занималъ огонь на **домашнемъ очагѣ**, считаемый также священнымъ [2]). Каждый хозяинъ поддерживалъ его съ большой заботливостью и усердіемъ со дня на день, уже по тому, что добываніе новаго огня представляло не малое затрудненіе, и что сосѣдства не были близки. Если же огонь потухъ, то это предвѣщало громадное несчастье. Въ одной латышской пѣснѣ читаемъ:

Потухъ у меня огонь,
Потеряла я свою матушку.
Огвя я достала у сосѣда,
Но матушки не нашла (Спрогисъ 214).

Съ цѣлью сохранить огонь до слѣдующаго дня, сгребали красные угольи въ углубленіе (foculus) на очагѣ (focus) и покрывали золой. Въ Жмуди хозяйка, вечеромъ прикрывая ихъ золой, молилась: Szventa Gabēta, gyvank su mumis linksmaj! Святая Габета живи съ нами весело! [3]) Если Бендеръ только догадывался, что въ корнѣ gab скрывается значеніе „огня“ [4]), то Акелевичъ [5]), литовецъ по происхожденію, ясно высказалъ, что огонь въ торжественной рѣчи называется Gabia, а Вольтеръ фактически доказываетъ, что до сихъ поръ огонь зовутъ Gabia szventa въ Россіенскомъ уѣздѣ, Gabeta же или Gabēt(?) въ Шадовскомъ приходѣ [6]). Весьма интересная молитва изъ Ворнь (Медники) Тельшев-

[1]) Lncas David тамъ же стр. 120. N. P. P. Bl. стр. 213. — Другія жертвоприношенія приведемъ въ иной разъ.

[2]) Вольтеръ сообщаетъ, что еще въ 1886 г. «въ Шавельскомъ и Россіенскомъ уѣздахъ огонь называется святымъ: sventa ugnis, sventa ugne...» Матеріалы для этнографіи лат. плем. Часть I. Петерб. 1890, стр. 136.

[3]) Jan Lasicki. Krakow 1870, p. 31. Янъ Ласицкій etc. Кіевъ. 1875 г., стр. 17.

[4]) Zur altpreussischen Myth. A. P. M. Sch. IV. 167 «der Stamm gab könnte also den Begriff Feuer herd, ofen(?) ausdrücken».

[5]) Lelewel T. V ed. Zupański p. 462, прим. 30.

[6]) Матеріалы, стр. 136, прим. 3, гдѣ приводится рѣчь, произнесенная на свадьбѣ въ Шимкайцкой вол. Россіенскаго уѣзда: «Prasan tu jaunū pańālu, piłkas sułas ir baltas stalas us(z)tupitas, kursei ira lina gije uztestas, gabije sventa ussvēstas, peileis, widālceis ir wisokeis stotkais apdētas. Прошу этихъ молодыхъ дѣвицъ, сѣрая скамейка и бѣлый столъ уставленъ, который льняной нитью накрытъ, святымъ Огнемъ освѣщенъ, ножами, вилками и всяческимъ приборомъ убранъ. Въ такой же рѣчи крестьянинъ Шатайтисъ изъ Таурогенской вол. того же Росс. уѣзда говоритъ: Del to prasau pona starsoje, piłka suła ir bałta stała, kuri regu linagija ustista ir sventa gabija apsvista ir Deva dovanums pripildita». Поэтому прошу старшаго пана, (занять) сѣрую скамейку и бѣлый столъ, который вижу льняною нитью накрытымъ, и святымъ Огнемъ освѣщеннымъ, и дарами Бога наполненнымъ. (По неисправности текста переводъ даю по смыслу). Равно и въ Скаудвильской вол. Росс. уѣзд. «Sventa Gabēta apsvesta. Тамъ же прим. 4.

скаго уѣзда, совмѣщаетъ понятія языческія съ христіанскими: „Szventa Agota su szvintu Gabetu keravokit muni nu ugnës. Святая Агата вмѣстѣ со святою Габетою спасите меня отъ огня!“[1]) Въ этой молитвѣ Gabeta является уже защитницей огня вообще.

Жмудины въ XVI в. называли Gabija огонь, который раскладывался въ сушильняхъ, овинахъ для высушиванія несозрѣлаго или сырого зерна въ колосьяхъ. Лясковскій, благодаря Ласицкому, сохранилъ намъ молитву къ покровительницѣ этого огня: Gabije devaiti! pokelki garu, ne lejski kibirksztiu, Габіе богиня подними (усиль) жару, не распускай искръ![2]) Прусскіе источники для божества огня въ сушильняхъ имѣютъ спеціальное названіе: Gabjauja въ жен. родѣ, Gabjaujis въ мужскомъ[3]).

Иное названіе сообщаетъ Ласицкій „Pelengabie“, сложенное изъ pelenai пепелъ и gabija, означающее этимологически огонь, жаръ подъ пепломъ[4]), и, по литовскому обычаю обоготворенія всего, также богиню, сохраняющую огонь подъ пепломъ, точно такъ, какъ въ Пруссіи Gabwartas. О Matergabie Ласицкаго до сихъ поръ ничего положительнаго мнѣ неизвѣстно.

Въ Судавской книжкѣ Wahrhafftige Beschreibung etc. Гіеронимъ Малецкій сообщаетъ намъ, будто бы прозвищемъ огня на очагѣ было „Panicke, Panike“. Описывая моментъ свадебнаго обряда, когда невѣсту обводятъ вокругъ очага, онъ сообщаетъ:

1) Тамъ же.

2) Въ подлинникѣ (Laś. ed. Mannhardt p. 15) читается nulejski низпускай искры; но латинскій переводъ имѣетъ: ne demittas scintillas.

3) Praetorius пишетъ Gabjauga, (стр. 22) и Gabjaugia (стр. 64), оба раза вмѣсто правильнаго Gabjauja, которое читаемъ въ нѣмецко-литов. словарѣ Бродовскаго: Gabjauja divitiarum (dea), см. Schleicher Lituanica въ Sitz-Berichte d. Wiener Ak. d. W. p. 84. — Schultz Gram. Lit. p. 29 [см. Ласицкій, изд. Маннгарда, p. 40 (117)] имѣетъ Gabjaujis, deus horreorum, мужск. рода. — Такъ какъ Gabija огонь жен. р. — и jauja, сушильня, также жен. р., полагаемъ, что форма Gabjauja, богиня огня въ сушильнѣ, существовала раньше формы Gabjaujis, бога огня. — Тотъ же Schultz l. l. [по Маннгарду l. l. pag. 41 (118)] приводитъ также божество Gabwartas; Praetorius-же p. 30 «Gabwartus et Gabartus. Тотъ же Praet. p. 26 и Martini (см. D. Klein'a у Mhdt. l. l.); приводитъ формы Gabartai, множ. число. Правильной является форма Gabwartas; plur. Gabwartai, сложное изъ извѣстнаго намъ gab, и wartas, сторожъ, слѣдовательно: сторожъ огня, опекунъ огня вообще, а въ нѣкоторыхъ странахъ Пруссіи, можетъ быть, покровитель огня, тлѣющаго подъ пепломъ. Кстати припомнимъ сообщеніе Ласицкаго: (paterfamilias) ad ostium (хижины) cubat, deastro foci custodia commissa (см. прил. VIII); въ Жмуди этимъ deaster могла быть «Pelengabie = diva est, cui foci lucentis (?) administratio creditur». (Ласицкій).

Загадочное Gabjaukurs, находящееся въ латинскихъ стихахъ, сочиненныхъ пасторомъ Мартини, а напечатанныхъ Д. Клейномъ (см. Mhdt. p. 41 118), — это по моему мнѣнію, произвольное сокращеніе двухъ именъ въ одно ради стиха, т.-е. Gabjau (-jis, или -ja) и *Jaukurs; послѣднее имя — сложное изъ Jau(ja) и Kurti топить, *Jaukurs, топитель сушильни, и можетъ быть, божество огня, = Jaugabis. Возможно также принять, сложное: Gab + jaukurs, въ значеніи топителя священнаго огня въ jaujach. Бродовскій l. l. приводитъ s. v. «Vulcanus, Jagaŭbis (sic) Ugnis szwenta, Feuergott» см. Schleicher Lit. въ Sitz. Ber. p. 84; у него же p. 100; «die etymologie ist dunkel. По моему мнѣнію Бродовскій ошибся, вмѣсто jagaubis должно быть Jau-gabis, того же сложенія, что и Gab-jaujis. Замѣнно-сложныя имена нерѣдко встрѣчаются въ литовскомъ языкѣ. Butwiłas и Wiłbutas; Kantygirdus i Girdkants, или Girkants; Widmants и Mantwidas, см. Buszyński Opisanie powiatu Rossieńskiego. Wil. 1873 p. 34 примѣчаніе; онъ ссылается на Микутскаго Kuryer Wileński 1860 г. № 10.— Bezzenberger Bildung der altpreussischen Personenamen A. P. M. Sch. XIII p. 398 приводитъ прусс. Teutevil и Wiltaute; Narwais и Waisnar. Hoppe же въ статьѣ Orts und Personennamen der Provinz Preussen, A. P. M. Sch. XV. 1878, p. 579: Gayleminne i Mynnegail; Gynthaute и Tawtegynne; Girdemante и Mantegirde, Villegayde и Gedwill. — Онъ же сообщаетъ названія мѣстностей: Lackmedien и Medlauk равно какъ и Medlauken: Laukwargen и Warglauken; Kalkeim и Keimkallen; Matzblieden и Bliematzen. Ortsnamen der Provinz Preussen A. P. M. Sch. XII 1875, p. 550. — Затѣмъ A. P. M. Sch. XIII 1876, p. 572/3: Weynenkand и Kandwoynen, Kantweinen; Mantwilleiten и Willmantienen; Norwischeiten и Weischnuren. Есть и существительныя замѣннаго сложенія въ родѣ: medwinia и wynmedis виноградная вѣтвь, лоза; ryszgalwis и galwarysztis, повязка на голову. Hoppe A. P. M. Sch. XII. 1875, p. 356.

4) Акелевичъ у Лелевеля V p. 474 «Kupa popiołu, żar zgarnięty w gromadę i pokryty popiołem». Иначе Mannhardt: Pelengabe (sic) wäre heerdfeŭer (въ изд. Ласицкаго p. 39.—Срав. Praet. p. 39.

(Ihre freunde) führen die braüt zum fewer, da spricht sie dann: „Ocho moy myle schwante panike, das ist, o mein liebes heyliges fewerlein“[1]). Pierson[2]) сопоставляетъ Panike, Panicke съ старопрусскимъ „panno“, огонь, Mannhardt же прибавляетъ старопрусс. „panustaclan feuerstahl“ огниво, т.-е. стальная полоска для высѣканія огня, и греческое *πανός*—факелъ, готское „fon“ огонь[3]). Несмотря на это, я считалъ бы всѣ приведенныя слова польскими мазовецкаго нарѣчья[4]).

§ 12. Указавъ на существованіе вышеупомянутыхъ видовъ огня въ Литвѣ, мы приступаемъ къ возможному опредѣленію огня вѣчнаго, пророческаго, какой горѣлъ также въ Ромове. Источниками намъ будутъ служить намеки отъ Дусбурга и мелкія указанія авторовъ о вѣчномъ огнѣ, пылающемъ въ различныхъ мѣстахъ, а собранныя подробности пополнимъ выводами, вытекающими изъ самаго существа данныхъ.

Условій, требуемыхъ для избранія мѣста, мы точно не знаемъ. Извѣстно только, что въ Вильнѣ горѣлъ огонь въ долинѣ, расположенной въ углу, окруженномъ холмами, при впаденіи Вилейки въ Вилью[5]). Эту мѣстность называютъ долиной Свенторога или Свинторога. Какъ я уже въ другомъ мѣстѣ старался доказать, имя Szventragas является только олицетвореніемъ названія мѣстности „szventas ragas“ т.-е. священный клинъ, священный уголъ[6]).

Затѣмъ намъ извѣстно, что въ Жмуди вѣчный огонь пылалъ на вершинѣ самой высокой горы при Невяжѣ[7]). Наконецъ Rostowski сообщаетъ, что вѣчный огонь горѣлъ тамъ же въ лѣсахъ въ честь Перкунаса (?)[8]).

Небольшое число положительныхъ давныхъ не даетъ намъ права установить общія правила, какими руководились при избраніи мѣста для вѣчнаго огня. Подтверждаемъ только фактъ, что вѣчный огонь пылалъ 1) въ клинѣ при сліяніи двухъ рѣкъ, 2) на горѣ при рѣкѣ, 3) въ лѣсахъ.

Однакожъ нужно предполагать, что клинъ, гора или лѣсъ заключалъ какой-нибудь священный предметъ, была ли это роща или священное дерево, либо другой почитаемый предметъ, напр., камень значительной величины и т. п. Лѣса, преимущественно дубовые, и вода непремѣнно должны были находиться вблизи, первые для поддержанія постояннаго огня и топлива, а вторая хотя бы на нужды жрецовъ и другихъ жителей[9]).

---

[1]) Есть варіанты: „Oho — myli — panike“, въ другомъ изданіи того же Гіеронима Мал. — Oho mey mile swente panike у Mannh. Lett. Sonnenmythen въ Ztschft f. Ethnologie 1875, p. 290. — Praet. p. 34 сообщаетъ, что въ Надровіи говорятъ: „Szwenta Ponyke (Ugnele) du heilige fraw (fewer).

[2]) Сравни Pierson (Praetorius) p. 34 прим. и A. P. T. Sch. VII 7.

[3]) Lett. Son. Myth. p. 290; Nesselm. Thes. s. v. panno и panustaclan. Форма описаннаго имъ огнива и способъ высѣканія огня былъ нѣсколько другой въ Познанскомъ. Стальная полоска съ однимъ усикомъ или крючкомъ бралась за усикъ въ правую руку. Имъ ударяли о кремень въ лѣвой рукѣ надъ приготовленнымъ трутомъ, который отъ высѣченной искры загорался. Приложенной къ нему сѣрной ниткой зажигали сальную свѣчку. Восковыя свѣчи находились только въ зажиточныхъ домахъ для парада, и зажигались въ высокоторжественные дни.

[4]) Ocho, och, есть польское выраженіе, по-литовски же необходимо сказать „ак“ „ок“. Moy, mey (!) также польская форма, по-лит. непремѣнно mano; по-жмуд. mana; myle, mile, myli, похожее на лит. milas, mēlas; swente, schwante, польское święty (въ нарѣчіи świanty), лит. szventas. Ponicke, Ponike Преторіусъ переводитъ словомъ „frau“; это было бы польское Panniczka, дѣвица. Такимъ образомъ вся фраза ocho! moja miła święta panniczko ближе фразѣ, сообщенной въ текстѣ, нежели литовская: ak mano mila szventa Ponicke.

[5]) .. pogrzeby, przez ogień na tym miejscu, gdzie Wilna w Wilią, wpada, i gdzie naprzód Swintoroha spalili, odprawowali... Giermont ustawił na tym miejscu... Kapłany i wróżbity, którzyby modły i ofiary odprawowali. Ogień tez wieczny z-dębowych drew na tych zgliskach zawzdy we dnie i nocy gorzał. Stryjk. p. 311.

[6]) Compte-Rendu du Congrès à Buda-Pest, 1876.

[7]) Длугошъ lib. XI, p. 342 (ed. Przezdziecki).

[8]) Lit. S. J. Histor. Vilnae, 1768, p. 118.

[9]) Мѣстомъ, имѣющимъ всѣ указанныя условія, было Heiligenbeil (Swięta Siekierka, Swięte miejsce, Sancta Civitas, Hieropolis), Лит. Szventopile, собственно святый насыпъ, святый холмъ. Heiligenbeil произошло отъ

Такъ какъ священный огонь самъ по себѣ долженъ былъ давать пророческія знаменія, то нужно было защитить его отъ атмосферныхъ вліяній и другихъ внѣшнихъ случайностей; а условіе, чтобы огонь неугасаемо горѣлъ, или, по крайней мѣрѣ чтобы онъ тлѣлъ подъ золой, требовало не только охраны, но также постояннаго присмотра напр. въ виду подкладыванія дровъ. Это послѣднее могла сдѣлать прислуга, а толковать знаменія могли только свѣдующіе, т.-е. жрецы.

Состояніе воздуха въ прибалтійскихъ странахъ, какъ и вездѣ, въ разныя времена года было не одинаково. Правда, бывали и теплыя зимы, допустимъ, что и осень иногда бывала сухой, но все-таки такіе случаи уже являлись исключеніями и притомъ рѣдкими [1]). Вообще господствовали суровыя, холодныя и чрезвычайно продолжительныя зимы, а дожди особенно осенью были часты и продолжительны [2]). Бывали также и вѣтры, переходившіе иной разъ въ страшные ураганы, которые разнесли бы во всѣ стороны пылающій огонь, на открытомъ воздухѣ, хотя бы его защищали и самые густые лѣса. А что случались ураганы, вырывавшіе деревья съ корнями и срывавшіе хижины и другія постройки, то мы не только читаемъ въ лѣтописяхъ [3]), но и до сихъ поръ испытываемъ на дѣлѣ. Густые лѣса не могли бы также послужить надежной охраной для огня, горящаго на открытомъ воздухѣ, во время проливныхъ дождей или продолжительнаго ненастья, изъ-за которыхъ въ Литвѣ не дозрѣвали хлѣба, а если ихъ и убирали, то все-таки нужно было досушивать ихъ въ яуяхъ (jaujai) [4]). Вѣдь только это обиліе ненастныхъ дней наводило на мысль, произвести самое названіе Литвы отъ слова lêtus, lytus — дождь [5]). Далѣе, эти лѣса не защищали огонь отъ града, лежащаго иной разъ цѣлыми слоями на побитыхъ и смѣшанныхъ съ грязью хлѣбахъ и травахъ. Наконецъ глубокіе снѣга и слѣдующія за ними оттепели [6]) несомнѣнно заставляли подумать

первоначальнаго Heiligenbuel, т.-е. буквальнаго перевода Szventopile, такъ какъ buel — bügel, хребетъ, холмъ. Henneb. Erkl. p. 156 пишетъ Heiligenpeyhel гдѣ peyhel — bügel. Этотъ городъ лежитъ при устьѣ рѣки Jarfte, теперь Garft, впадающей въ рѣку Bahnau. На этомъ клинѣ, углѣ (ragas), находился когда-то священный лѣсъ, о чемъ свидѣтельствуетъ оставшееся до сихъ поръ названіе этого клина Heiligenwald, хотя и лѣса уже нѣтъ. Недалеко находится большой камень, о которомъ утверждаютъ, что онъ былъ жертвенникомъ; кромѣ того стоялъ тутъ огромный дубъ, считавшійся священнымъ, срубленный по преданію епископомъ Анзельмомъ. Болѣе подробносей сообщаетъ T. H. Porsch, бывшій въ XVII вѣкѣ пасторомъ въ Heiligenbeil, въ статьѣ: Wahrscheinliche Untersuchung des Alterthums d. Stadt Heiligenbeil (Erleutertes Preussen, Bd. II. Ksgb. 1725, p. 124—140). Нѣкоторые авторы сообщаютъ, что здѣсь почитали божество Kurko, иные, что тутъ горѣлъ вѣчный огонь, а это весьма правдоподобно; опять иные, что здѣсь лежало упомянутое Дусбургомъ Ромове, мнѣніе, которое считаемъ невѣрнымъ.

1) Напр. зима 1412—13 года была весьма тепла: Hyems calidissima et absque exemplo ab horrore pruinae aliena, adeo ut frigidissima regio litwanica circa purificationis Sanctae Mariae virginis festum (т.-е. 2 февр.), olera et flores, de quibus usus communis habebatur, producens, pene in miraculum atque, ut dici solet, in religionem fuerit. Dług. XI.

2) Tam Lithuanicae quam Samogithicae gentes gelidissimum septemtrionis axem magna ex parte spectant adeoque imbre et frigore rigescunt, ut plerosque vis algoris extinguat, multis nasis, quod illic major videtur inesse humor, in quem agat, mutilet. Duobus tantummodo mensibus in utraque regione sentitur magis, quam habetur aestas, reliqua anni tempora frigore rigent. Dług. X. p. 414 ed. Lips.—Frigus, quo regio (Samogitica) pro majore anni parte constricta est, repellens (ignis) Jb. XI.

3) Въ лѣтописи Detmara читаемъ о Пруссіи: Jn deme jare Cristi MCCCXXVII in sunte Valentinus daghe (14 февр.), do was so greselik (= grässlicher) dunner unde stormwint in Prutzen, dat vele mechtiges buwes (gebäude) neder vil vom unwedere und schach (geschah) grod schade Sc. R. Pr. III, p. 66/7; срав. Annales Thorunenses l. l. p. 79/80 (13 авг. 1360). Въ VII Приложеніи я сообщаю подробныя свѣдѣнія, чтобы составить себѣ понятіе о климатѣ въ прибалтійскихъ странахъ.

4) Coguntur proinde male matura frumenta igne torrere et artificioso calore illis maturitatem conferre, Длугошъ l. l. описаніе Яуи (Jauja) у Praet. p. 107. Еще въ 1893 г. я видѣлъ такую «jauja» въ Жеймовянахъ, въ имѣніи г. Гужевскаго, которую тутъ зовутъ «osieć».

5) Kraszewski Litwa I, p. 69. Этимологія этого слова неизвѣстна.

6) propter multitudinem et profunditatem nivium. Annales Thorun.; см. приложеніе VII г. 1396. — Wend vil snes was und undir deme snee was is ungefroren. Jan Posilge Sc. R. Pr. III 202; см. приложеніе VII.

о мѣрахъ, которыми можно было бы защитить огонь отъ потушенія, а единственною мѣрою въ этомъ случаѣ представлялось — прикрыть огонь постройкой.

Мы не имѣемъ ни одного описанія постройки, назначенной для вѣчнаго огня, и поэгому обобщимъ предметъ изслѣдованія вопросомъ, какія постройки вообще существовали на Литвѣ въ XV и XVI вѣкахъ. Не станемъ упоминать о слишкомъ общихъ замѣчаніяхъ Гилберта (Guilbert)[1]), а сразу перейдемъ къ Длугошу, который первый сталъ подробнѣе описывать литовскія постройки. Въ Жмуди, говоритъ авторъ, вѣтъ никакихъ домовъ (stubae), ни болѣе обширныхъ строеній, а существуютъ только хижины, неуклюже сдѣланыя изъ дерева и соломы. Внизу онѣ бываютъ шире, а по мѣрѣ возвышенія суживаются, напоминая своимъ видомъ опрокинутыя лодки. На самой вершинѣ (cacumine) такой хижины есть отверстіе (fenestra) пропускающее свѣтъ. Непосредственно подъ этимъ окошкомъ раскладывается оговь для приготовленія ѣды, а равнымъ образомъ и обезпеченія отъ мороза, держащаго землю въ оковахъ въ продолженіе бóльшей части года. Въ такой-то хижинѣ живуть хозяева, ихъ жены, дѣти, слуги, служанки; содержится скотъ, рабочія животныя и всякаго рода хозяйскія принадлежности, а иныхъ строеній въ родѣ двухъ-этажныхъ домовъ, дворцовъ, амбаровъ, клѣтушекъ, конюшенъ (скотныхъ сараевъ, хлѣвовъ) нѣтъ, а жители помѣщаются въ однѣхъ и тѣхъ же стѣнахъ со всѣмъ своимъ скотомъ и другими домашними животвыми, и тутъ же хранится домашняя утварь[2]).

Младшій сверстникъ Длугоша, Callimachus (1437—1496), ссылается на мнѣнія нѣкоторыхъ (впрочемъ не упомянутыхъ по имени) писателей, утверждающихъ, будто бы Литовцы происходили отъ Боспоранцевъ (Bosporani), и, сравнивая обычаи однихъ съ обычаями другихъ сообщаетъ, что тѣ и другіе относились съ одинаковой небрежностью къ воспитанію дѣтей, которыхъ содержали въ одномъ помѣщеніи вмѣстѣ со скотомъ. Затѣмъ строительный матеріалъ какъ у однихъ, такъ и у другихъ неуклюжій и необработанный. Форма строеній по больпей части круглая, конусообразная; на самомъ верху хижины находится плетенная (изъ лозы) дымовая труба, служащая также окномъ. Хижины ввутри не скрѣпляются балками, и нѣтъ въ нихъ никакихъ особыхъ перегородокъ. Огонь раскладывается посрединѣ хижины, въ кругъ котораго располагается кое-какъ и гдѣ попало, вся семья безъ различія мѣста и первенства, а въ размѣщеніи всего хозяйскаго имущества нѣтъ ни малѣйшаго порядка, ни обдуманнаго плана[3]).

Сигизмундъ Герберштейнъ (Herberstein 1486—1576), вернувшись со своего вторичнаго посольства (1526/27) отъ римскаго императора къ великому князю московскому, описалъ страны, по которымъ проѣзжалъ. О жмудскихъ жилищахъ онъ говоритъ слѣдующее: Жмудины живутъ въ низкихъ и продолговато-круглыхъ (oblongioribus) хижинахъ, посреди которыхъ раскладывается огонь. Сидящій возлѣ него хозяинъ видитъ свой скотъ и всю домашвюю утварь, такъ какъ по существующему обычаю жители помѣщаютъ съ собой подъ одной кровлей безъ всякой перегородки и свой скотъ[4]).

Янъ Ласицкій (около 1579/80), будучи такъ же, какъ и предыдущіе авторы, самъ очевидцемъ, сообщаетъ о жмудскихъ хижинахъ слѣдующее: Хижины, которыя они называютъ „turres“, суживаются къ верху и имѣютъ отверстіе для прохода дыма и тяжелаго воздуха; строятъ ихъ изъ брусьевъ, жердей, валежника и коры. Въ нихъ помѣщаются жильцы со всѣмъ своимъ достояніемъ, которое располагаютъ на полу (pavimentum tabulatum)[5]). Итакъ, хозяинъ имѣетъ на глазахъ все свое достояніе и защи-

[1]) Lelewel, Tom. XVII Poznań 1865, о Виленскомъ замкѣ и домахъ, p. 379, 381; о трокахъ, p. 181.

[2]) T. XIII, p. 113 ed Przezd.

[3]) Vita et mores Sbignei Card. ed Finkel Leop. 1891 p. 27; см. приложеніе VIII.

[4]) Comment. Rer. Mosc. Antv. 1557. fol. 84.

[5]) О turres см. Коментарь къ Ласицкому въ VIII приложеніи. О pavimentum stabulatum тамъ же. Это вѣроятно страмбировка.

щаетъ его отъ хищнаго звѣря и мороза; онъ обыкновенно спитъ при дверяхъ, поручивъ опеку надъ очагомъ божку огня для того, чтобы съ одной стороны огонь не причинилъ какого-нибудь вреда хижинѣ, а съ другой — чтобы онъ не погасъ. Тамъ часто случается, что свинья или собака похищаетъ изъ горшка, стоящаго у огня, мясо или обвариваетъ морду кипяткомъ. Живущіе въ застѣнкахъ имѣютъ для скота отдѣльныя отъ жилыхъ хижинъ отгороженныя мѣста[1]).

Кажется намъ, что будетъ достаточно приведеннаго матеріала для составленія себѣ понятія о состояніи литовскихъ строеній въ XV и XVI вѣкахъ. Въ особомъ приложеніи (VIII) сообщимъ еще нѣсколько особенныхъ подробностей изъ позднѣйшихъ источниковъ, не лишенныхъ интереса для нашего предмета и для изслѣдователей развитія литовской хижины.

I. Общій видъ хижины XV и XVI вѣковъ уже на основаніи традиціи, держащейся въ этомъ отношеніи довольно твердо, не могъ отличаться отъ хижинъ предыдущихъ вѣковъ, такъ какъ она въ сущности мало разнится отъ первобытныхъ пещерныхъ жилищъ и даже отъ пещеры Полифема. Гдѣ не было горъ и пещеръ, необходимо было самимъ построить подобнаго рода жилища изъ подручнаго матеріала, какимъ являлись дерево, тростникъ, солома и т. п. Единственный успѣхъ можно замѣтить въ томъ, что кое-гдѣ для прохода дыма оставляли отверстіе.

Что касается формы, хижины представляются преимущественно продолговато-круглыми, суживающимися кверху (Dlug., Herberst.), съ выпуклыми, выгнутыми боками, какъ у лодокъ (Dlug.); онѣ низки (Herb.); иногда въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ хижины были выстроены конусообразно (Callim.).

Строительный матеріалъ намъ уже извѣстенъ. Кажется, что необтесанные стволы укрѣплялись наискось въ землѣ такъ, чтобы они наверху сходились; къ нимъ прикрѣпляли по всей вѣроятности горизонтально положенныя жерди, а на нихъ кору; затѣмъ всю хижину покрывали соломой. Кора накладывалась потому, чтобы черезъ щели не пробивалась солома, которая могла загорѣться отъ разложеннаго внутри хижины огня. Затѣмъ, чтобы вѣтеръ не срывалъ соломы, клали на ее еще дернъ, шесты и т. п.— (Ср. описаніе Д. Пашкевича въ VIII приложеніи).

Во внутрь хижины вели двери вѣроятно съ южной стороны[1a]).

II. Хижина внутри представлялась совершенно свободной, т.-е. безъ всякихъ скрѣпляющихъ стволы балокъ, и безъ всякихъ перегородокъ (Call. Herb.). Она, вмѣщая въ себѣ хозяина, его семью, слугъ, животныхъ и все его достояніе, должно быть, была обширна. — Во времена Д. Пашкевича (XIX в.), когда хижины строились четырехъугольными, размѣръ ихъ достигалъ отъ 10 до 15 саж. длины и отъ 5 до 6 саж. ширины.

Въ самой рединѣ хижины находился очагъ (ugnavête), круглый или четырехъугольный. Пашкевичъ сообщаетъ, что въ его времева длина и ширина очага доходила отъ 3 до 4 локтей, а глубина на локоть. Въ нѣкоторыхъ однако мѣстностяхъ огонь раскладывали или непосредственно на землѣ[2]), или на возвышеніи[3]), сооруженномъ по всей вѣроятности въ большинствѣ случаевъ изъ камня; (прусское stabni обозначаетъ каменную печку, а stabis камень; Nessel. Thes. Pruss. s. v.; въ Литвѣ krosnis, печь, клавшаяся въ давнее время изъ камня, теперь изъ кирпича (Nessel. L. W. s. v. p. 280; описаніе у Praet. p. 107).

---

[1]) De diis Samogitarum, ed. Grasser p. 45; ed. Mhdt. p. (86).

[1a]) «Meridiem versus fenestrae» у Ласицкаго, окна же помѣщали надъ дверьми (Д. Пашкевичъ).

[2]) Lepner Preuss. Littauer p. 71. Jm hause ist ein heerd gar platt auf der erden. Praet. p. 109. Feuerheerd, der insgemein bloss und gleich der erden auffm Flor ist.

[3]) Das rauchhaus... worin kein ofen, in dessen mitte aber ein etwas erhöhter estrich geschlagen, feuer darauff zu halten, insgemein mit tannen oder lindenborcke bedeckt. Praet. 107 о Надровіи.

Въ средивѣ на этомъ очагѣ находилось углубленіе (foculus), въ которое хозяйка сгребала вечеромъ жаръ (красные уголья) и прикрывала золой, чтобы огонь продержался до слѣдующаго дня[1]).

Вокругъ очага и на нѣкоторомъ отъ него разстояніи были уставлены камни достаточной для сидѣнія высоты. Тутъ жильцы грѣлись и сушили мокрую одежду, либо занятые хозяйской работой, проводили длинные зимніе вечера среди пѣсней и разсказовъ. Еще далѣе очага, уже подъ стѣной помѣщался хлѣбъ, скотъ, животныя и хозяйскія принадлежности.

Надъ самымъ очагомъ находилось въ стропѣ отверстіе для дыма; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ надъ этимъ отверстіемъ торчала плетеная изъ вѣтвей, тростника и т. п. труба. Въ другихъ же мѣстностяхъ не было никакихъ отверстій для прохода дыма, какъ свидѣтельствуетъ Bruin v. Braun въ концѣ XVI и началѣ XVII в. „non enim ulla fumibula habent"[2]). Въ началѣ XIX в. находимъ уже надъ дверями два отверстія (см. Пашкевича въ VIII прил.).

Такую хижину, похожую на пещеру, называли namas (прус. Литва), или nomas, (какъ послѣдовательно пишетъ Довконтъ), или numas (въ Жмуди)[3]). Когда же изъ такой нумы выдѣлились отдѣльныя со спеціальнымъ предназначеніемъ хозяйскія строевія (напр. для скота, утвари, запасовъ и т. п.), всѣ вмѣстѣ получили названіе numai (plur.), а каждое изъ нихъ въ отдѣльвости особое названіе.

Такимъ образомъ литовское жилище, numas, состояло изъ двухъ необходимыхъ частей, изъ собственно хижины и очага. Само собою разумѣется, что разница въ способѣ удаленія дыма или устройства оконъ отвюдь не повліяла на уменьшеніе значенія этихъ двухъ главвыхъ частей.

Принимая теперь во вниманіе, что авторы описываютъ намъ нумы въ существенныхъ частяхъ вездѣ одинаковыми, несмотря на то, были ли онѣ выстраиваемы порознь, или цѣлыми селеніями и городками[4]), и основываясь на ясномъ, твердомъ и двукратномъ свидѣтельствѣ Длугоша, что Литовцы кромѣ нумъ не знали никакихъ другихъ строеній, какого рода бы ни было, приходимъ къ весьма важному для нашего предмета заключенію, что строенія, вооруженныя для охраны вѣчнаго огня, не могли отличаться ни формой, ни матеріаломъ, ни общимъ внутреннимъ видомъ отъ нумъ, въ которыхъ жили окрестные жители.

Это-то именно сходство хижинъ, построенныхъ для охраны вѣчнаго огня, съ нумами окрестныхъ поселянъ и объясняетъ намъ замѣчательный фактъ, что крестоносцы, уничтожая посады, поселки и городки, среди или вблизи которыхъ несомнѣнно находились также хижины для огня, ничего не говорятъ объ ихъ отличномъ отъ другихъ строеній видѣ. Равнымъ образомъ и Вигандъ, который въ одномъ мѣстѣ (Sc. R. Pr. II p. 623/4)[5]) прямо упоминаетъ объ „aedes sacras", называя ихъ также „domos sacras", объ ихъ разницѣ въ строеніи отъ жилыхъ нумъ ни словомъ не упоминаетъ. Въ нѣмецкомъ подлинникѣ, можетъ быть, и было больше подробностей относительно

---

[1]) Jetziger zeit unsere nadrauischen weiber, wenn sie des abends das feuer verscharren, gebrauchen noch diese worte. Szventa Ponyke (Ugnele), asz tawe grazei palaidosiu, kada ne papykstum bai, d. i. Du heilige Fraw (Fewer), ich will dich recht schön bedecken (begraben), damit du ja nicht über mich mögest zürnen. Hiebey ist zu wissen, dass in Nadraven die leute ein sonderliches loch auffm herde halten, worinn sie das feuer einscharren und wenn ein solch eingescharrtes feuer ausgegangen nnd man den folgenden tag kein fener in dem loch findet, halten sie es vor ein böses zeichen (см. выше текст.).

[2]) Bezzenberger d. lit. haus. A. P. M. Sch. XXIII. 1886, p. 34—79.

[3]) О другихъ и латинскихъ названіяхъ см. VIII прил.

[4]) См. Прилож. VIII.

[5]) Срав. ZML. II, p. 117, № 17.

этого, но отъ него, какъ извѣстно, дошло до насъ сухое, не всегда ясное извлеченіе на латинскомъ языкѣ, не заключающее для даннаго случая никакихъ объясненій.

Что же касается строительнаго матеріала для упомянутыхъ хижинъ, считаю достаточнымъ свидѣтельство Длугоша, сообщающаго, что всѣ строенія на Литвѣ сооружались изъ дерева и соломы, слѣдовательно и хижины для обезпеченія вѣчнаго огня. Поэтому и послѣ сожженія не осталось и слѣда ихъ существованія.

Несомнѣнно, что эти хижины въ отличіе отъ жилыхъ нумъ имѣли свои особыя названія. Въ этомъ отношеніи извѣстны мнѣ только слѣдующія свѣдѣнія:

Вышеупомянутый Вигандъ впервые (1387 г.) свидѣтельствуетъ о „domos sacras, aedes sacras“ священныхъ домахъ, находящихся въ Вендзиголѣ (Wandeiagel). — Это только могли быть дома, выстроенные для вѣчнаго огня, потому что о строеніяхъ для какого-нибудь другого божества никакой серьезный источникъ не упоминаетъ и упоминать не можетъ. Множественное число „domos“ показываетъ, что такихъ домовъ въ данномъ случаѣ по крайней мѣрѣ было два: одинъ, какъ мы уже въ другомъ мѣстѣ объяснили[1]), для священнаго огня, а другой для жреца или жрецовъ, проживающихъ по необходимости вблизи вѣчнаго огня.

Слѣдующій за Вигандомъ авторъ и почти его современникъ, Гіеронимъ Прагскій, какъ очевидецъ, сообщаетъ, что священный огонь горѣлъ въ зданіи, которое онъ называетъ templum безъ всякихъ къ сожалѣнію другихъ подробностей о самомъ зданіи[2]).

Длугошъ, разсказывая о крещеніи Литвы въ 1387 г., свидѣтельствуетъ, что Владиславъ Ягелло приказалъ потушить въ Вильнѣ священный огонь и уничтожить святилище съ жертвенникомъ (templum aramque), въ которомъ и на которомъ совершались жертвоприношенія[3]). Въ разсказѣ же о крещеніи Жмуди въ 1413 г. говоритъ, что король Владиславъ приказалъ разбросать и потушить священный огонь, горящій на высокой горѣ при р. Невяжѣ въ зданіи, которое авторъ называетъ turris[4]), а самое зданіе велѣлъ сжечь[5]).

Гвагнини вѣроятно только повторяетъ слова Длугоша, говоря что въ Вильнѣ по королевскому повелѣнію потушили священный огонь и разорили „templum aramque ejus“, откуда жрецы объявляли волю боговъ[6]).

Здѣсь вездѣ templum имѣетъ свое конкретное значеніе зданія, а точнѣе хижины, въ видѣ нумы, построенной не въ честь божества, а вслѣдствіе необходимости защитить огонь отъ атмосферическихъ явленій.

Подобнаго рода охрана оказалась бы необходимой, не только для сохраненія вѣчнаго огня, но также для каждаго огня, коль-скоро было бы желательнымъ продержать его въ теченіи долгаго времени.

Если мы еще возьмемъ въ соображеніе положительныя свидѣтельства Каллимаха[7]) и Эйвгорна[8]), изъ которыхъ первое касается Литвы вообще, второе же латышской земли въ частности, то со всякой увѣренностью можно утверждать, что во всѣхъ литовскихъ земляхъ никакихъ святилищъ не существовало.

Мѣсто, гдѣ горѣлъ священный огонь и стояла его хижина, Литовцы называли Ziniczе, Жиниче, хотя, можетъ быть не вездѣ[9]). Слово Ziniczе я первый разъ вычиталъ

[1]) Тамъ же.
[2]) Sc. R. Pr. IV, p. 238.
[3]) ed. Przezdziecki T. XII, p. 465 и др.
[4]) Turris едва ли здѣсь латинское слово. См. Прилож. VIII.
[5]) T. XIII, p. 159 и др.
[6]) ed. Pistorius T. II, p. 391.
[7]) Vita et mores Sbig. 28.
[8]) Hist Lett. p. 583.
[9]) Напр. въ Пруссіи я не нашелъ подобнаго названія.

у Довконта, Źiniczia же у Акелевича[1]), слѣдовательно у писателей XIX в.— Прибавивъ къ корню źin, знать, суффиксъ — niczia, — nicze, означающій мѣстность, получимъ Źin-niczia, а по правиламъ лит. языка Źinicze, означающее мѣсто узнанія (о воли боговъ), прорицалище, а въ данномъ случаѣ, мѣсто узнанія о воли боговъ посредствомъ огня; затѣмъ это названіе перенесено на самый огонь. Такая метонимія встрѣчается во всѣхъ языкахъ, напр. Apollo — Pythia — oraculum respondit. Вышеупомянутое значеніе вполвѣ согласуется съ общимъ литовскимъ вѣрованіемъ, по которому въ случаѣ нужды и въ болѣе важныхъ дѣлахъ спрашивали совѣта у священнаго огня, согласно ли божество съ предпринимаемыми намѣреніями, или нѣтъ.

Такого рода прорицалища, Źinicze, существовали во многихъ мѣстностяхъ (въ Пруссіи), въ Литвѣ и въ Жмуди, какъ о послѣднихъ свидѣтельствуетъ Длугошъ „in civitatibus principalibus“ (var. principalioribus) и Гвагнини (вѣроятно заимствуя у Длугоша) „in celebrioribus locis atque oppidis“. Довконтъ сообщаетъ нѣсколько такихъ мѣстностей безъ указанія на источники (Buda, p. 104—109). По источникамъ намъ извѣстны Ромове въ Пруссіи[2]); Вильна въ Литвѣ; гора безъ названія при р. Невяжѣ[3]); Вендзигола въ Жмуди безъ упоминанія о томъ, что здѣсь горѣлъ вѣчный огонь[3a]).

Какъ въ нумахъ очагъ находился въ самой срединѣ, точно такъ и въ хижинѣ для огня; онъ представлялъ собой или извѣстной глубины яму, круглую, можетъ быть, и четырехугольную, или онъ устраивался на ровной землѣ, или же на нѣкоторомъ возвышеніи. Судя по слову ara[4]), употребленному Длугошемъ (и Гвагниномъ) для означенія такого именно очага въ Вильнѣ и при Невяжѣ, предполагаемъ, что какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ мѣстѣ, очагъ этотъ былъ устроевъ на извѣстномъ возвышеніи, вѣроятно изъ камней. На этомъ очагѣ находилось углубленіе — foculus. Къ этому мнѣнію приводитъ насъ аналогія съ нумой, гдѣ для сбереженія огня было устроено углубленіе, а также и слова Длугоша, что когда по погашеніи священнаго огня при Невяжѣ король Владиславъ узналъ, что Жмудины намѣрены по уходѣ короля возстановить вѣчвый огонь изъ тлѣющихъ угольевъ, то повелѣлъ воинамъ принести воды изъ Невяжи и „focum locumque ignis profani aquarum multitudine usque ad os complui et inebriari“. Если locus ignis означаетъ все мѣсто внутри хижины, то focus только имѣетъ свое настоящее значеніе очага. Если же „locus ignis“ означаетъ мѣсто, занимаемое огнемъ, т.-е. очагъ, а focus не есть плеоназмомъ, то focus здѣсь употреблено въ значеніи „foculus“, т.-е углубленіе на самомъ жертвенникѣ. Основываясь на главномъ назначеніи этого foculus, на сбереженіи огня на болѣе долгое время, равно какъ и на аналогіи хижины для огня съ нумой, мнѣ кажется послѣднее объяспеніе болѣе правдоподобнымъ.

---

1) Lelewel Dzieje Polski T. V, p. 482.

2) Dusb. III. 5.

3) Długosz ll. ll.

3a) Wigand, c. 135[6] p 623/4. Можно еще прибавить: villam Sethen (Szatyje), que dicitur sancta (Herm. de Wart. p. 86, см. ŻML II, p. 83), именно по поводу эпитета «sancta»: здѣсь также поймали «святаго мужа» т.-е. жреца «et capiunt ibi quendam sanctum virum (Wig. c. 56. p. 542; cp. ŻML. II, p. 11), который вѣроятно былъ жрецомъ огня; болѣе убѣдительныхъ указаній не имѣется.

4) Ara называется всякое возвышеніе, предназначенное для жертвоприношеній. Во многихъ мѣстностяхъ Литвы разсѣяны были большіе камни, названные писателями Arae и считавшіеся священными, потому что на нихъ клали разнаго рода жертвы; какъ льняныя издѣлія, подтяжки, цвѣты, пищу, хлѣбъ и пр. (Rostowski S. J. Historiarum Pars. I. 271). Имѣются также въ Лат. пѣсняхъ указанія на то, что на нихъ сожигались мелкія жертвоприношенія. — Въ Zinicze (хижинѣ), пожалуй, можно было также сжечъ мелкія жертвы, какъ напр. внутренности животныхъ и пр. (хотя для этого не имѣется ни одного источника); — но для того, чтобы сварить вола, свинью и т. п., для пира, совершающагося послѣ жертвоприношенія, или, чтобы сжечь третью часть добычи, необходимо было развести огонь внѣ Zinicze.

Огонь на очагѣ раскладывался изъ дубовыхъ или березовыхъ дровъ. Такъ какъ вездѣ, гдѣ только зажигали священные, обрядовые огни, какъ нпр. „Собутки“ (Johannisfeuer), и т. п. ихъ добывали посредствомъ тренія, положимъ, двухъ полѣнъ[1]) [а въ Пруссіи такіе огни хорошо были извѣстны[2]], то мы съ увѣренностью можемъ утверждать, что прорицательный, святый огонь, посредствомъ котораго божества извѣщали свою волю, зажигали точно такимъ же образомъ. Кромѣ того мы имѣемъ неопровержимыя свидѣтельства у Henneberger'а[3]) и Praetorius'а (р. 19/20), хотя сравнительно и позднѣйшихъ временъ: „Существуютъ, пишетъ послѣдній, извѣстнаго рода дубы, которые весьма легко зажигаются. Дерево этихъ дубовъ, какъ мнѣ разсказывалъ какой-то старикъ изъ Надровіи, употребляли вайделоты для разложенія новаго священнаго огня въ случаѣ, если бы старый случайно погасъ. Это они производили такимъ образомъ, что сѣрыми, но никакъ не красными, полевыми камнями, били дрова, предназначенныя для тренія, до тѣхъ поръ, пока они не становились теплыми, а затѣмъ терли одно о другое, пока не загорались. Натквуться на такого рода дубъ (въ его еще времена, т.-е. XVII в.) считалось большимъ счастьемъ“.— Священный огонь, кажется, называли szventugnis, szventugnele (названіе Gabija невѣроятно). Гвагнини называетъ его по-литовски „Znicz“: „Imprimisque ignem (quem sua lingua Znicz, ut rem sacram appellabant) cultu divino prosequebantur“[4]), а Стрыйковскій пишетъ: „Тамъ приносили жертвы своимъ богамъ, тамъ же неустанно поддерживали вѣчный огонь, который называли Znic (sic)[5])“.

Литовскія слова приведены въ неправильной формѣ, такъ какъ окончаній cz(ъ), c(ц), въ литовскомъ языкѣ нѣтъ; по моему должно быть „Žinicze“ Жиниче, значеніе котораго только можетъ быть „мѣсто узнанія (воли боговъ)“ прорицалище, и которое затѣмъ могло быть перенесено на огонь, горѣвшій въ этой мѣстности.

Поддерживать неугасимый огонь лежало на обязанности установленнаго съ этой цѣлью жреца или жрецовъ.

Одни авторы упоминаютъ объ одномъ жрецѣ, другіе о жрецахъ. Дусбургъ говоритъ объ одномъ жрецѣ въ надровскомъ Ромове, Crive, власть котораго на подобіе папской, простиралась будто бы на всѣ литовскія области и на сосѣднія нелитовскія племена. Притомъ, не прочитавъ внимательно слова Дусбурга, толкуютъ, будто бы Crive было названіемъ высшей іерархической должности. Между тѣмъ мы старались уже доказать, что Crive не названіе должности, а собственное имя, и въ данномъ случаѣ имя послѣдняго жреца огня въ Надровіи, а затѣмъ, что онъ никогда не имѣлъ столь обширной власти[6]).

Если бы мы на основаніи того, что жрецы, упомянутые въ договорѣ 1249 г., обладали однимъ и тѣмъ же общимъ съ Crive аттрибутомъ видѣнія душъ умершихъ, считали себя въ правѣ сдѣлать общее заключеніе, то мы могли бы утвердить, что обозначенные тамъ Tulisûnes и Ligasûnes (singul. Tulisû, Ligasû) были, такъ сказать, должностныя названія жрецовъ въ Варміи, Помезаніи и Натангіи, употребляемыя одно въ одной, другое въ другой области[7]). Дѣлать болѣе точное заключеніе источникъ не дозволяетъ, а относительно числа не имѣется въ немъ никакихъ указаній.

[1]) Kuhn, Die Herabkunft des Feuers. Berlin. 1859, p. 15, а вообще p. 36 и др.

[2]) См. выше § II.

[3]) Тамъ же.

[4]) ed. Pistorius p. 391.

[5]) ed. Warszawa, 1846, p. 143; о значеніи этого слова я уже высказалъ свое мнѣніе въ книжкѣ: Jan Lasicki. Kraków 1870.

[6]) О надровскомъ жрецѣ Crive. Рефератъ читанный въ августѣ 1893 г. на Виленскомъ Археологическомъ Съѣздѣ. Т. I, p. 276 и др.— См. ŽML. II, p. 21 и др.

[7]) ŽML. I, p. 96.

Длугошъ въ описаніи Литвы, сообщая общія свѣдѣвія о литовскихъ божествахъ говоритъ, что главвымъ божествомъ считался Оговь: Ignis... qui per sacerdotes... nocte atque interdiu adolebatur... (ed Przezd. T. III (T. XII) p. 465 sq).— Это мѣсто для опредѣленія числа жрецовъ не убѣдительно, потому что можно еще его понимать въ томъ смыслѣ, что у каждаго огня было по одному жрецу, т.-е. огонь поддерживался жрецами. — Сравнивая же литовскія божества съ римскими, онъ говоритъ объ одномъ только жрецѣ: „tenendo ignem... a sacerdote custoditum... (Ib. p. 473). И тамъ, гдѣ указываетъ на опредѣленныя мѣстности, въ которыхъ горѣлъ вѣчный огонь, онъ употребляетъ Sacerdos въ Sing. „Ignem... in Vilnensi civitate... a sacerdote eorum, qui Zincz appellabatur... extingui... disposuit“ (Dług. Lib. X ed. Przezd. T. III (T. XII) p. 465—467). — Въ описаніи же Жмуди: „Ignem... qui in montis altissimi jugo super fluvium Nyewyasza sito... a sacrorum sacerdote alebatur (Lib. XI, ed Przezd. T. XIII. 159—163). Слѣдуетъ однакожъ замѣтить, что въ послѣднемъ мѣстѣ за sacerdote читается также var. sacerdotibus.

Такимъ образомъ изъ словъ Длугоша нельзя вывести опредѣленныхъ заключеній о числѣ жрецовъ.

Точнѣе выражается Гіеронимъ Прагскій. Онъ описывая одну мѣстность, одинъ священный огонь, говоритъ опредѣленно о жрецахъ этого одного огня въ множественномъ числѣ. Sacerdotes templi materiam, ne deficeret, ministrabant[1]). Здѣсь нельзя сомнѣваться относительно ихъ числа. — Гвагнини же — не знаемъ по какому источнику,—пишетъ жрецы и ихъ помощники „Sacerdotes cum ministris“[2]).

Во всякомъ случаѣ, хотя бы и не было у насъ столь рѣшающаго свидѣтельства, какое намъ представляетъ самъ очевидецъ сообщеннаго, Гіеронимъ, то мы все-таки пришли бы къ заключенію, что жрецовъ было больше одного, имѣя въ виду, что для поддерживанія неугасимаго огня необходимъ былъ постоянный присмотръ за нимъ, требующій поочередной смѣны стерегущихъ его жрецовъ или ихъ помощниковъ. „Ministri“, по Гвагнину, могли быть лица, готовящіяся въ жрецы и помогающія имъ, или обыкновенная прислуга, необходимая для помощи при жертвоприношеніяхъ, а также для личной услуги.

Кажущееся противорѣчіе источниковъ, упоминающихъ одни объ одномъ жрецѣ, другіе о большомъ ихъ количествѣ, легко можно устранить, сообразовавшись съ тѣмъ, что всѣ лица, служившія при вѣчномъ огнѣ, находились подъ предводительствомъ одного, главваго, который, истолковавъ явившіяся знаменія огня, и объявлялъ спрашивавшимъ совѣта рѣшенія боговъ по предложенному вопросу или дѣлу[3]).

Не имѣя ни малѣйшихъ данныхъ относительно организаціи жрецовъ, мы не рѣшаемся пускаться ни на какія догадки.

Длугошъ называетъ Виленскаго жреца огня Zincz (var. Zyncz, Zinze)[4]). Изуродованную форму Zincz пытались объяснить сокращеніемъ полной *Zinczus. Несмотря на правильное образованіе ея, Zin-tius = *Zinczus, на подобіе Kupczus, imczus, sukczus (Schleicher Gr. I p. 117) — она однакожъ въ литовскомъ языкѣ не употребляется, а только другая Žynis, образованная отъ того же корня Zin съ суффиксомъ — jas = jis — ys или is, обозначающая вездѣ знающаго, свѣдущаго, т.-е. знахаря, колдуна, а въ

---

1) Sc. R. Pr. IV, p. 238.

2) L. Pistorius, II, p. 391.

3) Dług. Lib X ed. Przezd. p. 465 (sacerdos) ..qui supplicantibus ac de futuro rerum eventu numen consulentibus falsa edebat.. responsa.— Ib. p. 473. (Sacerdos), qui sacrificantibus et petentibus ambigua dabat responsa.

4) Dług. l. l. p. 475.

данпомъ случаѣ, умѣющаго истолковывать знаменія огня[1]). Такимъ образомъ слѣдовало бы форму Žinys, Žinis возстановить въ текстѣ Длугоша. Ошибочвое Zincz вѣроятно произошло отъ незнавія литовскаго языка, или ведетъ свое начало отъ кописта, читавшаго вмѣсто окончанія — is = cz.

Одной изъ главныхъ задачъ вѣчнаго огня было давать предзнаменованія (žinklai), по которымъ жрецы истолковывали волю боговъ. Но намъ неизвѣстно, на какія именно знаменіа они обращали вниманіе, и какія считали благопріятными, а какія неблагопріятными. Единствевный примѣръ, указывающій на толкованіе предзнаменовавій, читаемъ въ одной латышской пѣснѣ:

Разложимъ огонь, молодецъ,
Изъ березовыхъ дровъ:
Если дрова будутъ горѣть тихо,
То мы будемъ жить согласно;
Если разгорятся съ трескомъ,
Будемъ ссориться, драться. — Спрогисъ Пам. р. $^{46}/_{23}$.

Guillebert de Lannoy пишетъ, что у Латышей при сжиганіи умершихъ на кострѣ изъ дубовыхъ дровъ обращали вниманіе на дымъ и вѣрили, что дымъ, прямо подвимающійся къ нему, указываетъ на спасеніе души человѣка, а уклоняющійся въ сторову — на ея гибель[2]). Очень вѣроятно, что на это обращали также вниманіе и въ Жиничѣ.

Укажемъ еще на одинъ любопытный фактъ, касающійся священнаго огня. По Дусбургу извѣстно, что души умершихъ (всѣ ли?) являлись у жилища жреца огня въ Ромове; но Гіеронимъ Прагскій сообщаетъ, что и души больныхъ являлись предъ самимъ священнымъ огнемъ, и если явившаяся душа была обращена къ огню, то больной выздоровѣетъ, если плечомъ, то больной умретъ[3]).

Вотъ какое представленіе выработалось у насъ не только о прусскомъ Ромове, но также о священныхъ мѣстностяхъ въ литовскихъ земляхъ, въ которыхъ равво какъ въ прусскомъ Ромове горѣлъ вѣчный вѣщій огонь; о его необходимой охранѣ въ здавіи, и о его жрецахъ. Мы старались это представлевіе основать на источникахъ, хотя скудныхъ, и на аналогіи съ домашнимъ огнемъ, пополняя данныя заключеніями, истекающими изъ самой сути предмета. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы обращали вниманіе и на малѣйшія подробности, высказывая и о нихъ свое мвѣвіе, чтобы этимъ доставить дальпѣйшимъ изслѣдователямъ удобный случай пополнить пробѣлы и исправить неточности.

---

[1]) Еще въ началѣ XVIII в. существовали вь Пруссіи колдуны, назывaвшіеся Zinys; о нихъ имѣется слѣдующее свидѣтельство: «Seynd rechte Zauberer, die heissen sie Szynys (sic), wenn die von einem Menschen ein Hembd, oder nur ein Stück von seinen Kleidern bekommen, machen sie, dass er gantz vertreugen, oder gantz dick aufschwellen, oder von Reissen in allen Gliedern nicht Tag und Nacht ruhen muss, bis er stirbt. Sie haben auch ein Kraut, das nennen sie Maulda, wenn sie einen was schuldig, sehen sie wie sie ihm solches im Trinken beibringen, der das Kraut ins Leib bekommt, muss sterben, dagegen hilft die gantze Apotheke nicht. (Pseudo Praetorius): Von der Litauer Art, Natur und Leben, p. 130 etc. въ части озаглавленной: Von ihren abgöttischen Handeln so bei ihnen sehr im schwange gehen № 6.

[2]) Voyages et Ambassades etc. См. Lelewel-Rozbiór dzieł et. Poznań 1865, p. 369, cp. ŽML. II, p. 131... en feu fait de purain bois de quesne, et croyent, se la fumiere va droit en ciel, que l'ame est sauvee, mais s'elle va soufflant de coste, que l'ame est perie.

[3]) Sc. R. Pr. IV, p. 237—239.

Приложеніе I.

Praetorius Preussische Schaubühne (рукопись).

Buch IV, C. I, § 6—7. (Извлеченіе).

§ 6. Alsz ich einsmahls in Zalavonien im Ragnitischen Gebiehte reiste, wurde mir eine Eiche gewiesen, die sonderlich mit den Aesten verwachsen und den Bewohnern heilig war. Недалеко отъ этого дуба стояла гостиница (herberge), въ которой остановился Прэторіусъ. Осторожный и лукавый содержатель ея, спрошенный о значеніи дуба отвѣтилъ: dass sie diesen Baum vor anderen beehrten, wären sie von ihren Eltern und Vorfahren so gewiss unterrichtet, dass wenn sie dem Baume nicht sollten eine Ehre anthun, etwa nur dass sie ihn schonten und ihn nicht ab, oder behauten, würden sie unfehlbar bestraffet werden... Er wäre belehret von seinen Vorfahren, dass Gott bey solchen Eichen einen Engel öffters bestellet, der den Frommen Glückes, den Bösen böses thäte... er meinte, dass man nicht unrecht thäte, dass man daselbst was opferte, welches er nicht den Bäumen thäte, sondern dem Engel oder vielmehr Gott, der den Engel daselbst hingesetzt hätte. Er erzählte mir, wie einsmahls ein gottloser und Epicurischer Mensch auss Frevel einige Aeste von der Eiche abgebrochen und selbige auss Übermuth mit Füssen getreten, sey sofort darauff von der Hand, womit der Ast gebrochen und dann auch von dem Fuss, damit er den Ast betreten, die Haut abgegangen. Auch soll dieses geschehen seyn denen, die dieses Menschen Hand und Fuss etwa zu heilen angerührt haben. Прэторіусъ припоминаетъ себѣ, что онъ читалъ у Caelius'a Rhod. lib VII. Lection. antiquae c. 27 „quod in quercuum radicibus animal ad perniciem adeo potens sit, ut supergressu tantum excidat pedum cutis, intumescantque insigniter crura tota. Id vero etiamnum mirabilius: si quis mederi vult, manus itidem excoriantur"... Jedoch ersiehet man, wie ohnstrittig die Oerter, bey welchen einige rarer Art Bäume und sonderlich Eichen vorhanden gewesen, hoch bey den alten Preussen sind geachtet worden, jedoch mit Unterscheid.

§ 7. Obzwar ein Baum an einem Ort ist heilig geachtet worden, so ist doch nicht fort der Baum, so dabey gestanden, da er gleich von derselben Gattung gewesen, heilig gewesen. Weil ihrer Meinung nach Gott einen Baum höher begnädiget, als den Andern... Anno 1669 geht in Sudermannia (einer schwedischen Provinz) unweit dem Hoff Wandelsoo zur Osterhänningischen Pfarrei gehörig, ein Knecht in den nechst gelegenen Wald. Замѣтивъ на маленькомъ холмѣ прекрасный можжевельникъ собирался срубить его. Поднявъ топоръ слышитъ голосъ: „Hau du nicht den Wacholder". Отвернувшись и не замѣтивъ никого, опять поднялъ топоръ и вновь былъ слышанъ тотъ же голосъ. Испугавшись, удаляется и, увидѣвъ другое ему удобное дерево, срубилъ его уже безъ всякихъ препятствій. Съ тѣхъ поръ окрестные жители почитають упомянутый можжевельникъ (Johann Loccenius Antiquit. Sueco Goth. c. 5).

§ 8. Unter den preussischen Ortern nun, so ihrem Götzen Dienste geweihet gewesen, werden am meisten angeführet und sind berühmt Romowe und Rykoioth. Romowe oder nach der Alt-Preussischen Mund-Arth Rombhowe ist der Ort genannt worden von einem wunderbahren Gewächse, so sie bey den dasiegen Eichen gefunden; herrührend vom Wort Romiu, Rombiu, Rombothi, so auff Alt-Preussisch heisst Zusahmen wachsen. Wird eigentlich geredet von den Bäumen in sonderheit, wenn ein Ast an,

und in den Andern wächset. Weil nun an dem Ort eine so wunderbahr Zusahmen gewachsene Eiche gestanden, die die alten Preussen vor heilig und vor einen sonderbahren Sitz ihrer Götter gehalten, haben sie solchen Ort oder vielmehr die Eiche Rommove geheissen.

§ 10. Wo man anders auff die preussische Sprache sich hierin fundiren soll, muss man davor halten, dass der Ort, wo die Häuser um die Eiche gestanden, Romove von der Eiche geheissen; der Ort aber der Solennitäth, die sie bey der Romowe gehalten, oder vielmehr die Solennitäth bey der Romowe, Rykaioth geheissen (?). Denn daselbst bey Romove haben sie nach abgelegten Götzendienste, nach denen Gesetzen ihres Weidywuti und Krywe, ihr Feyer gehalten, welche Feyer mehrentheils in Rykiauti seu Rykaujoti i. e. Wolleben im Sauffen p. p. bestanden. Denn Rykauti unb Rykaujoti heist noch Fröhlich seyn, vornehmlich beym Soff p. p. Dabey man jetzo an einigen Orten der Zemynelen der Erdgöttin diene...

Dass II Capittel.

Handelt von andern heiligen Bäumen der Preussen.

§ 1. Die Alten Preussen haben nicht also fort eine jedwede Eiche oder Baum vor ein Heiligthum gehalten, sondern insgemein die Rombhota, dass ist die so wunderlich in einander gewachsen, welche Arten der Eichen noch bey den Nadravern und Zalavoniern heimlich beehret worden...

§ 2. Henneberger gedenket Comment. I, p. 416 Einer grossen Linde in Zalavonien im Dorfe Schakuhnen...

§ 3. So war auch eine Tanne mit Zwey Zwolgen, welche oben zusamengewachsen in einem Revier des Waldes Niebudzenschen Kirch-Spiel gehörig, welche noch 1664 gestanden,... in welchem Jahr der Donner hineingeschlagen... der Stobben anno 1673 bey dem grossen Wald-Brande verbrennet ist. Zu selbiger Tanne lieffen Gross und Klein, nicht allein auss Nadrawen und Zalavonien, sondern auch gar auss Zamaiten und Littauen, und opferten daselbst Tücher, Hosenbänder, auch theils Kleider, auch Geld; denn sie die Impression hätten, wenn Jemand, der contract wäre, oder einen Bruch hätte, durch die Zwey Aeste durchginge, dass er davon gesund würde, und findet man noch viel Leute, die die Kraft desselben Baumes, ihrer Meynung nach, wolerfahren und dieselbe heilige Tanne zu rühmen sich nicht scheuen. Diese Tanne ward auch Rumbuota Egle genannt, und wenn welche dahingingen, sagten Sie Eikim Rombhova, und wenn sie geschwind aussprachen Eikim Rommova (!) Solcher Art Tannen sind zweiffels ohne mehr gewesen, weil man ausser denen noch unterschiedliche Örter findet, die nach der Preussischen Sprache heilig heissen, also Szwente Joezuno (?) p. p. Szwente mieste pp...

§ 4. Ausserdem haben die alten Preussen noch andere Bäume, insondercheit den Holunder, heilig gehalten, unter welchem sonderliche Erd-Götter, die sie Bezdukkai nennen, von welchem Wort andere Barzdukkai machen, wohnen sollen. Gewiss ist's, dass der Hollunder-Baum von unterschiedlichen Nadrawern noch gescheuet und gefürchtet wird, weil die Bezdukkai, die unter solchen wohnen sollen, den Menschen schädlich fallen... Bezdas heisst auff Preussisch auch in Nadraven und Zalavonien ein Holunder. Bezdukkai seind die so sich beym Holunder aufhalten, oder bey ihnen seyn...

§ 5. Ich meyne alle Art Bäume sind ihnen heilig gewesen, dessen Stamm sich von einander gezweiget und weder zusammen gewachsen gewesen; im Felde im Ragnitschen war eine Eiche so gewachsen, wie der Abriss zeiget, die auch vor Heilig gehalten, da hinauffstiegen, so einen Bruch hatten, und stiegen durch das Loch, so der eingezweigte Ast gemacht, meinten dadurch geholfen zu seyn. In meinen damaligen Garten zu Nibudzen war eine solche Rombotha Krauszis, i. e. zusammen gewachsener Birnbaum, bey dem fand ich einmahl einen alten Mann, der auff den Knieen unter dem Baume lag und behtete. Er murmelte unter dem Bahrt, und weil ich mich dessen nicht versehe, auch nicht allerdings still und vorsichtig gnug mich verhielte, ward er verstöret und wollte davon gehen... Послѣ долгихъ переговоровъ наконецъ удалось служителю Прэторіуса добиться слѣдующаго объясненія: „wie dieser Mann wäre von einem Weidullutin auss Zamaiten hieher geschickt. Er sollte vor seines Sohnes Kind, dass einen gefährlichen Bruch hätte, und dabey Contract wär worden, einen solchen durchwachsenen Baum suchen, seines Sohnes Kind durch selbigen durchstechen, es möchte der Weidulle die Kraft solche Kranke heil zu heilen den Baum von den Göttern verschaffen pp... und dass meinte er, hätte man aus Erfahrung, dass die einen solchen Baum nach Anleitung ihres Maldininker[1]) und Weidullen[2])... recht verehreten nicht hülfloss gelassen würde... Er bekannte endlich, dass er einen Maldininker wüsste, der wenn er hier bey dem Baume sicher zu wohnen bekäme, nicht nur mit seiner gantzen Familie herziehen wolle, sondern es sollte auch mir ein gewisses Glück seyn. p.p., zumahlen wenn er den Baum recht einheiligen (iszwentit) würde“.— По приказанію Прэторіуса отрубили сросшуюся вѣтвь „wobey aber dieses merkwürdige sich zugetragen. Alss der Ast gehauen ward, und wie sie nun alle umb den Baum stehen, sehet sich der Gärtner, der ihn weghauete, nicht woll vor, dass er bey zeiten von dem abfallenden Ast wegsprung, darauff fällt ihm der fast schwäre Ast auff seine Füsse (?), davon er über vier Wochen krank... wodurch bey den umbstehenden eine Confusion entstund, dass sie alle weggegangen“.

Удивительно, что вездѣ, гдѣ говорится о срубкѣ священнаго дерева, случается ли она въ Heiligenbeil при епископѣ Анзельмнѣ, или въ Литвѣ во время Длугоша, или въ Жмуди при Лясковскомъ, или у Латышей во время Эйнгорна (Einhorn Reformatio gentis Letticae Sc. R. Liv. II p. 636), или въ Германіи и т. п., всякій разъ рубящій поднергается наказанію черезъ поврежденія топоромъ ноги.

Трудно окончательно рѣшить, было ли это повѣріе общимъ достоявіемъ народовъ, или образовалось ли оно отдѣльно у каждаго народа, почитающаго извѣствыя деревья, вслѣдствіе чего само собою рождалась мысль о наказаніи за поврежденіе священнаго предмета. Можетъ быть первое вѣрнѣе, потому что оно уже существовало въ древней Греціи. Схоліастъ къ Облакамъ Аристофанеса v. 1005 отмѣчаетъ слѣдующее: *Αἱ ἱεραὶ ἐλαῖαι τῆς Ἀθηνᾶς εν τῇ ακροπόλει μορίαι ἐκαλοῦντο. Λέγουσι γαρ, ότι Ἁλιρρόθιος, ὁ παῖς Ποσειδῶνος, ἠθέλησεν εκκόψαι αὐτὰς διὰ το τῆς ἐλαίας εὑρεθείσης κριθῆναι τῆς Ἀθηνᾶς την πόλιν: ὁ δε ἀνατείνας τον πέλεκυν καὶ ταύτης αποτυχὼν επληξεν εαυτὸν καὶ ἀπέθανε· καὶ διὰ τοῦτο μορίαι αἱ ἐλαῖαι ἐκλήθησαν.*

Ἡττηθεὶς τῆς Ἀθηνᾶς ὁ Ποσειδῶν επὶ τῇ τῆς ελάιας επιδέιξει, επεμψεν τον υἱον αὐτοῦ Αλιῤῥόθιον ταύτην τεμοῦντα. Ὁ δε ἀνατείνας τον πέλεκυν ταύτης μεν ηστόχησεν, τον δε πόδα αὐτοῦ πλήξας ετελεύτησε· καὶ οὕτω μορία η ελαία ἐκλήθη, ὡς μόρου παρεκτική.

---

[1]) На поляхъ: beter.

[2]) «Ein weiser Mann»

Приложенie II.

A.

Preussisches Archiv oder Denkwürdigkeiten aus der Kunde der Vorzeit von Karl Faber.

III. Sammlung. Koenigsberg 1810, p. 247/8.

In der Landes Ordnung des ersten Herzogs von Preussen Markgraf Albrecht vom Jahr 1526 wird noch die im Lande gebräuchliche heidnische Abgötterey, namentlich die Bockheiligung auf Samland verboten. Aber auch noch weit später gingen dergleichen Missbräuche im Schwange. Die Litthauer hatten noch im Jahr 1657 eine so genannte heilige Eiche. Sie stand im Amte Ragnit, zwischen Bajorgallen und Rudschen, mitten im Walde. Einige Fuss hoch von der Erde theilte sich der Stamm in zwei Hauptstämme. An einem derselben war ein starker Ast bogenförmig in den Stamm eingewachsen und bildete also eine Oeffnung. Die abergläubischen Litthauer, die an Leibesgebrechen litten z. B. böse Augen, Lähmungen an Händen und Füssen etc. hatten, wallfahrteten viele Meilen weit dahin, setzten zackige Tannenaeste an den Baum, stiegen darauf bis an den angewachsenen Ast hinauf und krochen dreymal durch die Oeffnung. Danach banden sie die Sachen, die sie zum Opfer brachten um den Ast und glaubten davon gesund zu werden. Der Ast hing voll Hosenbänder, Weiberschleyer, Messer und anderen Sachen. Etliche opferten auch Geld, welches sie vor dem Baum auf die Erde legten. Die preussische Regierung befahl auf die ihr davon gemachte Anzeige dem Hauptmann zu Ragnit, diese Eiche sofort umhauen und verbrennen zu lassen.

Подлинникъ этого донесенія правительству напечатанъ въ Neue Pr. Prov. Blätter, III Folge, 1863. Bd. X, p. 159; тамъ же отвѣтъ правительства отъ 31 іюля 1657 съ приказомъ срубить дубъ, дѣло дьявола („damit die Wercke dess Teuffels zerstöret").

B.

До сихъ поръ шла рѣчь о деревьяхъ, стволъ которыхъ разъединившись, опять срастался въ одинъ. Но кромѣ того случалось, что два вблизи другъ къ другу стоящіе ствола, выросшіе изъ одного или двухъ разныхъ корней, срастались такъ, что внизу образовывалось отверстіе, черезъ которое можно было пролѣзть больному ради его излѣченія. Проф. Caspary называетъ такія деревья двуножными (zweibeinig), — а нашедши ихъ въ довольно громадномъ количествѣ, старался это явленіе объяснить въ монографіи Ueber zweibeinige Bäume. Schriften der physikalisch-oekonomischen Gesellschaft zu Koenigsberg, XXII Jahrg. 1883, p. 107—112. Утверждая, что никоимъ образомъ два отдѣльные ствола само собою не могли срастаться, продолжаетъ: „So bleibt nichts übrig als die Annahme, dass sie durch Kopulation zweier dicht neben einander aufgewachsenen jungen Bäumen gebildet seien, dass der Stamm des einen Baumes schief abgeschnitten, der des andern bis aufs Holz für eine kurze Strecke in gleicher Höhe tangential angeschnitten, das peripherische Kambium der beiden Stämme aufeinander gelegt und die Stämme in dieser Lage miteinander zusammen gebunden wurden, bis sie verwuchsen. Auffallend... dass solche Bäume sich mitten in grossen Wäldern, in so entlegenen, menschenleeren Gegenden, wie die Beläufe Glinow und Wersk es sind, angetroffen werden". [1])

[1]) Лѣсничество Еленёво (Jeleniowo), теперь названное Глиновъ (Glinow) картузскаго (Carthaus) уѣзда, недалеко отъ поморской границы... Верскъ же (Wersk), лѣсничество злотовскаго уѣзда.

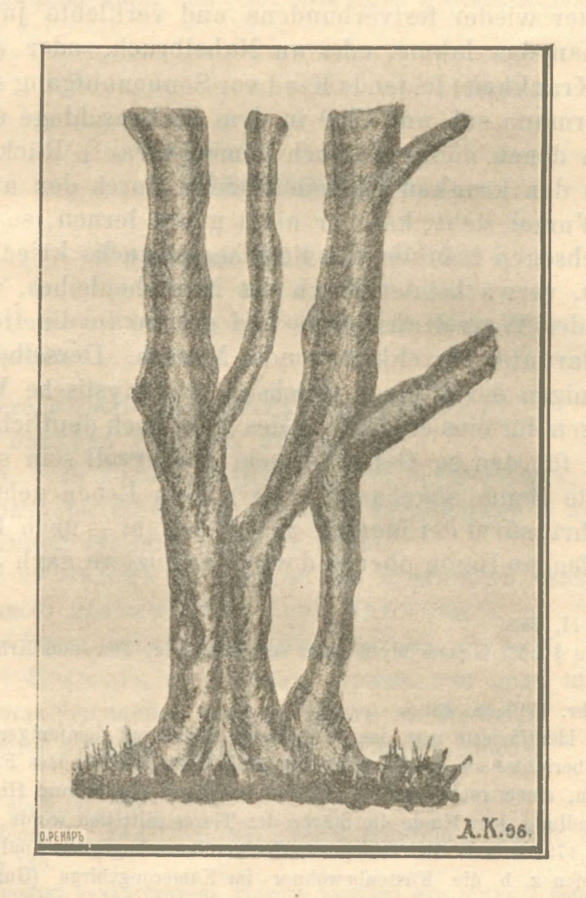
Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что требуемое срастаніе пней или вѣтвей съ оставленіемъ отверстія для намѣреннаго протягиванія больныхъ могло производиться съ помощію искусственныхъ мѣръ. Вѣдь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ для исцѣленія больныхъ не было подходящаго дерева, пробивали въ данномъ случаѣ насквозь стволъ молодого дерева, расширяли щель посредствомъ клиновъ до надлежащей величины и, протянувъ больного, связывали дерево, чтобы оно срослось. Срастаніе было признакомъ, что больной выздоровѣетъ.

Но съ другой стороны нельзя отрицать возможности, чтобы вообще два разъединенные ствола или вѣтви не могли сами собою срастись безъ приложенія человѣческихъ рукъ. Еще до сихъ поръ находится дерево изъ породы граба (carpinus betulus) въ Elisenhain, недалеко отъ гор. Грифіи (Greifswald), у котораго два ствола срослись и нѣтъ слѣда искусственнаго соединенія[1]).

Вслѣдствіе этого нѣтъ необходимости приписывать указанный профессоромъ Caspary видъ деревьевъ искусственному соединенію, тѣмъ болѣе, что онъ самъ удивляется тому, что эти деревья имъ замѣчены въ отдаленныхъ, мало заселенныхъ странахъ, въ глубокихъ и людьми не посѣщаемыхъ лѣсахъ.

Praetorius сообщаетъ намъ, что въ прусской Литвѣ существовалъ извѣстный родъ знахарей (vaidelis), названныхъ Medziorei, на обязанности которыхъ лежало отыскивать

[1]) Приложенный рисунокъ ствола сдѣланъ по Gaidoz'у стр. 13, который заимствовалъ его изъ Zeitschrift des Vereins für Volkskunde Bd. II, Berlin, 1892, p. 81.

Стволъ дерева Carpinus betulus, растущаго въ Elisenhain недалеко отъ Greifswald".

въ лѣсахъ деревья, представляющія собой веобыкновенный видъ вслѣдствіе срастанія. „Medziorei haben die heiligen Wälder bedient. In Nadrawen finden sich noch (XVII вѣкъ) welche, die in den Wäldern Acht geben, wo ein Romowe (sic), oder ein sonderlich durchwachsener Baum anzutreffen. Sie lassen sich wol bezahlen, wenn sie jemand an solche bringen sollen (p. 46/7). Это можетъ только касаться деревьевъ, видъ которыхъ произошелъ самъ собою, а не искусственнымъ образомъ.

Приложеніе III.

Mannhardt. Baumkultus der Germanen.

Berlin 1875, p. 23.

§ 9. Miteinanderwuchs des Baumes und des Menschenleibes. Das Gegenstück aber zu dem durch die Strafe für Baumschäler geforderten Ersatz zerstörter Baumglieder liefert der Volksglaube, dass umgekehrt Gebrechen des Menschen durch den Baum ausgeglichen werden könnten. Bekommt ein neugeborenes Kind einen Leibesschaden, so schlitzt man am nächsten Charfreitag ein Weidenstämmchen auf, zieht das Kind hindurch und verbindet den Spalt wieder, sobald er verwächst, wird das Kind gesund[1]). Meistens ist es eine in der Mitte gespaltene mit grossen Keilen auf eine Weile auseinander gesperrte, später wieder festverbundene und verklebte junge Eiche, oder ein Obstbaum, wodurch man das lahme, oder an Nabelbruch, oder an zurückbleibendem Wachstum (englische Krankheit) leidende Kind vor Sonnenaufgang schweigend und nackt kriechen lässt[2]). Ackermann sah um 1790 in dem Eichenschlage eines gewissen Dorfes viele junge Eichen, an denen dieser Versuch gemacht war[3]). Rückgratsverkrümmungen heilt man, indem man den kranken Kleinen dreimal durch den aus der Erde hervorragenden Bogen einer Wurzel zieht; kann er nicht gehen lernen, so heisst man ihn durch die in die Erde gewachsenen Ranken des Brombeerstrauchs kriechen. Wenn der Bruch des Baumes verwächst, verwächst der Bruch des Menschenleibes, wenn der Baum, der Brombeerstrauch von der Wurzel aus grade und gesund in die Höhe wächst und Fortgang nimmt, so der darunter durchkriechende Mensch. Derselbe hat sein Schicksal, sein Leben mit demjenigen der Pflanze gleichsam auf mystische Weise verknüpft, sich selbst, mit ihr sozusagen für eins erklärt[4]). Dies geht noch deutlicher aus dem Umstande hervor, dass es fortan für den so Geheilten sehr gefahrvoll sein soll, wenn der mit ihm in Sympathie gebrachte Baum abgehauen wird[5]). Sein Leben geht mit dem des Baumes zu Ende. Und umgekehrt, stirbt der Mensch zuerst, so geht — nach Rügischen Glauben — sein Geist in den betreffenden Baum über und wird der letztere nach Jahren zum Schiffsbau

[1]) Oberpfalz Bavaria, II, 255.

[2]) Wuttke Aberglauben § 503. Grimm Myth. 1118 sq. Schiller z. Tier- und Kräuterbuch des Meklenburger Volkes III, 30.

[3]) Deutsche Monatsschr. 1791. s. 439.

[4]) Auf dieselbe Weise identifizierte man das menschliche Leben mit demjenigen von Tieren. Baker, Nilzuflüsse in Abyssinien, I, 251, berichtet als Aberglauben der arabischen Weiber, dass Frauen, welche sich in interressanten Umständen befinden, einem recht starken Kameel zwischen Vorder und Hinterbeinen durchkriechen in der Meinung, dass diese Handlung dem Kinde die Stärke des Tieres mitteilen werde.

[5]) Deut. Mon. Schrift, 1791 a. a. O. Bei entlegenen Naturvölkern begegnen Analogien. Nach Bastian Ztschrft f. Völkerpsych. V. 297 knüpfen z. b. die Küstenbewohner im Kamerongebirge (Guinea) ihr Leben geheimnissvoll an einen Baum.

tauglich uud dazu benutzt, so entsteht aus dem im Holtze weilenden Geiste der Klabautermann, d. h. der Kobold oder Schutzgeist des Schiffes und der Schiffsmannschaft[1]). Uebrigens lehrte schon unter Theodosius Marcellus von Bordeaux die in Rede stehende Kur: Si puero ramex descenderit, cerasum novellam radicibus suis stantem mediam findito, ita ut per plagam puer trajici possit, ac rursus arbusculam conjunge et fimo bubulo aliisque fomentis obline, quo facilius in se, quae scissa sunt, coeant; quanto autem celerius arbuscula coaluerit et cicatricem duxerit, tanto citius ramex pueri sanabitur[2]).

Es liegt von meinem gegenwärtigen Zwecke ab, auszuführen, wie dieses Durchkriechen durch einen gespaltenen Baum sich umgesetzt hat in das Durchkriechen durch die natürliche Höhlung, welche durch zwei unten sich trennende oben wieder in eins zusammenwachsende Aeste gebildet wird, oder durch alle möglichen anderen Spalten und Höhlungen z. b. in Steinen, in der aufgegrabeuen Erde (Friedberg, Bussbücher s. 99) u. s. w. Was wir jedoch vom Baume geglaubt sehen, findet auch auf das Getreide Anwendung. Hat ein Kind kein Gedeihen, so legt man es am Iohannismorgen nackt in den Rasen und sät Leinsamen über dasselbe, oder man übersät es im Frühjahr mit Sommergerste; wenn die Saat aufgeht, zu „laufen" anfängt, fängt auch das Kind an zu laufen[3]). Der aufspriessende Halm ist hier der Doppelgänger des jungen Menschen und sein Wachstum verbürgt das Emporschiessen und die Gesundheit desselben. Und anderseits trat an die Stelle des Menschen auch wol das Tier. Im VII Jahrh. predigt der h. Eligius im Frankenreiche „Nullus praesumat pecora per cavam arborem transire" (Myth. p. 1118). Es ist also auch das Tier mit dem Baume gewissermassen identifiziert worden.

Приложеніе IV.

Моровая язва и Giltinė.

Мицкевичъ описываетъ въ Конрадѣ Валленродѣ (пиръ, пѣснь вайделоты) моровую дѣву слѣдующимъ образомъ:

Когда заразѣ предстоитъ поразить Литву,
Ея приходъ угадаетъ вѣщее око:
Ибо, если только должно вѣрить вайделотамъ,
Неоднократно на пустынныхъ кладбищахъ и лугахъ
Видимой станетъ моровая дѣва.
Вся въ бѣломъ съ вѣнкомъ на огненномъ челѣ,
Главою превышаетъ дерева Бѣловѣжа[4]),
А машетъ окровавленнымъ платомъ въ рукѣ.
И кроетъ на замкахъ стражъ очи подъ шлемомъ,
А псы поселянъ, зарывъ пасти въ землю,
Роютъ, смерть чуютъ и съ ужасомъ воютъ.

---

[1]) Ztschrft. f. Deut. Myth. II, 141.

[2]) Marcellus Burdigalensis C. XXXIII, p. 229. Grimm Marcellus p. 24, 91. Kleine Schriften II, 141.

[3]) Wuttke a. a. O. § 543.

[4]) Як. Гриммъ въ переводѣ этихъ стиховъ дѣлаетъ ошибки; впр. стихъ 7 переводится: An der Stirn trägt sie Zauberstäbe. D. Myth. II, ed. 1854, p. 1137.

Ступаетъ зловѣщими дѣва шагами
На замки, на села и грады богатые;
А сколько разъ махнетъ окровавленнымъ платомъ,
Столько дворцовъ обратится въ пустыни,
Ногою гдѣ ступитъ, тамъ свѣжій гробъ выросъ. (Пер. А. Матвѣевъ).

По собственнымъ словамъ Мицкевича описанное имъ преданіе онъ заимствовалъ изъ сообщенной ему когда-то въ Литвѣ баллады (?) слѣдующаго содержанія: „Въ одной деревнѣ появилась мороная дѣва, которая по ея обыкновенію, всунувъ руку черезъ днери или окно, и махая окрованлевнымъ платомъ, разсѣвала смерть по жилищамъ. Жители крѣпко затворяли двери и окна, но голодъ, хозяйскія и другія занятія скоро заставляли ихъ покинуть предпринятыя мѣры. Всѣ ждали смерти. Одинъ дворянинъ, несмотря на то, что онъ запасся средствами къ пропитанію, поэтому дольше другихъ могъ выдержать эту странную осаду, все-таки рѣшился пожертвовать жизнью для общаго блага, и, вооружившись саблею (извѣстной подъ названіемъ Zygmuntówka), на которой выписано было имя Спасителя и Св. Маріи, растворилъ окно. Однимъ взмахомъ отсѣкъ руку чудовищу и захнатилъ платокъ. Правда, онъ умеръ, и вся его семья вымерла, но съ тѣхъ поръ въ деревнѣ уже никогда моровая язва не появлялась. Платокъ же былъ переданъ въ костелъ, не помню, какого-то мѣстечка“. Этимъ оканчивается разсказъ Мицкевича.

Преданіе о моровой дѣвѣ существовало во всѣхъ предѣлахъ Европы (Grimm D. M. II, 1133—44). Оно держалось крѣпко по славянскимъ землямъ въ сообщенныхъ Мицкевичемъ главныхъ чертахъ (Woycicki I. 51, гдѣ платокъ можетъ быть реминисценція съ Мицкевича). Чисто литовское преданіе разнится во всѣхъ отношевіяхъ отъ сообщеннаго, поэтому утверждаю, что преданіе Мицкевича славянскаго происхожденія, перешедшее въ Литву.

Ксендзъ Олехновичъ въ книжкѣ Pasakos pritirimaj wesełos ir giesmes sudierinimays (sic) lietuwiszkay paraszitos, Wilniui 1861, p. 140, сообщаетъ намъ настоящее литовское преданіе, которое въ виду библіографической рѣдкости книжки приведемъ въ сокращеніи.

„Giltinė значитъ смерть... Она изображалась въ видѣ женщины съ длиннымъ, синимъ лицомъ и носомъ; языкъ ея, также длинный, былъ насыщенъ смертельнымъ ядомъ. Одѣтая въ бѣлое одѣяло, таскается ова днемъ по могиламъ, собирая языкомъ ядъ изъ труповъ, который развоситъ ночью, то заражая ядомъ утварь, то причиняя языкомъ уколы спящимъ... Убыль же растраченнаго яда она пополняла сосаніемъ мертвецовъ“... „Однажды, разсказываетъ авторъ, въ моемъ дѣтствѣ вся ваша семья, собравшись по своему обыкновенію однимъ зимнимъ вечеромъ, среди разныхъ хозяйственныхъ занятій стала разсказывать большое число случаевъ смерти сосѣдей. При этомъ было упомянуто между прочимъ, что Giltinė позволяетъ себѣ очень много. Мать моя тутъ выразила свое крайнее удивленіе по поводу того, что никто не находится такой, кто бы укротилъ дѣйствія Giltinė и отрѣзалъ ей языкъ. Прежде бывало иначе. Случилось разъ, что люди умирали въ громадномъ количествѣ. Тогда одинъ старикъ, почувствовавъ, что скоро умретъ, призналъ къ себѣ дѣтей, родственниковъ и сосѣдей[1]), и обратился къ нимъ съ такою рѣчью: Вратья мои! знаю, что я васъ скоро оставлю; чувствую, что мерзкая Giltinė лизвула меня языкомъ, а ядъ ея душитъ меня. Но я старикъ, поэтому я ей этого не ставлю въ вину... но я ей не могу простить того, что она забрала моихъ сыновей, моихъ родственниковъ и сосѣдей, все молодыхъ людей. Коль скоро умру, поло-

2) Это древній литовскій обычай.

жите при мнѣ ножницы для стрижки овецъ. А зачѣмъ же это? спросили присутствующіе. Старикъ нѣкоторое время молчалъ — и затѣмъ промолвилъ: положите ножницы при мнѣ сбоку. Когда Giltinė приблизится ко мнѣ, чтобы напоить ядомъ языкъ, я подвинувшись къ ней, отрѣжу ей языкъ. Требованіе старика исполнили, и скоро дѣйствительно моровая язва прекратилась.

Когда мать окончила свой разсказъ, отецъ, разсмѣявшись, продолжалъ. А я видѣлъ собственными глазами Giltinė, на вечеринкахъ (wieczorynki) въ Купишкахъ у г. управляющаго. Собственно говоря, это не была сама Giltinė, но человѣкъ, переодѣвшійся въ Giltinė. Стоялъ онъ при столѣ надъ миской съ горящимъ „крупникомъ", одѣтый простыней. Лицо, носъ у него былъ синій, словно бумага отъ сахара, а длинный языкъ его былъ отрѣзанъ (?)". Этимъ оканчиваетъ авторъ свой разсказъ съ обѣщаніемъ, что при удобномъ случаѣ сообщитъ болѣе подробностей; но кажется, что при этомъ обѣщаніи и остался онъ.

Аналогическій обычай существовалъ, помню, около 50 лѣтъ тому назадъ въ Одоляновскомъ (Adelnau) уѣздѣ Великаго княжества Познанскаго. Собравшіеся, желая призвать смерть, закрывали ставнями окна и, зажегши разлитый на глубокой тарелкѣ спиртъ съ примѣсью соли, сѣкли пламя розгами, при чемъ никто не долженъ былъ оглядываться назадъ; провинившійся несомнѣнно долженъ былъ умереть въ теченіи одного года. Отъ этого пламени лица всѣхъ принимали видъ умершаго.

Въ продолженіи своего сообщенія прибавляетъ кс. Олехновичъ нѣсколько подробностей, не лишаемыхъ интереса для изслѣдователя литовской миѳологіи.

Правда, говоритъ авторъ, Спаситель укратилъ нечистую силу, но не уничтожилъ ея; однихъ представителей ея низвергъ подъ землю; иные таскаются между людьми въ человѣческомъ видѣ; иные опять превращаются въ деревья, животныя; иные наконецъ блуждаютъ въ ночномъ мракѣ по могиламъ (p. 138). „Злыя души (złe duchy) имѣютъ всѣ качества и свойства дьявола (velnisa), который ходитъ по людямъ и заключаетъ съ ними договоры". Въ его „свитѣ" находились „Aitivarai (летучія чудовища), Vilkatai (Wilkołaki), Wiliki, Laumes, Gavenai, Raganos, Giltines". — Авторъ повидимому не различаетъ Айтиваровъ отъ Вилькатай. Эти существа или безпосредственно сами, или воплотившись въ человѣка, наносятъ бѣднымъ Литовцамъ вредъ различнаго рода, чаруютъ, навязываютъ имъ болѣзни, выбираютъ изъ-подъ гусей яйца, стригутъ ночью овецъ, отнимаютъ молоко у коровъ и пр. Айтивары похищаютъ сокровища, Вильколаки барановъ, и передаютъ ихъ своимъ любимцамъ (p. 139).

Душа человѣка не только послѣ смерти его можетъ переходить въ тѣло животнаго, Айтиваръ можетъ еще при жизни человѣка проживать въ немъ — а иной разъ показываться въ настоящемъ своемъ видѣ, или въ видѣ Лаумы — какъ ему только захочется (p. 139).

Какое значеніе имѣлъ въ старинѣ Gawenas, чтимый во время масляницы, а Великіе — во время Воскресенія Христова, ксендзу неизвѣстно, и извѣстнымъ быть не могло, такъ какъ эти существа — олицетвореніе христіанскихъ священныхъ дней, т.-е. дней до великаго поста и великой недѣли: „Въ настоящее время народъ представляетъ себѣ Гавенасъ существомъ, продѣлывающимъ различнаго рода шутки вреднаго характера, выѣдающимъ внутренности несоблюдающимъ великаго поста и заполняющимъ ихъ животъ гороховиной. Вообще Гавенасъ теперь только пугало для дѣтей. Такого-то Гавенасъ дѣлаетъ сельская молодежь въ день „попельца" изъ соломы, одѣваетъ его въ лохмотья, тянетъ отъ дома до дома, травитъ его собаками и т. п. — а все это дѣлается въ знакъ того, что великій постъ уже начался" (p. 142). Ср. Marzanna, слов. божество зимы.

„Wilikia — это богиня, которая наканунѣ великой недѣли, разнося яйца для дѣтей, раскладываетъ ихъ по окнамъ".

Для отвращенія чаровъ и наговоренныхъ болѣзней употребляются слѣдующія зелья: Durnarope (Belladona); Warinczej, Parstupas (Przestęp) и т. п. — (p. 134).

„Литовскій простой народъ ничего не знаетъ о своихъ князьяхъ, ни о своей исторіи; но онъ знаетъ по имени своихъ божковъ, разсказываетъ о нихъ, вѣритъ и боится призраковъ. Онъ также знаетъ молитву первобытныхъ людей, которую, прыгая черезъ ровъ, произноситъ: Tej tau Dēvē, tej mań Dēvē, это тебѣ божокъ, а это мнѣ божокъ. Онъ часто вспоминаетъ, что прежде было лучше и свободнѣе, когда народъ указаннымъ образомъ молился Богу“ (p. 143).

Приложеніе V.

Potrympus и Auszautis.

A). Potrympus.

Въ нижеслѣдующемъ разсужденіи постараемся собрать и критически разсмотрѣть извѣстные намъ источники о Potrympus и, оцѣнивъ ихъ, привести въ порядокъ относительно ихъ зависимости другъ отъ друга, а въ концѣ показать, въ какомъ положеніи находится вопросъ съ научной точки зрѣнія. Въ этомъ то и заключается единственная положительная сторона нашего изслѣдованія, такъ какъ намъ не возможно прійти къ окончательному, убѣдительному результату, вслѣдствіе скудости, жалкаго состоянія и безполезности источниковъ[1]).

I. Въ первый разъ читаемъ о божествѣ подобнаго названія въ Collatio Episcopi Varmiensis съ 1418 г. Написанная съ цѣлью защиты Крестоносцевъ передъ столицею римскаго папы, она прославляетъ ихъ заслуги, оказанныя христіанству; къ нимъ причисляетъ и то, что они истребляли идолопоклонство, почитающее „Patullum et Natrimpe et alia ignominiosa fantasmata“[2]).

Не сомнѣваясь въ достовѣрности источника относительно именъ божествъ, замѣчаемъ однако, что нигдѣ уже не находимъ названія Natrimpe, и вслѣдствіе этого Bender[3]) предполагаетъ ошибку и предлагаетъ вмѣсто Natrimpe — Potrympus, каковая форма и водворилась въ литературѣ со временъ Грунау.

Такъ какъ источникъ, кромѣ самаго названія, не приводитъ никакихъ указаній на его значеніе, то мы не имѣемъ никакого критерія для оцѣнки догадки, которая въ такомъ случаѣ нисколько не способствуетъ разъясненію нашего вопроса.

II. Simon Grunau (1526) первый приводитъ формы Potrympo, Potrumpo и т. п., и причисляетъ это божество къ тремъ главнымъ въ Ромове, приписывая ему свойства: 1) божества счастія въ сраженіяхъ (glück in streiten) и во всѣхъ прочихъ дѣлахъ (und auch in andern sachin); 2) божества земледѣльческихъ плодовъ (got des getreides).

Принявъ во вниманіе результаты нашего изслѣдованія о Ромове, именно:

a) что прославляемая тройца верховныхъ божествъ является пустою выдумкою Грунау[4]);

b) что описаніе вида Potrympus, составленное на основаніи имъ также выдуманной хоругви, есть не подлежащая сомнѣнію подделка[5]);

---

[1]) Монографія Der sogenannte Potrimpus zu Christburg etc. Ztschrft. d. historischen Vereins für den Reg-Bezirk Marienwerder, 1877 2. Heft. не имѣетъ никакого научнаго достоинства.

[2]) ŻML. II, 145.

[3]) De Veterum Prutenorum Diis, p. 22 прим. 38.

[4]) Ромове § 5.

[5]) Тамъ же и Nuncius cum baculo p. 22.

c) что приписываемое ему свойство божества войны не имѣетъ никакихъ основаній, такъ какъ о божествѣ войны у Литовцевъ ни одинъ серьезный источникъ не упоминаетъ, вслѣдствіе чего вообще можно сомнѣваться въ существованіи его[1]);

d) что аттрибутъ „glük in andern sachin“ также произвольная выдумка Грунау, такъ какъ общеизвѣстнымъ во всѣхъ литовскихъ земляхъ божествомъ счастья была Laima, Laimele, которую для снисканія благоденствія призывали во всѣхъ жизненныхъ нуждахъ[2])... А допустивъ, что существовало какое-нибудь божество счастія подъ другимъ названіемъ, то значеніе его, не исключая Natrimpe, въ сравненіи съ значеніемъ Laima было такъ незначительно, что оно никогда не могло быть причислено къ разряду верховныхъ божествъ[3]);

e) что если божество одной болѣе обширной сферы дѣйствій, могло быть многоименное, какъ напр. въ сферѣ земледѣлія, гдѣ отдѣльные роды занятія имѣли своихъ особыхъ представителей, то Potrympus въ качествѣ „got des getreides“ также не можетъ удержаться на первомъ планѣ въ сравненіи съ Žeminele, Žemina, Žempats, Laukosargas, Laukpats, Vaisgamtis (v. Vaisgautis?) въ Литвѣ и Жмуди, а Žemesmate, Lauka-mâte у Латышей, т.-е. въ сравненіи съ божествами, имѣющими всѣ свое точное и въ самомъ названіи находящееся значеніе земли, либо ея плодовъ. Между тѣмъ въ Potrympus и въ т. п. формахъ мы не находимъ ни малѣйшаго слѣда, обнаруживающаго какую-нибудь связь съ землей, или съ ея плодами, хотя бы въ самомъ его названіи.

Принявъ въ соображеніе все вышеуказанное, мы имѣемъ право утверждать, что Грунау нисколько не помогаетъ намъ въ разъясненіи нашего вопроса.

III. Agenda Ecclesiastica съ 1530 г., составленная по повелѣнію прусскаго герцога Альбрехта первыми протестантскими епископами, Georgius a Polentz и Erhard von Queis († въ сент. 1529), послѣ смерти котораго начатое дѣло продолжалъ преемникъ его Paulus Speratus, заключала въ предисловіи, подписанномъ Polentz'омъ и Speratʼомъ, имена десяти божествъ самбійскихъ, послѣ которыхъ слѣдовало ихъ объясненіе названіями римскихъ боговъ.

Приведемъ эти названія и рядомъ съ ними въ скобкахъ латинское ихъ значеніе: 1) Occopirmus (Saturnus); 2) Suaixtix (Sol); 3) Ausschauts (Aesculapius); 4) Autrympus (Neptunus); 5) Potrympus (Castor); 6) Bardoayts (Pollux); 7) Piluuytus (Ceres); 8) Parcuns (Jupiter); 9) Pecols (Pluto); 10) Pocols (Furiae).

Какимъ вѣроятнымъ путемъ попали эти имена въ предисловіе Агенды, я старался указать въ другомъ мѣстѣ[4]). Результатомъ оказалось, что вышеупомянутые епископы потребовали отъ подвѣдомственнаго своего духовенства донесеній о состояніи церкви во ввѣренныхъ имъ приходахъ. Занятые дѣлами нововеденнаго и безъ всякаго порядка существовавшаго ученія епископы приказали себѣ составить краткій рапортъ изъ

---

1) Ромове § 5. Статья Jods der Kriegsgott der Letten, напечатанная въ Inland, 1840, № 15, мнѣ неизвѣстна. Jods, Лит. Juodas, черный, чертъ, представлялъ собою духа злого, дѣйствующаго по воздуху; онъ вообще обнаруживаетъ вліяніе понятій христіанства. Предполагаю, что основаніемъ для упомянутой статьи послужилъ: Stender Lett. Gram. § 216 s. v.—См. еще Usener Lit u. Lett. Götternamen p. 107, s. v. Kuramate: Kriegsgöttin d. i. Karamâte, также не убѣдительно.

2) Ромове § 5.

3) Toeppen (Geschichte d. Heidenthums in Preussen, напечатан. въ N. P. P. Bl. 1846, I, 311) пришелъ къ подобному заключенію. Potrimpus, den Christian (собственно Грунау) zum gott der glücksgüter überhaupt macht, erscheint im XVI. Jahrhundert in sehr untergeordneter stellung, wenn nicht ganz ohne beziehung auf das glück. Einen gott des glückes brauchte die hierarchie (какая?), neben dem des schreckens; aber seine spätere einschrumpfung wäre kaum erklärlich. Во всякомъ случаѣ продолжала свое существованіе Lajma.

4) Прусскій жрецъ Sicco, въ трудахъ Московскаго Археологическаго Съѣзда 1890. — Co znaczy Sicco Przewodnik Naukowy i Literacki. Lwów, 1891, 3—6.

этихъ донесеній, въ которыхъ выдающееся мѣсто заняли интересныя свѣдѣнія изъ Самбіи[1]) о явно господствующемъ тамъ язычествѣ, состоящемъ главнымъ образомъ въ совершеніи различныхъ обрядовъ и въ жертвоприношеніи козла, при чемъ призывали боговъ, которые названы по имени. Изъ этой то части рапорта заимствовали епископы названія боговъ и помѣстили ихъ вмѣстѣ съ замѣткой о жертвоприношеніи козла въ предисловіи къ своей Агендѣ. Эта Агенда по всей вѣроятности не была напечатана[2]), и подлинникъ ея затерялся; но переписывали ее часто или съ подлинника, или съ его копіи. Въ XVII вѣкѣ списалъ копію съ подлинника Больцъ (Boltz), которая въ настоящее время находится въ Государственномъ Архивѣ въ Кенигсбергѣ подъ сигнатурою Boltzsche Sammlung № 17 in 4. Этою именно копіей я и пользуюсь.

IV. Съ этой Агенды переписалъ буквально названія божествъ и замѣтку о жертвоприношеніи козла Coelestinus Mislenta, проф. богословія и юдейскаго языка въ Кенигсбергѣ (1619—1653), и напечаталъ эту выдержку въ своемъ обширномъ сочиненіи Manuale Prutenicum etc. Kgsbg. 1626, pag. A².

V. Ioh. Behm, проф. богословія (1609—1648), въ своемъ трудѣ De Statu Borussiae Ecclesiastico et Civili, Kgsbg. 1644 in 4, перепечатанномъ въ Acta Borussica etc., Bd. III, p. 155—217, приводитъ названія божествъ съ ихъ латинскими переименованіями въ томъ же порядкѣ, въ какомъ ихъ читаемъ въ Агендѣ. Авторъ ссылается на предисловіе къ Агендѣ, которую называетъ Constitutiones Synodales, и добавляетъ, что эти Constitutiones были напечатаны въ Кенигсбергѣ 1530 г. (См. однакожъ мнѣніе Чакерта.

VI. Christophorus Hartknoch, относящійся всегда добросовѣстно къ дѣлу, прямо говоритъ, что приведенный имъ рядъ самбійскихъ божествъ выписалъ изъ копіи Агенды[3]). Латинскихъ названій онъ однакожъ не сообщаетъ.

Между тѣмъ послѣ составленія рапорта изъ донесеній духовенства, изъ котораго вышеупомянутые епископы позаимствовали названія божествъ, и послѣ составленія предисловія къ Агендѣ 1530 г., послѣдовала новая и болѣе обширная редакція этихъ донесеній, пополненныхъ новыми, полученными изъ Самбіи. Это доказывается:

α) увеличеніемъ числа 10 божествъ, извѣстныхъ изъ прежнихъ донесеній, четырьмя новыми названіями, какими являются слѣдующія: Pergubrius (var. Pergrubius, Pergrubrius); Putscaetus (var. Puschkayts); Barstuccae; Markopele (var. Markopetae);

β) замѣной собственныхъ именъ римскихъ божествъ на обозначеніе сферы ихъ дѣятельности; напр. вмѣсто Neptunus, „deus maris"; вм. Jupiter, „deus tonitruum";

γ) измѣненіемъ порядка при перечисленіи божествъ.

На основаніи этой новой редакціи написалъ сочиненіе:

VII. Янъ Малецкій: Libellus de sacrificiis et idolatria veterum Borussorum etc. ad Georgium Sabinum, Kgsbg. 1551. Здѣсь находимъ интересующія насъ божества въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Occopirnus (sic), deus coeli et terrae; 2) Antrimpus (sic), d. maris; 3) Gardoaetes[4]), d. nautarum, qualis olim apud Romanos fuit Portumnus (sic.); 4) Potrympus, d. fluviorum ac fontium[5]). Божество Suaixtix, занимающее въ Агендѣ

[1]) Est adhuc in Bruthenis nostris sambiensibus Sudorum quidam manipulus.. hirco.. faciens ac prisci erroris nomina (sic) tremens. Praef. Ag.

[2]) Такъ утверждаетъ Tschackert Urkundenbuch zur Reformationsgeschichte des Herzogthums Preussen Leipzg. 1893 подъ 1526 годомъ; но окончательно этотъ вопросъ не рѣшенъ.

[3]) Manuscriptum exemplar, quod mihi se obtulit. Hartk. Diss. VII, 125/6.

[4]) Var. Bardoaetes; въ Агендѣ же Bardoayts.

[5]) Передъ самымъ описаніемъ свадебныхъ обрядовъ Янъ еще разъ упоминаетъ о Potrimpus, но уже какъ о божествѣ ворожбы: Ad haec eaedem gentes habent inter sortilegos, qui lingua Rnthenica (!) «Burty vocantur, qui Potrimpum invocantes ceram in aquam fundunt, atque ex signis sive imaginibus inter fundendum figuratis,

второе мѣсто, сейчасъ послѣ Occopirnus, совсѣмъ пропущено. Вообще тутъ приведены имена тринадцати божествъ.

VIII. На основаніи этой же новой редакціи, не одинаково однако съ Libellus Яна Малецкаго, съ прибавленіемъ новыхъ свѣдѣній составилъ сынъ Яна, Гіеронимъ Малецкій, книжку, которую для краткости назовемъ „Судавскою", подъ заглавіемъ Warhafftige Beschreibung der Sudawen auff Samlandt sambt jren Bockheyligen und Ceremonien, и которая въ скоромъ времени вышла въ двухъ отдѣльныхъ изданіяхъ[1]) безъ означенія мѣста печати и года. Одно изъ нихъ вѣроятно вышло 1560 г., или немного раньше[2]); второе же до 1564 г.[3]). Гіеронимъ прибавилъ къ 13-ти божествамъ, поименованнымъ Яномъ Малецкимъ, божество Schwaytestiks. Изъ этого перечня 14-ти божествъ приведемъ поочередно первыя шесть, имена которыхъ для нашего предмета нужны: 1) Ockopirmus, d. gott des himels und der erde; 2) Schwaytestiks, d. g. des lichtes; 3) Auschlauis (sic), d. g. der gebrechen, der kranken und gesuuden (!). 4); Antrimpus, d. g. des mehrs und der see; 5) Protrympus (sic), d. g. der fliessenden wasser; Gardoayts (sic), der schiff-gott.

Изъ предыдущаго обзора источниковъ оказывается результатомъ, что только слѣдующія сообщенія слѣдуетъ считать источниками:

1) Collatio Episcopi Varmiensis съ 1418 г.

2) Подлинныя донесенія Самбійскаго духовенства (утраченныя?)[4]), изъ которыхъ были составлены двѣ редакціи. Изъ первой извѣстія перешли въ Агенду съ 1530 г., сохраненную намъ Больцомъ въ копіи. Изъ подлинной Агенды, или ея копіи выписали названія божествъ: Mislenta (№ 4); Behm (№ 5) и Hartknoch (№ 6). Вторая же редакція послужила источникомъ Яну и Іерониму Малецкимъ (№ 7 и № 8).

Между Collatio и Агендой, равно какъ между Агендой и Грунау, мы не замѣчаемъ никакой литературной связи; напротивъ Грунау заимствовалъ изъ Collatio названіе божествъ: Natrimpe, измѣнивъ его на Potrympo и т. п., названіе же Patollus заимствовалъ безъ измѣненія.

Что касается Агенды и ея источниковъ, т.-е. донесеній духовенства, мы сначала были убѣждены въ ихъ достовѣрности. Между тѣмъ при тщательномъ обсужденіи —

---

pronuntiant, ac vaticinantur, de quibuscunque rebus interrogati fuerint. Опять иная функція этого божества. Такимъ образомъ мать узнаетъ отъ гадателя, что сынъ ея утонулъ во время путешествія въ Данію.

[1]) О двухъ изданіяхъ s. a. et l. свидѣтельствуетъ вводная замѣтка, сдѣланная при перепечатаніи Судавской книжки въ Erleutertes Preussen Bd. V, p. 701—702.

[2]) Тамъ же сообщено, что Судавская книжка перепечатана по экземпляру, переплетенному 1560 г.

[3]) Въ этомъ 1564 г. Судавская книжка была вновь перепечатана какъ приложеніе къ компиляціи, написанной Вольфгангомъ Дитмаромъ (Wolffgang Dietmar) подъ заглавіемъ Auszugk der Ankunfft, Regierung und Lebens aller Hochmeister etc. — Въ предисловіи съ подписей Эльбингъ 27 апрѣля 1564 г., авторъ сообщаетъ, что уже многіе писали о вѣрованіяхъ, праздненствахъ и обрядахъ Судавцевъ. Насколько намъ извѣстно, до 1564 г. писали объ этомъ предметѣ только Янъ и Гіеронимъ Малецкіе, поэтому и полагаемъ, что Дитмаръ ихъ имѣетъ въ виду: «(darum) hab ich vor gut geachtet... kürtzlichen anzuzeigen, was jhr glaub gewesen sey, und wie sie es so wunderlich mit jhrem Gottesdienst getrieben haben, und etzliche noch itziger zeit bey denn Sudawen und andere mehr jhre alte Ceremonien halten, aber heimlich. Und ist zwar solchs bisher von vielen gelerten Historicis (?) mit sondern fleis vormercket und beschrieben worden, dass nuh mehr unseren nachkommen hievon wissenschaft zu haben fastgenug geschehen».

[4]) Несмотря на мои старанія въ Государственномъ Архивѣ въ Кёнигсбергѣ, я не могъ отыскать подлинныхъ донесеній и составленныхъ о нихъ рапортовъ, по причинѣ ремонта архивныхъ залъ, вслѣдствіе чего документы были снесены въ одну залу. — Благодаря любезности проф. Lohmeyer, а главнымъ образомъ директора Архива Іоахима, интересующихся нашими занятіями, сдѣланы были розыски въ Государственномъ Архивѣ, и найденъ былъ отрывокъ изъ одного донесенія, вѣроятно самбійскаго духовнаго. Изъ копіи отрывка, присланной мнѣ г. директоромъ, я убѣдился въ томъ, что этотъ отрывокъ прямо не относится къ нашему предмету, а заключаетъ въ себѣ конецъ разсказа о жертвоприношеніяхъ.

явились нѣкотораго рода сомнѣвія, усиливающіяся постепенно, и доходящія въ нѣкоторыхъ случаяхъ до опроверженія достовѣрвости. Не желая упрекать духовныхъ лицъ въ преднамѣренной фальши, не можемъ ихъ освободить отъ упрека, что они весьма поверхностно занимались своей задачей, и что они надлежащимъ образомъ не справлялись у народа.

Вообще значеніе всѣхъ божествъ, за исключеніемъ одвого Parcuns, производитъ ва насъ впечатлѣніе, будто бы оно было написано наугадъ, наудачу.

Итакъ прежде всего замѣчается въ Агендѣ очевидная ошибка въ латинскихъ переименовавіяхъ самбійскихъ божествъ, Autrympus, Potrympus, Bardoayts, которые названы по очереди: Neptunus, Castor, Pollux. Эта ошибка оказывается на основаніи слѣдующихъ соображеній. Какъ латинскія божества Castor и Pollux близки другъ къ другу по значенію, точно такъ самбійскія, Autrympus и Potrympus, не подлежатъ раздѣленію другъ отъ друга, потому что они близки не только по корню слова, но даже по словообразованію, и по значенію. Вслѣдствіе этого само собою приходитъ на мысль, переставить Neptunus послѣ Castor и Pollux, и возстановить текстъ въ Агевдѣ слѣдующимъ образомъ: Autrympus, Potrympus, Bardoayts — Castor, Pollux, Neptunus[1]). По всей вѣроятности указавная ошибка произошла уже въ рапортѣ изъ донесеній.

Такая по моему мнѣнію очевидная ошибка вызываетъ вопросъ, вѣрвы ли вообще пріуроченныя къ самбійскимъ божествамъ латинскія названія, и насколько согласуются одви съ другими относительно значенія.

При рѣшеніи этого вопроса мы сообразовались съ основнымъ правиломъ происхожденія именъ литовскихъ божествъ, состоящимъ въ томъ, что эти божества получаютъ свое имя отъ того рода дѣятельвости, или отъ того предмета, которыхъ они считаются опекунами, попечителями, и на которые указываетъ грамматически корень слова. Итакъ, нпр. въ божествѣ земли Żeminele, въ Lauksargas, Laukpatis указываютъ żema, земля, łaukas поле, лугъ на сферу ихъ дѣятельности; упомянутый въ Агендѣ Parcuns, Jupiter,— является божествомъ грома; на это указываетъ также лит. корень слова „par“, „per“ ударять, бить.— Затѣмъ слѣдуетъ еще обратить вниманіе не существуетъ ли, помимо отмѣченныхъ въ Агендѣ названій божествъ, болѣе извѣствыхъ и распространенныхъ по всей Литвѣ?

На первомъ мѣстѣ въ Агендѣ значится Occopirmus, Saturnus; корень этого слова намъ не ясный; латинское его значеніе по всей вѣроятности произошло отъ ученой догадки, комбинаціи; такъ какъ лит. pirmus = лат. primus, а Saturnus считался въ римской миѳологіи первымъ божествомъ, слѣдовательно для Occo-pirmus опредѣлено значеніе Saturnus; при чемъ первая часть Occo оставлена безъ всякаго вниманія.—У Яна Малецкаго Occopirnus (sic) имѣетъ значеніе „deus coeli et terrae“, равно какъ у Гіеронима „d. gott des himels und der erde“. Если мы допустимъ сомнительное существованіе этого божества, и затѣмъ сомнительное его значеніе божества неба, то оно во всякомъ случаѣ никакимъ образомъ не можетъ быть богомъ земли, такъ какъ вообще извѣстнымъ богомъ земли была Żeminele, Żemes-mâte. — Вь иныхъ источникахъ Occopirmus нигдѣ не встрѣчается.

Suaixtix по Агендѣ „Sol“; по Гіерониму Schwaytestiks „got des lichtes“; у Яна этого божества нѣтъ. Въ прусскомъ языкѣ имѣется accus. swaigstan отъ nom. * swaigsta блескъ, свѣтъ, въ лит. żvaigżde звѣзда, поэтому * Zvaigzdiks можетъ значить богъ звѣздъ, но не солнца, потому что и въ прусск. и лит. языкѣ солнце всегда называется saul e, saulele, а въ пѣсняхъ миѳологическаго содержанія оно является матерью, несомнѣнно

---

[1]) Aber Potrimpus (ist) nicht Neptun (das ist Autrimpus), sondern C astor, пишетъ Lohmeyer Gesch. v. Ost u. Westpreussen. Gotha 1880, p. 30.

звѣздъ, такъ какъ звѣзды, когда ихъ вечеромъ оставляетъ мать солнце, называются ея сиротами.

Ausschauts, въ Агендѣ Aesculapius, вообще не божество, какъ будетъ показано въ концѣ нашего изслѣдованія.

Bardoayts, означающій по нашему возстановленію текста Агенды Neptunus, а не Pollux, все-таки останется для насъ загадочнымъ божествомъ по своему значенію. Янъ Малецкій называетъ его Gardoaetes; эта ошибочная форма произошла отъ того, что вмѣсто *B* поставлено *G;* слогъ же *ay* (ai) латинизованъ въ *ae*. Относительно значенія Янъ Малецкій руководился источниками Агенды, называя его „deus nautarum, qualis olim apud Romanos fuit Portumnus (собств. Portunus), а такимъ божествомъ былъ именно Pollux. Гіеронимъ пишетъ Gardoayts, въ которой формѣ опять является ошибка *G* вмѣсто *B*.— Значеніе же его: „Schiff-Gott“, каковымъ былъ также Pollux[1]). Тотъ же Гіеронимъ въ другомъ мѣстѣ называетъ его божествомъ вѣтровъ, успокаивающимъ вѣтры, а главнымъ образомъ ниспосылающимъ въ своемъ гнѣвѣ страшныя бури; тамъ же онъ именуетъ его также богомъ рыбаковъ[2]).

Всѣ означенные аттрибуты, если считать ихъ вѣрными, сосредоточиваются въ одномъ главномъ аттрибутѣ божества вѣтровъ, столь важнаго для приморскихъ странъ, каковою является самбійская земля, жители которой занимались главнымъ образомъ мореплаваніемъ и рыболовствомъ.

Корень, отъ котораго образовалось Bardoayts, неясный. Основываясь на значеніи „baras“ гнѣвъ — я предполагалъ бы форму Bar-devaitis, божества гнѣва, требующую однакожъ подтвержденія.

Piluuytus, Ceres (Agend.); Pilvitus, deus divitiarum, quem Latini Plutum vocant (J. Mal.); Pilvitus, der Gott machet Reich und füllet die Scheunen (Hier. M.). — Корень этихъ словъ „pil“ наполнять; pil-nas, полный; pilninti, наполнять, отглагольное * Pilninitis, наполнающій, нпр. овны. Это значеніе было бы подходящимъ къ данному значенію Ceres. — Pilvitus же, по моему мнѣнію, образовано отъ pilvas животъ. Родъ знахарей называется Pilvitten „Bauchredner“ (см. ZML, II, 128/9), такъ что и въ данномъ случаѣ рождается сомнѣніе относительно существованія божества въ формѣ Pilvitus.

Pecols, Pluto (Ag.); у J. M. Pocclus; у H. M. Pocklus; затѣмъ Pocols Furiae (Ag.); у J. M. Poccolus; у H. M. Pockollus; эти формы слишкомъ похожи другъ на друга, чтобы ими можно было обозначить два различныя божества. Въ основаніи ихъ лежитъ польское piekło, адъ, какъ еще видно въ прусской формѣ pekollin (Cat. I), перешедшей уже въ Cat. II въ pykullien, адъ. Равновременно (ок. 1545 г.) существовало слово pikuls, чертъ (отъ лит. корня pik злой, piktas злой, pikuls злой духъ), съ которымъ вытѣсненное впослѣдствіи Pecols ассимилировалось. Другіе принимаютъ ошибку Pecols вмѣсто болѣе извѣстнаго Pikuls.

Pecols по Агендѣ значитъ Pluto; Pocklus у Яна М. deus inferni, а у Гіер. М. got der hellen etc. Но эти слова никакимъ образомъ указаннаго значенія имѣть не могутъ, такъ какъ понятія „адъ“ литовское язычество не знало, а тамъ, гдѣ ада не было, божества ада быть не могло. Это понятіе появилось въ Литвѣ только подъ вліяніемъ христіанства. Впрочемъ хорошо намъ извѣстно, что по представленіямъ Литовцевъ образъ жизни души послѣ оставленія тѣла нисколько не отличался отъ образа жизни на землѣ. Если же существовало какое-нибудь представленіе о наказаніи злого

---

[1]) Это доказываетъ, что мною указанная ошибка т.-е. Pollux вм. Neptunus находилась уже въ рапортѣ, составленномъ изъ донесеній.

[2]) Выдержки изъ Гіер. М. напечатаны мною въ трудахъ Московскаго Археологическаго Съѣзда въ статьѣ: Прусскій жрецъ Sicco.

человѣка послѣ смерти, состоящее въ томъ, что душа переходила въ какое-нибудь животное, то это не считалось дѣломъ какого-то божества, но послѣдовало само собою и основывалось на ассимилизаціи дурныхъ качествъ человѣка съ соотвѣтствующими качествами животнаго, напр. волка и т. п. А если читаемъ въ преданіяхъ, что душа въ этомъ животномъ проживаетъ триста лѣтъ, то никто не будетъ столь наивнымъ приписывать этому опредѣленному числу какую-нибудь особую важность. Но во всякомъ случаѣ проявляется въ этомъ преданіи вѣрованіе въ переходъ души въ животное, а затѣмъ и вѣрованіе въ святость числа три.

Pocols не можетъ имѣть значенія римскихъ карательныхъ божествъ, Furiae, какъ объясняетъ Агенда. Литовскія божества умѣли сами отъ себя отомстить за нанесенныя имъ обиды, или сами отъ себя, произвольно, причиняли вредъ людямъ. Что же касается объясненій Яна М. Poccolus, d. aëriorum spirituum, и Гіер. М. die fliegenden geister oder teuffel, то въ нихъ кроется извѣстная часть истины, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ во всей литовской землѣ существовали летучіе демоны различнаго рода, о которыхъ уже Адамъ Бременскій[1]) сообщаетъ, что ихъ именно въ Самбіи огромное количество, называя ихъ „dracontes". Къ такимъ летучимъ демонамъ принадлежали Aitivars, Ragana, Pukis; иного рода Kaukai, Parstukai (Puszaitis; Bezdukai?), которые всѣ называются у Ласицкаго „Spectra et visa". Литовскимъ словомъ Deives обозначались не только этого же рода демоны, но также почитаемые камни. Какъ ихъ звали въ Пруссіи, именно въ Самбіи, намъ неизвѣстно.

Въ виду указанныхъ нами вообще недостовѣрныхъ свѣдѣній, находящихся въ Агендѣ, мы имѣемъ полное право также сомнѣваться въ истинѣ сообщенныхъ данныхъ о Potrympus и Antrympus, или Autrympus. Изъ всѣхъ божествъ, упомянутыхъ Агендой, одинъ Parcuns, существовалъ дѣйствительно въ вѣрованіяхъ; изъ остальныхъ же меньшая часть подлежитъ весьма серьезному сомнѣнію, бóльшая же часть вовсе не заслуживаетъ довѣрія. Поэтому Агенда не можетъ служить надежнымъ источникомъ для прусско-литовской миѳологіи. Мы занимались разборомъ ея обстоятельнѣе потому, что мы до сихъ поръ нигдѣ не встрѣтились съ настоящей оцѣнкой ея.

IX. Пока не будетъ доказано, что деревня Potrimpen (иначе Narus-Potrimpen, а раньше Norkaiten, Narus Tallut), Шилокарчемскаго уѣзда (нѣмецк. Heydekrug)[2]), а также что и деревня Potrempchen (иначе Potremschen, Potrimpchen), Инстербургскаго уѣзда)[3]), имѣли такія названія во время язычества, до сихъ поръ мы не можемъ воспользоваться ими для разбора нашего вопроса, такъ какъ онѣ могли быть даны сказаннымъ деревнямъ впослѣдствіи, послѣ распространенія имени Potrympus писателями.

Недалеко отъ г. Darkehmen (въ Восточной Пруссіи) находится холмъ Potrimposberg; по поводу его въ честь Potrimpos (sic) написалъ пасторъ Іонасъ стихи, неимѣющіе научнаго значенія[4]). Въ деревнѣ Trömpau въ Самбіи на вывѣскѣ корчмы нарисовано чудовище съ надписью Zum Po-Trömpos[5]). Все это представляетъ безполезный матеріалъ[6]).

---

[1]) ed. Lappenberg (Pertz т. VII, p. 373); см. Sc. R. Liv, I, 322, № 17.

[2]) Słownik Geograficzny s. v. Norkaiten.

[3]) Тамъ же s. v. Potrempchen.

[4]) N. P. P. Bl. 1846. II, 185/6.

[5]) Тамъ же 314.

[6]) Die frage, wie weit Potrimpus der litauischen mythologie angehöre, verdient nähere erwägung. Jn den Dainos komt er nicht vor, und litauische geistlichen versichern auch, dass er dem gemeinen volke in der that unbekannt ist. Neulich ist von Jonas eine sage über den Potrimposberg bei Darkehmen mitgetheilt, aber alter und echtheit derselben darf... bezweifelt werden. Es scheint nicht unmöglich, dass ein liebhaber litauischen volkstums wie den berg, so auch die sage geschaffen habe. Auch die natur und bedeutung des Potrimpus für die alten Preussen ist noch sehr räthselhaft. Тамъ же. Toeppen p. 472.

Такимъ образомъ, принявъ во вниманіе сдѣланные нами изъ всѣхъ приведенныхъ источниковъ и сообщеній выводы, мы относительно Potrympus и Natrimpe (№ I) пришли къ весьма скуднымъ и можно сказать къ ничтожнымъ результатамъ, именно:

1) что въ Варміи существовало какое-то божество Natrimpe, значеніе котораго намъ неизвѣстно;

2) что въ Самбіи существовали будто бы божества Autrympus v. Autrympus и Potrympus, названія которыхъ, равно какъ и значеніе ихъ въ смыслѣ Castor и Neptunus весьма сомвительны.

На основаніи такого рода матеріала невозможно составить себѣ какое-нибудь положительное мнѣніе объ этихъ божествахъ. Поэтому мы и вынуждены собрать себѣ матеріалъ иного рода, можетъ быть, болѣе благопріятствующаго нашей задачѣ.

Названія Natrimpe, Autrympus v. Autrympus, Patrympus v. Potrympus разнятся между собою только первымъ слогомъ, который въ живомъ языкѣ существуетъ отдѣльно, въ качествѣ предлоговъ Na, Po, Pa, Ant, либо въ качествѣ префикса Au; всѣмъ же обща часть trimpe, или trimpus съ латинскимъ, или trimpos будто бы съ литовскимъ окончаніями.

Слово Trimpus въ самомъ дѣлѣ читается отдѣльво у Стендера, и Brivzemniaksa; Trimpa же у Довконта.

X. Стендеръ въ упомянутомъ нами алфавитномъ указателѣ латышскихъ божествъ, пріуроченномъ къ его латышкой грамматикѣ, сообщивъ по Гіерониму Малецкому свѣдѣнія объ Antrympus и Potrympus, отводитъ особую замѣтку для Trimpus (см. s. v. Trimpus), о которомъ и упоминаетъ первый, и объясняетъ его слѣдующимъ образомъ: Trimpus der heidnischen Letten Bacchus oder saufgott, dem sie ihr halbes feld zu saufgelägen widmeten und solches ihm zu ehren und sich selbst zum besten freudig verzehrten. Diesem Trimpus waren zwei andere beygeordnet. Antrimpus, der gott des meeres, und Potrimpus, der gott der flüsse und der quellen, dass sie als getreue saufkameraden des Trimpus zu dem seegen des halben feldes auch ihren segenreichen antheil aus meer und flüssen dazu geben sollten.

Подтвержденіе обычая, что извѣстная часть поля (вѣроятно общими силами) обрабатывалась, и что жатва обращалась на издержки для приготовленія и совершенія общихъ празднествъ, мы находимъ у Гіеронима Малецкаго: Das bier wirdt gemeiniglich gekaufft von einem stück acker; was das stück einbringt, dar wirdt verkaufft und das bier damit bezahlet[1]). Описаніе Стендера касается осеннихъ праздниковъ; выраженіе „halbes feld" произошло отъ ошибочнаго объясненія слова Trimpus, какъ будто бы сложнаго изъ „tihrum" поле и „pus" половина. Такъ какъ число три считалось священнымъ и господствовало во всѣхъ обрядахъ, мы ожидали-бы здѣсь не „половины поля", а третью его часть. Всѣ другія объясненія считаемъ произвольною комбинаціею самаго Стендера; одно однакожъ обстоятельство заслуживаетъ вниманія, именно то, что онъ Trimpus называетъ saufgott и соедивяетъ его съ пиршествами, saufgelage, составляющими существенную часть всѣхъ праздниковъ, такъ что теперь уже рождается предположеніе, что Trimpus можетъ быть названіе какого-то празднества, или какого-то обряда, совершаемаго во время празднества, а это названіе впослѣдствіи могло пройти въ собственное имя личности.

XI. Jokybs Laukys (Довконтъ) описалъ „Бытъ древнихъ Литовцевъ" подъ заглавіемъ: Budą Senowęs Letuviû Kalnieniû ir Zamaitiû. Petropilie 1845. Этотъ выдающійся и неутомимый труженикъ на поприщѣ Литовщины, самъ по происхожденію Литовецъ, проводилъ почти всю свою жизнь въ Литвѣ, и уже съ самаго дѣтскаго возраста слушалъ

---

1) Судавская книжка.

народныя преданія и пѣсни, и былъ свидѣтелемъ обычаевъ и суевѣрій и различныхъ обрядовъ, имѣющихъ свое начало въ языческихъ вѣрованіяхъ. Получивъ высшее образованіе, и преданный народному дѣлу, онъ сталъ изучать латинскія, польскія и нѣмецкія хроники и сочиненія, касающіяся его любимаго предмета. Зная при этомъ родной языкъ со всѣми его тонкостями, и пиша на немъ, какъ рѣдко кто до него писалъ, онъ старался между прочими изложить религіозный, общественный и домашній бытъ своего народа. Такимъ образомъ онъ не только по этимъ предметамъ можетъ считаться источпикомъ, но также и по языку для лингвистовъ. Но къ сожалѣнію въ описаніи религіознаго быта, а именно въ миѳологической части онъ слишкомъ держался прусскихъ писателей (а именно Луки Давида), пользовавшихся всѣ безъ исключенія Симономъ Грунау, и Судавской книжкой Гіеронима Малецкаго, не примѣняя къ нимъ ни малѣйшей методической критики. Въ остальныхъ многочисленныхъ сообщеніяхъ его, непосредственно касающихся живого быта Литовцевъ, я не отказалъ бы ему въ достовѣрности.

Главныя мѣста, относящіяся къ нашему предмету, приводимъ здѣсь въ подлинникѣ:

1. Описавъ идолъ Перкуна, поставленный въ отверстіи предполагаемаго дуба въ Ромове, переходитъ къ описанію второго идола: Ąntrasis stabas ąmtramiji ouksi buwes graksztos jaunikajtis, gałwa jo warpû wajniko apkliesta, wejdo linksmo, wadinusis Trimpo arba Drimbo, kajp patarlie szenden dar yra sakoma „Ek sau po Trimpû; arba Jôri beje: pawasario Dijwo, łajmos dawiejo, ikurejo pakajaus, brąndos ir gausumo, globiejo gywoliû, oręs ir jawû, kajp Perunas (sic) buwęs szilimos Dijwo, tajp szis wajsiaus“ (p. 94). „Второй идолъ во второмъ отверстіи изображалъ юношу молодцоватаго вида; голову его украшалъ вѣнокъ, сплетенный изъ колосьевъ; взглядъ его веселъ, а имя его было Trimpa, или Drimba, какъ еще до сихъ поръ говорится въ пословицѣ „Ступай себѣ po Trimpû“; или (назывался) Юрій, т.-е. божество весны, даятель благоденствія, творецъ міра, урожая (собств. наливанія зерна) и изобилія, покровитель животныхъ, птицъ и хлѣба; какъ Perunas (sic) былъ божествомъ тепла[1]), такъ онъ былъ божествомъ плодовъ.

Этотъ отрывокъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей трехъ различныхъ авторовъ:

α) Сообщеніе отъ antrasis до linksmo заимствовано у Луки Давида, источникомъ котораго былъ Грунау.

β) Отъ Jori до wajsius — это дальнѣйшее развитіе сообщенія Грунау: gott des getreides, что отчасти уже сдѣлано Л. Давидомъ[2]). Все же остальное касается торжества весны, праздновавшагося 23 апрѣля въ день Szwents Giergis (Praet. 57), св. Юрія, Юрьевъ день (Вольтеръ, Матеріалы etc. стр. 4 и др.), когда въ первый разъ выгоняли скотъ на луга (ср. польское Na 'S. Wojciech, kobyli pociech). Такъ какъ Довконтъ тутъ ссылается на Neueste Nordische Beyträge Peterb. и Leipz. 1793. I p. 227[3]), предполагаемъ, что онъ отсюда заимствовалъ эти свои свѣдѣнія. Слѣдовательно по Довконту Trimpa, Drimba, божество благоденствія и весны.

γ) Средняя часть отъ wadinusis до Ek sau po Trimpû принадлежитъ къ сообщеніямъ самого Довконта, заимствованнымъ изъ жизни народа. Главное затрудненіе представляется въ объясненіи „po Trimpû“. Предлогъ p'o c. gen. говоря о времени, имѣетъ значеніе „послѣ“, нпр. po metû послѣ, по истеченіи года, черезъ годъ; о мѣстѣ: послѣ, за, нпр. po kits kitos, одна послѣ другой, одна за другой (Schleich. Gr. 1. 202). А такъ

1) Онъ былъ также богъ морозовъ Alnpeke стихъ 1434—7; Прилож. VII, годъ 1219 и ZML. I, 116.

2) «Potrimpo war der ander abgott der Preussen, wardt gehalten für einen gott von deme alles glück keme in streitten, regiruug, haushaltung auffm ackerland und andern mehr» L. Dav. ed. Hennig, Kngsbrg 1812. Bd. I, p. 34.

3) Ссылка ошибочна, по справкѣ, сдѣланной мною въ Берлинѣ; для пасъ важно, что Довконтъ ссылается па нечатанное сочиненіе, а не на традицію.

какъ Trimpa по Довконту божество благоденствія, то Ek sau po Trimpû имѣло бы значеніе „Иди, ступай себѣ за божествами счастья“, къ бож. счастья.— Gen. plur. заставляетъ насъ принять извѣстное количество божествъ этого рода. Въ живомъ языкѣ еще до сихъ поръ говорится Ek sau po velniû, собственно: иди себѣ за чертями, убирайся къ чертямъ. Довконтъ[1]) приводитъ еще фразу Ek sau po Giltiniû, ступай себѣ къ Гильтинамъ, къ демонамъ смерти, на погибель[2]). — Въ концѣ нашего изслѣдованія мы вернемся къ этому предмету.

2. „Kamieni to ouzolo buwi trys ouksaj, koriusi stowiejusis istatyti trys Dijwaj wirsziaus minawoti. Peruuas (sic) widorie, Trimpa kajrioie o Pykulys desziniоie szalie Peruno“ (p. 103). На верхнемъ концѣ этого дуба были три отверстія, въ которыхъ поставлены были три вышеупомянутыя божества въ стоячемъ положеніи, Perunas (sic) посрединѣ, Trimpa налѣво, а Pykulis направо возлѣ Peruna.

Это описаніе противорѣчитъ основнымъ вѣрованіямъ Литовцевъ. Литовецъ же по происхожденію, какимъ былъ Довконтъ, долженъ былъ необходимо написать, что Trimpa, какъ божество благоденствія, стоялъ по правую руку возлѣ Perkuna, такъ какъ эта сторона считалась благопріятной; лѣвая же считалась всегда несчастной (Z. M. L. I. 109. 19). Названіе Patollus Довконтъ произвольно замѣняетъ болѣе извѣстнымъ Pikulis. Впрочемъ споръ относительно того, какое мѣсто занимали божества, считаемъ совершенно безполезнымъ въ виду несуществованія этой тройцы вообще, а истукановъ въ частности. Срав. еще Hartk. Diss. III. 3, p. 128.

3. „Letuwej turieiusis ji oz szwęntą i karę traukdamis sotikij kelie zalti tarusis, iog jis essos Trimpos Dijwas, arba kajp praszalejtej waden po Trimpos Dijws“ (p. 94—5). Литовцы считали его (змѣя) святымъ и встрѣтивъ змѣя по пути во время отправленія на войну, говорили, что онъ будто бы божество Trimpa, или какъ посторонніе его звали „po Trimpos Dijws“.

Грунау, а затѣмъ его послѣдователи, придаютъ Potrympus аттрибутъ glück in streiten — а символомъ его считаютъ змѣя. По Довконту казалось бы, что только воины, отправляющіеся противъ непріятелей, считали встрѣчу со змѣемъ благопріятнымъ предзнаменованіемъ. Между тѣмъ неожиданное появленіе змѣя не только военному, но и каждому, предвѣщало благопріятный исходъ въ предпринятомъ дѣлѣ. Очевидно Довконтъ это писалъ подъ вліяніемъ словъ „glück in streiten“.

4. „Pirmoje szwente buo pawasario Trimpos arba Jores szwente wadinama“. Первый праздникъ былъ весною и назывался „праздникомъ Trimpa или Юрія“.

Изъ вышеприведенныхъ отрывковъ слѣдуетъ:

α) Довконтъ рѣшительно отвергаетъ форму Potrimpus очевидно потому, что она не существовала въ Литвѣ.

β) Вмѣсто ея приводитъ Trimpa (№ 2) мужескаго рода, какъ показываетъ „Dijws“, а не Dijwa, Dėwe; склоненіе же ея въ женскомъ родѣ: Trimpos gen. sing. (№ 3 и 4).

γ) Самъ колеблется какъ его звать, Trimpa или Drimba (№ 1), вѣроятно потому, что и форма Trimpa не была ему положительно извѣстна.

δ) Желая разъяснить, откуда произошла загадочная форма Potrympus, вмѣняетъ это въ вину чужестранцамъ (не знающимъ по-литовски), которые вмѣсто Trimpos будто бы говорили „po Trimpos Dijws“ (№ 3). — Только бѣда, что этого нельзя понять, и вѣроятно самъ Довконтъ не понималъ.

---

1) Buda p. 95, 97.

2) Въ словахъ Довконта Ek sau po Giltiniu, arba giltiniu kałpa послѣднія слова не ясны. Kurschat s. v. kałpa объясняетъ, что это бревно, соединяющее впереди полозья саней; но и конструкція для меня не понятна. Г-нъ Станиславъ Рауба сообщилъ мнѣ, что kałpa означаетъ «добыча» и что во фразѣ пропущено: «buk» пусть будетъ; такимъ образомъ слѣдовало бы читать «arba buk Giltiniu kałpa», пусть будешь добычей Гильтинъ.

ε) Звaченiе Trimpa опредѣлено Довконтомъ по значенiю Potrympus у Луки Давида (= Грунау), съ присоединенiемъ значенiя весеннихъ праздниковъ.

ζ) Новымъ является у Довконта фраза Ek sau po Trimpû, значенiя которой не сообщаетъ.

Итакъ мы убѣждаемся, что Довконтъ нисколько не способствуетъ разъясненiю даннаго вопроса. Въ крайнемъ только случаѣ можно принять, что существовало какое-то слово, похожее на Trimpa, Trimpe[1]).

XII. Brivžemniaks-Treuland помѣстилъ въ Извѣстiяхъ Императ. Общества Люб. Естеств. и Этнографiи. Т. XL. п. загл. „Матерiалы по Этнографiи Латышскаго племени“. Москва 1881, стр. 173, № 526, заклятiе, доставленное ему г. Сиверсомъ, землевладѣльцемъ изъ волости Вальтайкенъ Газенпотскаго уѣзда, Курляндской губернiи: Vaj tevi skaudu, vaj nabagûju kû nû tevim, kad tu manus laùkus (lûpus, dárzus un c.) apèrmûji: Es isáku savus dàrbus ar Laimas màtes paligu un nûbeidziu Divu divu minédams. Kápéc tu sútiji Judu man virsú! Nûládéts tamdèl tu esi! Laj Trimpus nû tavim laùkim, lûpim, plavám, dàrzim un ganiklám nûgrižás, un łaj Pérkûna rúsu mákûnas (v. nû muklu purvim rúsa) par tavim laùkim, dárzim, plavám, ganiklám lidinás! Laj visu, kas aug un dzem samaitá Pérkûnu gari! Laj Pérkûns spérdams visu laùnumu nû manim aizdzen un tev pašam tû devińkártigi uzlik, ka tu nûdèdétu, ka rudeni nidres purvûs. Laj tava skaudiba múžam pimetás pi cikstûša kûka — ne pi mana, vaj cita labuma! Развѣ я тебя завистью повредилъ, или милостыни у тебя испросилъ, что ты заколдовалъ мои поля (стада, огороды и пр.). Я начиналъ свои работы, призывая Лайму — мать, а окончилъ воспоминанiемъ бога боговъ. Зачѣмъ ты наслалъ черта на меня? Поэтому будь проклятъ! Пусть Trimpus отвернется отъ твоихъ полей, стадъ, луговъ, огородовъ и пастбищъ, и пусть зарничныя тучи Перкуна (v. зарница съ болотъ-топей) несутся надъ твоими полями, огородами, лугами, пастбищами! Пусть все, что растетъ и рождается, испортятъ духи Перкуна! Пусть Перкунъ, поражая, прогонитъ отъ меня все зло и наброситъ на тебя вдевятеро больше, такъ чтобы ты изсохъ, какъ осенью камышъ въ болотахъ! Пусть твоя вредная зависть на вѣки прильнетъ къ скрипучему дереву, а не къ моему или къ чьему-нибудь добру.

„Произнося это заклинанiе стань голыми колѣнами на землю, лицомъ противъ солнца. Если завистникъ (колдунъ) послѣ этого придетъ къ тебѣ въ домъ, ошеломленный или больной, и станетъ просить напиться, то не давай ему. Какъ скоро онъ получилъ отъ тебя хоть одинъ глотокъ воды, то онъ спасенъ, наговоръ болѣе не дѣйствуетъ (Трейландъ ibid.).

Trimpus въ вышеприведенномъ заклятiи обладаетъ громадною властью, и вслѣдствiе этого значенiе его между земледѣльческими божествами должно быть первостепенное, и поэтому извѣстнѣе другихъ этого разряда божествъ, такъ какъ онъ является совокупно божествомъ полей, луговъ, огородовъ, стадъ и пастбищъ. Однакожъ мы относительно его значенiя до сихъ поръ не нашли никакихъ неоспоримыхъ данныхъ, и даже самое названiе его подлежитъ сомнѣнiю (см. нпр. у Довконта, Trimpa или Drimba?). Поэтому и мы относимся къ упоминанiю его въ этомъ заклятiи съ недовѣрiемъ. Вѣдь удивительно, что о божествѣ столь обширнаго значенiя осталось такъ мало свѣдѣнiй, которыя еще послѣ подробнаго разбора оказываются сомнительными и недостовѣрными. Въ народныхъ пѣсняхъ онъ вовсе не упоминается; въ народныхъ преданiяхъ о немъ нѣтъ рѣчи — что впрочемъ окончательно не рѣшаетъ объ его существованiи. Изъ авторовъ Стендеръ именуетъ его б. пьяницъ, а Довконтъ основывается главнымъ образомъ на поддѣлкахъ Грунау. Личныя мои старанiя были тщетны[2]).

[1]) См. въ концѣ этого разсужденiя нашу догадку.

[2]) Извѣстный знатокъ латышской исторiи, баронъ Г. Мантейффель, къ которому я обратился при разъяс-

Неужели Trimpus только въ этой одной деревнѣ былъ извѣстенъ и только тутъ пользонался столь обширною властію? Намъ кажется, что, хотя самое заклятіе совершенно соотвѣтствуетъ и по своей формѣ, и по своему содержанію латышскимъ обычаямъ, однако все-таки упоминаніе въ немъ „бога боговъ“, а затѣмъ поименованіе „Trimpus“ возбуждаетъ въ васъ подозрѣніе, что „богъ боговъ“ христіанскаго происхожденія, а „Trimpus“ вытѣснилъ какое-то другое, болѣе подходящее названіе божества.

Въ то время, какъ значеніе Trimpus становится для насъ неуловимымъ, очерчиваются ясно и выразительно другіе представители его власти, какъ представители спеціальныхъ функцій ея, такъ и болѣе общихъ. Итакъ представителями спеціальныхъ функцій сказанной власти являются напр. Laukamate, мать полей (литов. Laukpatis, Laukosargas); Lopumate, бож. стадъ; Darža-mate, бож. огородовъ. Къ этимъ-то божествамъ прибѣгали именно въ случаѣ нужды, а не къ какому-то Trimpus[1]).

Кромѣ того каждый латышскій хозяинъ имѣлъ особаго покровителя своего дома и поля, называвшагося Majaskungs, а не Trimpus, а въ Литвѣ Žempats[2]).

Затѣмъ болѣе обширную власть, нежели упомянутыя божества, имѣла Zemes-mate, мать-земли, и вообще плодородія. Она въ латышскихъ народныхъ пѣсняхъ является главнымъ образомъ ключницей могилъ, затѣмъ божествомъ земли и божествомъ всякаго блага, какимъ именно намъ являлся Trimpus, напр.

Ой, добрая мать земли,
Дай мнѣ ключъ отъ могилы,
Чтобы я могла отомкнуть могилу
Для старой бабушки (Спрогисъ стр. 218/21).

Иногда вмѣсто Zemes-mate говорится прямо земля:

Растворились ворота земли,
Сокрыли ключь земли,

неніи даннаго вопроса, отвѣтилъ мнѣ: никто изъ насъ ничего не слыхалъ о Тримпѣ. Спрошенный мною и г. Биленштейномъ, г. Трейландъ на ежегодномъ засѣданіи Общества (der lettisch-literarischen Gesellschaft), признался, что и онъ ничего о Тримпусѣ не слыхалъ, кромѣ того, что о немъ говорится въ заклятіи, сообщенномъ г. Сиверсомъ изъ Вальтайкенъ.—Даже «Pikis», «Piktulis» имѣютъ болѣе выразительныя черты дѣйствительности, чѣмъ Trimpus. По крайней мѣрѣ кое-гдѣ слышатся у Латышей эти названія, хотя и они могутъ быть только книжными божествами, неперешедшими въ народъ. Но это рѣшительно опровергаетъ г. Трейландъ, не будучи однако въ состояніи опроверженіе подкрѣпить доказательствами».

1) «auch haben sie... besondere götter und göttinen gehabt, als die mutter oder göttin des ackers... der garten». P. Einhorn Hist. Lett. Sc. R. Liv. II, 584.—Затѣмъ: «und rieffen jhre Laukamaat, Meschamaat, Lopemaat .. mit fleiss an» Reform. gent. lett. въ Sc. R. Liv. II, 616. — «und derwegen nicht die Lauka Maat umb getreyde, die Daarsa Maat umb gartengewachs... die Lopu Maat umb viehe, sondern Gott der Herr allein umb alles anzuruffen (sei)». Ibid. p. 618.— Wann sie im garten arbeiten, so ruffen sie die Dahrsemate, die göttin oder mutter der garten an. Wann sie auffs feld hinauszgehen, so ruffen sie die Laukemate, die mutter oder göttin der felder oder der acker an, wie sie denn auch derselben dancken, wann das getreide wol stehet... Also wird von jhnen die mutter und göttinne des viehes (т.-е. Lopumate) angeruffen. Einh. Wiederlegunge der Abgotterey etc. S. R. Liv. II, 642. Если въ язычествѣ встрѣчались понятія, сходныя съ христіанскими, то Латыши соединяли одно съ другимъ: «denn wie sie dazu gehalten wurden, dass sie die Jungfraw Mariam anruffen solten, und sie sahen, dass es mit der anruffung jhrer götter und göttinen übereinkahm, da rieffen sie beydes, die Jungfraw Mariam und andere heiligen, und denn auch jhre götter und göttinnen an, vermeineten also, sie weren miteinander und köndten beyderseyts helffen, wie sie dasselbe aus jhren worten oft vernehmen lassen: O Maringa darga, o Lopu Matiet (sic) bagatal (О дорогая Марія, о щедрая мать животныхъ. Reform. g. lett. Sc. R. Liv. II, 616/617.

2) Это божество принадлежитъ собственно къ домашнимъ божествамъ. Литовскій Žempatis считался братомъ Żeminele (Praet. p. 31). Zempattys (sic) ist eigentlich gott der bau und wohnstätte. Diesem zu ehren pflegt der wirth zur zeit des kürzesten tages eine feier zu halten... Молитва къ нему: du Zemypatie (sic) du giebst uns solch gut brot. Dafür danken wir dir! Hilf dass wir durch deinen seegen unsere äcker betreiben und durch zuthun der Zeminele mehr deiner guten gaben empfangen и пр. Praet. p. 66.—О Majas Kungs см. Das Inland, Dorpat 1836, № 39. p. 641.

Спать мнѣ теперь подъ землею,
Пока солнце на небѣ! (Спрогисъ 218/17).

Въ другой пѣснѣ покойникъ прощается съ семьей и привѣтствуетъ мать-землю, попеченію которой поручаетъ свое тѣло:

Прощайте, батюшка, матушка!
Добрый вечеръ тебѣ, мать земли!
Добрый вечеръ тебѣ, мать земли,
Храни мою красоту! (Спрогисъ 218/18).

Вмѣстѣ съ тѣмъ она была богиней пропитанія и всевозможныхъ благъ (точно такъ, какъ и Trimpus).

Говорятъ, что земля причиняетъ зло;
Земля дѣлаетъ всякое добро,
Земля даетъ ѣсть, пить,
Скрываетъ мою красоту (Спр. 218/19).

Такимъ образомъ названіе земли Zedu-mamulite, мать цвѣтовъ, рядомъ съ названіемъ ея „ключницею могилъ“ получаетъ свое объясненіе.

Впрочемъ вмѣсто Trimpus могли призывать Lajma, извѣстное во всей Литвѣ божество благоденствія вообще, слѣдовательно и урожая. Въ этомъ смыслѣ упоминается Lajma и въ приведенномъ нами заклятіи, равно и въ народныхъ пѣсняхъ:

Lajme ходитъ черезъ овсяное поле,
У ней плащъ изъ овсяной шелухи;
Богъ ходитъ чрезъ ржаную ниву,
У него шапка изъ иголъ ржи (Спр. 307/23).

И этотъ безыменный богъ (devińs) считается виновникомъ урожая; онъ распространяетъ спокойствіе надъ полями, покрытыми цвѣтущимъ хлѣбомъ:

Тихо, тихо ѣдетъ богъ (devińs)
Съ горы въ долину:
Отъ него не колышется цвѣтъ ржи,
Не пугаются кони пахарей (Спр. 299/3).

Разобравшись во всѣхъ приведенныхъ подробностяхъ мы дѣлаемъ предположеніе, что имя Trimpus въ данномъ заклятіи поставлено вмѣсто настоящаго имени божества плодородія, или вмѣсто общаго devińs; и что его внесъ туда какой то книжный ученый, которому имя Trimpus, положимъ изъ Стендера, стало извѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ мы старались сдѣлать вѣроятнымъ, что упоминаніе Trimpus въ заклятіи въ виду выше изложенныхъ соображеній, не заслуживаетъ безусловнаго довѣрія.

Для нагляднаго обзора разницы въ приписанныхъ Potrympus Potrimpe, Trimpus аттрибутахъ считаемъ полезнымъ еще разъ вкратцѣ перечислить ихъ безъ всякаго отношенія къ ихъ достовѣрности.

a) Potrimpus: glück in streitten und sust in anderen sachin; gott des getreydes (Grunau). — Pollux (Agenda). — Deus fluviorum ac fontium; божество ворожбъ (Явъ Мал.). — Gott der fliessenden wasser (Гіер. Мал.).

b) Antrimpus v. Autrimpus: Neptunus (Ag, по нашему Castor). — „Deus maris (Явъ М.). — Der gott des mehrs und der see (Гіер. М.).

c) Trimpa: богъ весны, даятель благоденствія, творецъ міра, наливанія зерна, обилія; покровитель стадъ, птицъ, хлѣба (Довконтъ).

d) Trimpus: saufgott (Stender). — Покровитель полей, луговъ, огородовъ, пастбищъ; богъ стадъ (Трейландъ).

Слѣдовательно было бы у насъ довольно, да, изобиліе матеріала, но къ сожалѣнію мы не знаемъ, чтó именно изъ этого всего избрать, такъ какъ послѣ нашего разбора ни одинъ аттрибутъ не оказался достаточно достовѣрнымъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что большинство аттрибутовъ указываетъ на связь съ плодородіемъ.

Такимъ образомъ въ виду этихъ вообще сомнительныхъ или прямо недостовѣрныхъ данныхъ, и въ виду фактическаго существованія какого-то слова, похожаго на trimpe, trimpus, изслѣдованіе наше встрѣчается съ непреодолимыми препятствіями и не можетъ прійти ни къ какому положительному результату. Поэтому слѣдовало бы оставить весь вопросъ нерѣшеннымъ, или прибѣгнуть къ догадкамъ, не всегда удачнымъ. Съ этой оговоркой мы представимъ нашу догадку, основаніемъ для которой послужитъ одинъ общій, но дѣйствительно существовавшій, обычай или обрядъ, и затѣмъ одна замѣтка Стендера.

Всѣмъ спеціалистамъ по Литовщинѣ извѣстно, что Литовцы во время каждаго праздвества совершали пиршества, переходящія обыкновенно въ необузданное пьянство. Свидѣтельство о Пруссіи вообще, приводитъ Dusb. III, 5; о прусской Литвѣ Praetorius по разнымъ мѣстамъ, а о Латышахъ уже самъ языкъ, въ которомъ вмѣсто „праздновать, совершать торжество“, говорится прямо: пить торжество, напр. Kazas dzert, пить свадьбу; beres dzert, пить тризну и пр.

Для покрытія издержекъ на общіе праздники извѣстной деревни, или нѣсколькихъ деревень засѣвали общее поле; часть жатвы продавали, и на вырученныя деньги покупали жертву, быка, свинью, козла и т. п., а изъ остатковъ этой жатвы варили пиво и пекли печеніе. Или также, каждый хозяинъ отдѣльно приносилъ опредѣленное количество хлѣба (Суд. книж.).

Общія жертвоприношенія совершались также въ исключительныхъ случаяхъ, какъ напр. во время чумы, моровового повѣтрія. Такое жертвоприношеніе описываетъ Einhorn. „Und haben solche opffer auch diese leute oder unteustchen (т.-е. Латыши) gethan in solcher zeit (во время чумы), welches sie Sobar geheissen, das ist ein zusammengeleget, oder von vielen zusammengeschossen opffer, denn jhrer viel zusammengetreten, und jglicher so viel geldes wie der ander, zusammengeleget und dafür zu solchem opffer ein stück viehes gekaufft und dasselbe geopffert, hernach aber das übrige verzehret. So haben sie auch einer so viel wie der ander an getreyde zusammengeschüttet, davon gebrawet und gebacken, und alsdenn zusammen abergläubiger weise mit jhren heydnischen ceremonien Gott angeruffen, das er die pestilentz abwenden wolte; wann das geschehen, haben sie ein convivium miteinander gehalten und die zu hauff gebrachte speise und tranck mit einander verfressen und versoffen. Dieser gebrauch wird noch bei vielen in acht genommen, denn ob sie es schon nicht öffentlich thun dürffen, to thun sie es doch heimlich... Das haben sie anno 1602 in der grossen und geschwinden pestilentz gethan, und da sich anno 1625 wiederumb eine pestilentz erregte, hat mans... auch ins werck gerichtet, die pestilentz damit auff zu heben und zu vertreiben[1]).

Стендеръ вѣроятно пользуется Einhorn'омъ сообщая s. v. Sobarri слѣдующее: die opfer, die man zur pestzeit dem Auskut (?)[2]) brachte. Von sobahrt anstatt sabehrt, zusammenschütten, weil sie das zusammengebrachte korn zusammenschütteln und daraus ein saufopfer bereiteten[3]). Онъ какъ видимъ наравнѣ съ Einhorn'омъ пишетъ, что такое жертвоприношеніе совершалось въ случаѣ моровой язвы.

Praetorius подъ заглавіемъ Vom fest Samborius oder Getreidigtfeste описываетъ

---

[1]) Reform. g. lett. Sc. R. Liv. II, 620.
[2]) См. ниже Приложеніе: Auszautis.
[3]) Lett. Gram. § 218 s. v. Sobarri.

подобное жертвоприношеніе, совершаемое періодически, ежегодно въ началѣ декабря, т.-е. позднею осенью, во время молотьбы, когда уже все было собраво.

Главвыя ивтересующія насъ мѣста этого подробнаго и слишкомъ обширнаго описанія слѣдующія: хозяинъ беретъ девять пригоршней хлѣба всякаго рода, т.-е. три раза по три пригоршни, но такимъ образомъ, что для наполневія одной горсти онъ трижды захватываетъ изъ одного и того же хлѣба. Всѣ же зерна ржи, пшеницы, льняного сѣмени, ячменя, гороха, чечевицы перемѣшиваются со собою и изъ этой смѣси варятъ пиво. Затѣмъ каждый изъ семьи (чужимъ нельзя присутствовать) долженъ былъ выпить 3×3×3, (3×9) т.-е. три раза по девять кубковъ. Вмѣсто маленькихъ дѣтей выпиваютъ родители[1]).

Brodowski въ нѣмецко-литовской части своего словаря (рукопись) s. v. Pluto сообщаетъ о подобномъ жертвоприношеніи, совершаемомъ періодически во время весны: Pluto, Sambarys. Dem jährlich umb ostern drei handvoll von jedweder saat und von jeder speise drei bissen auff ein weisses tuch geweihet, das essen frassen die hunde, die saat wurde ausgesäet und den (sic) Alaus (sic) gebraun, unde Alus Samberinis[2]).

Затѣмъ припомнимъ себѣ, что какъ литовскія божества принимаютъ названія одни отъ дѣйствій, которыя совершаютъ (нпр. Perkunas, отъ perti ударять, Dûtojas отъ dûti давать), другія отъ предмета, которому покровительствуютъ (нпр. Zeminele, Žemes-mâte, Laukpatis), точно также и празднества принимаютъ главвымъ образомъ свое названіе отъ главваго дѣйствія въ обрядѣ, какъ нпр. Inkurtuves, Ikures (Довк. p. 112) отъ главнаго дѣйствія зажиганія перваго огня въ хижинѣ.

Этимъ также путемъ возвикло названіе торжества, называвшагося Samborius (Praet. гдѣ уже произошло олицетвореніе); Sobar (Einhorn); Sobarri, (Stender) Это торжество праздновалось въ различныя времена года, неперіодически въ исключительныхъ, необыкновенныхъ случаяхъ, нпр. во время моровой язвы, и періодически, ежегодно, весной и осенью. Эти слова сложевы изъ предлога sam (są, so), русское съ лат. cum, и глагола beriu сыплю, слѣдовательно samberiu, soberiu, samberti, ссыпывать, а въ данномъ случаѣ, ссыпать, смѣшивать различные хлѣба вмѣстѣ, въ кучу, для вываривания изъ этой смѣси праздничнаго пива и печенія праздничныхъ пироговъ. Правильное названіе этого праздника будетъ Sambarę̃s (plur.); Samberinis alus же, вываренное изъ этой смѣси пиво, въ отличіе обыкновеннаго пива Alus.

Отъ этого вазванія празднества произошло, какъ олицетвореніе его, названіе мнимаго божества Sambarys (Brodowski, который придаетъ ему значеніе Pluto ?). Samborius (Praetor.); авторы же, желавшіе облегчить себѣ этимологическій выводъ, перемѣнили Sambarys въ Zembarys (Mielcke) i Žemberys (Voigt Preus. Gesch. I, p. 593 и прим. 3), въ значеніи Erdbestreuer (żeme земля и beriu)[3]). Этотъ выводъ вмѣстѣ съ значеніемъ Erdbestreuer слѣдуетъ оставить безъ вниманія.

Мы уже говорили, что такія празднества ссыпки, Sambarę̃s, праздновались главнымъ образомъ періодически, ежегодно, весной (Brod.) и осенью (Praet.). Для отличія празднествъ весеннихъ отъ осеннихъ давали осеннимъ праздникамъ наименованіе отъ другого главнаго момента этого обряда, именно отъ свойственнаго ему набиранія три раза по девять пригоршней хлѣба (и затѣмъ отъ послѣдовавшаго выпиванія три раза по девять кубковъ пива), такъ что вмѣсто на осенній праздникъ „Sambares" говорили „Ant trin deviniu", т.-е. на праздникъ три раза девять[4]). Можетъ быть, что это на-

[1]) ed. Pierson p. 60.

[2]) Schleicher Sitz. Ber. d. phil Classe d. Akad. d. Wiss. XI Bd. Wien, 1854, p. 85.

[3]) Voigt l. l.—Nesselm. Lit. Wört. s. v. p. 543; Schleicher l. l.

[4]) (Sie) halten ein fest, das sie Sąbarios nennen, kommt her von zusammenwerfen... wird auch sonst genant Ant trin devinu i. e. das fest der dreimal neun. Praet. ed Pierson p. 60.

званіе обобщено въ значеніи „на осень“, какъ это водится у многихъ народовъ въ родѣ „на Рождество“, „на Wielkanoc“ и т. н. Если же говорили Aut trin deviniu, можно было также сказать „Po triu deviniu“, послѣ праздниковъ три раза девять, точно такъ, какъ говорится ant Veliku на Пасху, po Veliku послѣ Пасхи, ant Kristaus užgimimo на Рождество, po Kristaus užgimimo послѣ Рождества.

Отсюда, какъ думаю, имѣемъ нѣкоторое основаніе для нашего предположенія, что весеннія празднества ссыпки, Sambaręs, могли также быть названы отъ числа трехъ пригоршней разнороднаго хлѣба, употребляемаго для совершенія весеннихъ обрядовъ. А такъ какъ Trimpus (или тому подобное слово) могло служить названіемъ праздника, то мы предполагаемъ, что въ trimpe находится обозначеніе второго названія весеннихъ Sambaręs, точно такъ, какъ... trin deviniu вторымъ названіемъ осеннихъ Sambaręs. Изъ этого слѣдуетъ, что въ — trimpe мы находимъ корень числа tris, три, а не, какъ другіе принимаютъ, корень trip или trem, отъ котораго образуется tripiu, tripti и tremiu, tremti въ значеніи ударять ногами въ землю, топтать, значеніе которое ни въ чемъ не объясняетъ слово — trimpe, Trimpus.

Взявъ въ основаніе слово Natrimpe (въ Coll. Ep. Varm.), въ которомъ первый разъ читаемъ — trimpe (1418 г.), я считаю — trimpe сложнымъ изъ trium (gen. pl. отъ tris) и постпозиціей — pi, сокращенное p [1]), а затѣмъ съ неорганическимъ призвукомъ e = pe, т.-е. triumpi, triump, triumpe, которое могло сократиться въ trimpe [2]).

Въ такомъ случаѣ означало бы Ant trimpe, на праздники трехъ пригоршней, на весеннія Sambaręs („весвой“?). Po trimpe послѣ этихъ праздниковъ. А такъ какъ литовское Ant равняется по значенію прусскому Na, то Natrimpe = лит. Ant trimpe.— Au trimpus же считаю орѳографической ошибкой вмѣсто Antrimpus.

Такимъ образомъ мы можемъ легко объясниться себѣ, зачѣмъ „Potrympus, Potrimpe считается главвымъ образомъ божествомъ весны.

Авторы иногда не изслѣдовавъ тщательно предмета, часто названіе празднества принимаютъ за названіе божества. Это случается также и въ народѣ, когда исчезло язычество и вмѣстѣ съ тѣмъ народъ позабылъ настоящее значеніе названія, блуждающаго еще среди народа. Тоже самое случается и съ христіанскими названіями, коль скоро народу настоящее ихъ значеніе неизвѣстно. Напр. Италіянецъ праздникъ „Epiphania“ (6-го янв.) олицетворилъ въ Святую Бефану [3]). Такимъ точно образомъ изъ названія праздника * Trimpe образовалась личность, съ лат. окончаніемъ — us, Trimpus, а по аналогіи фразъ „Ek sau po Velniu, Ek sau po Giltiniu“ могла образоваться фраза Ek sau po Trimpu (замѣчательный plur.), конечно, что предлогъ po уже не значигъ „послѣ“, а „къ“; сообразпо съ: „убирайся къ чертямъ“ убирайся къ Giltin'am, т.-е. на смерть, на погибель, po Trimpu будетъ означать убирайся къ „Тримпамъ“, только не ясно, считать ли Тримповъ тутъ благосклонными божествами, или какъ бы христіанскія понятія требовали, несчастными, каковыми также Velnias, Giltinė.

Такимъ же образомъ изъ „Ant Trimpe“ произошло мнимое божество Antrimpus съ лат. окончаніемъ — us. Прусское Natrimpe сохранило свою первоначальную форму.

---

1) Schleich. Gram p. 293.

2) Если trin во фразѣ «trin deviniu» nie ошибка вмѣсто triu, старое triun, то мы имѣли бы примѣръ сокращенія trium въ trin; на такое сокращеніе повліяло бы какъ стремленіе удержать главный звукъ «u» вмѣстѣ съ главнымъ значеніемъ три, такъ и желаніе, отличить это слово отъ trumpas, краткій, нпр. ant trumpo черезъ короткое время, незадолго; po trumpo послѣ k. вр, незадолго, вскорѣ.

3) Такимъ образомъ не понимавшіе старинную польскую фразу, do siego roku, до сего года, образовали фразу Dosiego roku, въ которой dosiego считалось прилагательнымъ отъ уменьшительнаго собственнаго имени Dosia, Дорога, Дороося; а соотвѣтственно смыслу пожеланія увидѣться черезъ годъ, придумали для этой Дороѳеи преклонныя лѣта.—Изъ фразы Vera ikon, по Максу Мюллеру, произошло имя Вероника.

B). Auszautis.

Первый разъ упоминается Auszautis въ Агендѣ 1530 г.: Auschauts, Aesculapius. Изъ Агенды или изъ ея копіи выписалъ Coelestinus Mislenta: „Auxschautis, Aesculapius (Man. Prut. 1626 p. A[2]); изъ того же источника сообщаетъ I. Behm: Auschauts Aesculapius (De statu Borussiae 1644, см. Acta Boruss. III. 156) и Hartknoch: Auxschautis безъ латинской интерпретаціи (Diss. VII 125). — Янъ Малецкій въ Libellus de Idolol. Vet. Boruss. съ 1551 г. пишетъ: Auscautus (sc = sz), въ иномъ изданіи: Autsceutus, deus incolumitatis et aegritudinis; въ перепечаткѣ того же Libellus Ласицкимъ съ 1580 г. „Auscutus, incolumitatis et aegritudinis deus (De diis Sam. ed. Grasser p. 54; ed. Mhdt. p. 19 (96). — Въ Судавской книжкѣ Гіеронима Малецкаго (до 1560) читается Auschlauis, der gott der gebrechen, der kranken und gesunden, а немного дальше тотъ же самый божокъ, но въ формѣ Ausskayten считается милостивымъ и могущественнымъ божествомъ, ходатаемъ передъ божествами Pergrubius (?), Perkuuius (опечат. вмѣсто Perkunius), Schweygstix (sic) и Piltut (?).

Съ тѣхъ поръ оба Малецкіе служатъ источниками для слѣдующихъ писателей, одни изъ которыхъ заимствуютъ свѣдѣвія буквально, другіе же видоизмѣняютъ форму названія для облегченія себѣ этимологическаго вывода, и вмѣстѣ съ тѣмъ и значенія; иные наконецъ принимаютъ два божества: Auszautis v. Auschaitis, и Auszlauis.

Приведу нѣсколько примѣровъ: Стрыйковскій (около 1578 г.) безъ упоминанія о своемъ источникѣ, Гіеронимѣ Малецкимъ, пишетъ: Auschlawis, bóg niemocnych chorych i zdrowych; Варш. изд. стр. 144. — Л. Давидъ (до 1580 г.) стр. 91: Auschkauten и Auschlauts; М. Вайссель перепечатывая въ своей хровикѣ (изд. въ Кенигсбергѣ 1599) Судавскую книжку: „Auschweytus, gott der gebrechhaftigen, kranken und gesunden", а на поляхъ объясняетъ его римскимъ Saturnus (!). И изъ этого сообщенія можно также увидѣть, что латинскія объясненія прусскихъ божествъ дѣлали наудачу; въ другомъ мѣстѣ у этого автора читаемъ тоже божество въ формѣ Ausschweytissen. M. Praetorius p. 27 имѣетъ форму „Auszweitis, nach Bretkius Auszweikus, ein gott der kranken und gesunden, von sweikas gesund, sweikata gesundheit". Но какъ объяснить krank? Stender s. v. Auskuts говоритъ: Auskuts, der gott über krankheit und gesundheit, dem man bey menschen und viehseuchen opfer brachte (см. s. v. Sobarri). Sein name ist so viel als Auskuttis, schaafsscheerer von „aws" ein schaaf, welches einige wie „aus" aussprechen, und „skust" abscheeren. Denn ihm eignete es man zu, wenn manches schaaf des morgens mit befressenen und abgewolleten rücken angetroffen wurde, welches die abergläubischen Letten gleich als einen vorboten der pest unter den menschen und vieh ansahen. Ich erinnere mich selbst eines solchen ehemaligen schaafs scheerlärms, der sich sehr verbreitet hatte. Объясненіе очевидно заимствовано у Гіеронима Малецкаго; упоминаніе же о моровой язвѣ — у Einhorn'а, а этимологія выдумана самимъ Стендеромъ. Ostermann пишетъ Ausweitis, eigentlich Atsweikcius von sweiks gesund, atsweikti wieder gesund werden[1]); Bender же Ausschweyt[2]), а Schwenk[3]) Ausschwaixt, eine blosse nebenform von Swaixtix.

Кажется будетъ довольно примѣровъ.

За основную форму слѣдуетъ принять Ausschauts въ Агендѣ; въ виду же изложеннаго о достовѣрности Агенды по поводу латинскихъ объясненій въ статьѣ о Potrimpe, мы сомнѣваемся въ приписанномъ этому божеству значеніи „Aesculapius".

1) Kritischer Beytrag zur Altpreuss. Religionsgeschichte. Kgsbg. 1776; см. APM Sch. IV, p. 102 прим. 10.
2) Zur altpr. Mythologie APM. Sch. IV, p. 102.
3) Mythologie Bd. VII, s. v. Auszlavis.

Въ формѣ Auscautus Яна Малецкаго окончаніе us есть латинское, а sc = sz, о чемъ уже сказано. Auszlauis у Гіеронима Малецкаго очевидная описка, состоящая въ томъ, что буква t въ слогѣ — tis переставлена послѣ sz въ слогѣ Ausz въ видѣ l, такъ что изъ Auszautis произошло Ausz-l-auis[1]). Такимъ образомъ мы имѣемъ полнѣйшее право выселить Auszlavis'а изъ литовскаго Олимпа.

Этому Auszautis приписываетъ Гіеронимъ Малейкій значеніе der gott der gebrechen, der kranken und gesunden, что очевидная нелѣпость. Вѣроятно, „gebrechen" принято за „увѣчье", и для объясненія прибавлена была глосса „kranken", которая своимъ чередомъ повліяла на перемѣну „sunden" на „gesunden". Ибо въ подлинныхъ донесеніяхъ самбійскихъ духовныхъ по моему мнѣнію читалось: Ausschaut(i)s, der gott der gebrechen und sunden, что совершенно понятно.

Въ прусскомъ переводѣ малаго катихизиса Лютера съ 1561 г. подъ заглавіемъ Enchiridion читаемъ слова Auschautins acc. plur. вины, schulden; Auschautenіks n. sing. провинившійся, преступникъ; Auschautenikamans d. pl. преступникамъ[2]). Приведенное „Auschautins — есть acc. pl. отъ n. sg. „Auschautis, Auschauts", которое цѣликомъ соотвѣтствуетъ формѣ въ Агендѣ. Слѣдовательно это имя нарицательное, а не собственное, а тѣмъ менѣе имя божества.

Въ концѣ мы постараемся показать, какимъ вѣроятно путемъ Auszautis былъ признанъ божествомъ, и какъ онъ попалъ въ донесенія духовныхъ.

По словамъ Гіеронима Малецкаго Virszaitis во время жертвоприношенія убѣждаетъ собранный народъ „das sie die götter in ehren halten und nit verzürnen". Если же урожай былъ меньше, чѣмъ ожидали, „bittet der Wurschkayt den gütigen und mechtigen gott Ausskayten, das er bitten wolle die götter als Pergrubium, Parkuuium (sic)... ihnen fürbass in zukünftigen ihar (jahr) gnedig zu sein; sie bekennen es, das sie jre götter verzürnet haben". Во время же жертвоприношенія козла Virszaitis наставляетъ, что это дѣлаютъ по обычаю предковъ для смягченія гнѣва боговъ. Гнѣвъ боговъ является слѣдствіемъ провинности.

Грунау, какъ очевидецъ, утверждаетъ, что послѣ извѣстнаго рода проповѣди и наставленій каждый изъ присутствующихъ во время жертвоприношенія становился на колѣни передъ жрецомъ (vaidelis) и признавался въ своихъ погрѣшеніяхъ. Признакомъ прощенія грѣховъ было то, что жрецъ тянулъ исповѣдавшагося за волосы и ударялъ по лицу: „Dornoch sy gingen zu, ein iglicher in sonderheit und im (найделису) beichten musten ire missethat... ein iglicher sich vor den waidlotten kniet, und der waidelotte zeuhet in bey den horen und gibt im eine gute hübsche und ist ein absolucio... Трудно сказать, насколько повліяли христіанскіе обряды на этотъ разсказъ, а сколько истины. Во всякомъ случаѣ на основаніи двухъ независимыхъ другъ отъ друга свидѣтельствъ мы можемъ предполагать, что у Пруссовъ существовалъ родъ исповѣди общенародной (H. M.) и личной (Grun.), по крайней мѣрѣ въ началѣ XVI в., въ которой сознавались въ своихъ провинностяхъ „auszautins" — и предполагаемъ, что плохо понимающее по прусски духовенство, слыша часто повторяющееся слово Auszautins, Auszautis, считали его названіемъ призываемаго божества. — Но божество провинности, преступленій, винъ, для насъ совершенно непонятно; для насъ понятно божество умилостивленія — значеніе, котораго въ словѣ Auszautis вовсе не замѣчается.

---

[1]) Теобальдъ (Роткирхъ), Литовско — языческіе очерки: Аушлявисъ (Жалтисъ) богъ врачеванія р. 63.
[2]) Die preussische Sprache etc. von Erich Berneker, Strassburg 1896, p. 43. Nesselmann Thesaurus s. v. p. 12.

VI Приложеніе.

Deives. Ebrozas. Bałvonas. Stułpas. Stēbas. Stabas. Камни.

Такъ какъ не имѣемъ возможности пользоваться рукописью перевода Св. Писавія, сдѣлавнаго Бреткунасомъ, то разсмотримъ только тотъ матеріалъ, на которомъ пр. А. Бецценбергеръ основываетъ свое мнѣніе о значевіи вышеприведевныхъ словъ, изложенное въ Beiträge zur Kunde der Indogermanischen Sprachen Bd. I 1877 въ статьѣ: Mythologisches in altlitauischen Texten p. 41—47.

Бреткупасъ перевелъ ветхій законъ между 1585—1590 гг. за исключевіемъ псалмовъ, которые вмѣстѣ съ новымъ закономъ перевелъ 1580 г., взявъ въ основавіе переводъ Мартина Лютера (=L). Главною задачею будетъ сравнить переводъ Бреткунаса (=Br.) съ переводомъ L, и указать, какое значевіе имѣютъ въ заглавіи приведенныя литовскія слова. Мы пользовались переводомъ Лютера съ 1603 г. Bibel, Das ist die gantze Heilige Schrifft, Deudsch D. Martin Luth. Cum Gratia et Privilegio Gedruckt durch Lorentz Seuberlich. Wittenberg 1603. fol. Кромѣ того я взялъ въ соображевіе другой литовскій переводъ Библіи Лютера: Biblia Tai esti Wissas Szwentas Rasztas Seno ir Naujo Testamento pagal Wokiszka Perstattima D. Martino Luteraus. Nû kellu Mokytojû Lietuwoj' Letuwyszkay perstatytas Ir antrą kartą iszpaustas. Karalauczuje 1755. (=Kr.); затѣмъ латинскую Вульгату (=V) Biblia sacra Latino-Polonica. Vratislaviae. Anno 1771, польскій переводъ которой напечатанъ по тексту Вуйка (=W), и славянскій переводъ: Библія или книги Священнаго Писанія. Москва ҂АѠОБ.

	Ветх. законъ.	Пер. Лютера.	Пер. Бретк.	Пер. Кенигсб.	Vulgata.	Byekz.	Ст. слово.
1	Reg. III. 14, 23 (Reg. I).	Seulen	stułpus	stułpus	statuas	bałwany	столбъ
2	Judic. 3, 19.	Götzen	stułpu	bałwonû	idola.	bałwany.	идолъ.
3	Judic. 17, 3.	Bildniss und Abgott	ebrozą ir stułpą	Ebrozą ir bałwoną	Sculptile atque conflatile	Rycinę i licinę	(кумиръ) изваянъ и сліянъ.
4	Judic. 17, 4.	Bilde und Abgott	ebroza ir stulpą	abrozą ir bałwoną	Sculptile atque conflatile	Rycinę i licinę.	(кумиръ) изваянъ и сліянъ.
5	Chron. I. 5,25.	Götzen	(su) stułpais glos. Deiwemis	(su) bałwonais;	Deos (populorum)	Bogów narodów.	Боговъ людей земли.
6	Hos. 12, 15. (13, 2).	Götzen	Deiwes glos. stułpai	bałwonai	Amaritudines	gorzkości	идоловъ.
7	Zach. 10, 2.	Götzen	Deiwes gl. stułpai	bałwonai	simulacra	bałwany	
8	Zach. 11, 17.	O Götzenhirten!	O Stułpû piemenei!	Ak bałwonû gannytojej!	O pastor et idolum	O pasterzu i bałwanie	О пасущій суетная и оставльшій овецъ!
9	Mich. 1, 7.	Götzen	Ebrozus gl. stułpus	bałwonai	sculptilia	ryciny	изваянная кумиры.
10	Nah. 1, 14.	Götzen und Bilder	Deiwes ir stułpus.	bałwonus bey Abrozus.	sculptile et conflatile.	rycinę i licinę.	изваянная и сліянная.
11	Mich. 5, 13.	Bilder und Götzen	Stułpas ir ebrozus. Gloss. Götzen, Deiwes;	bałwonus	Statuas	Słupy	изваянная (твоя) и кумиры (твоя)
12	Hab. 2, 18.	Bilde	bilder, bałwonas. ebrozas gl. stułpas	abrozas	sculptile	rycina	кумиры

Въ приведенномъ сопоставленіи текстовъ Св. Писавія слово „Götzen“ находится восемь разъ въ текстѣ Лютера, и это одно слово Бреткунасъ переводитъ тремя литовскими, т.-е. посредствомъ stułpas (4 раза №№ 2, 5, 6, 8), deives (2 раза №№ 7, 10), ebrozas (2 раза №№ 9, 11). Несмотря на то, переводъ кажется ему не вполнѣ удачнымъ, и по этому то поводу онъ къ этимъ словамъ, еще добавляетъ глоссы, къ stułpas глоссу deiwes (№ 5), и наоборотъ, къ deiwes глоссу stułpai (№ 7); къ ebrozas гл. stułpas (№ 9) и deiwes (№ 11). — Bilder, Bildniss, находящіяся въ текстѣ Лютера пять разъ, переводитъ Бреткувасъ три раза посредствомъ ebrozas (№№ 3, 4, 12), разъ посредствомъ stułpas (№ 10) и разъ bałwonas (глосса къ № 11).

Säulen, оба раза у него stułpas (№№ 1, 14).

Въ Кенигсбергскомъ изданіи „Götzen“ постоянно переведено словомъ bałwonai, „Bilder же сл. abrozai.

Такимъ образомъ у Бреткунаса значитъ:

a) Stułpas	seule (1, 14),	götze (2, 5, 6, 8, 9 и глос. 7),	abgott (3, 4),	bilder (10, 11 и глос. 12);
b) Ebrozas		götze (9, 11)		bild (3, 4, 9, 12);
c) Deiwes		götze (7, 10 и гл. 5, 11);		
d) Bałwonas				bild (гл. 11).

Слѣдовательно, если bałwonas у Бреткунаса означаетъ нѣмецк. bild (d), а то же слово bild имъ также переведено по-литовски ebrozas (b), и stułpas (a), то bałwonas у Беткунаса имѣетъ то же самое значеніе, что и stułpas.

Въ приведенномъ г. Бецценбергеромъ молитвенникѣ, авторъ его въ фразѣ „stułpai, meadis, arba bałwonas“ придаетъ по моему мнѣнію послѣднему слову болѣе обширный смыслъ, такъ что stułpai и meadis (дерево) составляютъ только отдѣльные виды общаго „bałwonas“. Въ противномъ случаѣ bałwonas въ этомъ мѣстѣ можетъ только значить или камень, или пукъ (кисть) изъ полевыхъ плодовъ, зелья, напр., сдѣланный для совершенія обрядовъ.

Во всякомъ случаѣ поражаетъ насъ колебаніе и непостоянство въ переводѣ Св. Писанія, въ которомъ каждое слово должно имѣть свое ясное, точное и опредѣленное значеніе. Бреткунасъ же зналъ отлично литовскій языкъ. Какъ пасторъ въ Лабіау наблюдалъ также оставшіеся обычаи язычества и имѣлъ ежедневныя сношевія съ простымъ народомъ, бывшимъ сплошь литовскимъ. — Такимъ образомъ онъ былъ въ состояніи каждый предметъ назвать настоящимъ литовскимъ словомъ, а въ крайнемъ случаѣ онъ могъ о немъ узнать у ввѣреннаго его духовной власти населенія. При переводѣ Св. Писавія на литовскій языкъ онъ долженъ былъ обдумывать значеніе словъ, а что онъ въ самомъ дѣлѣ это дѣлалъ, доказываютъ глоссы. Будучи теологомъ и воспитаввикомъ Кенигсбергскаго Университета онъ обязательно зналъ греческій, латинскій и еврейскій языки, а нѣмецкій былъ его природнымъ языкомъ; однимъ словомъ, у него были всѣ условія, требуемыя отъ хорошаго переводчика Св. Писанія. Слѣдовательно, коль скоро Бреткунасъ для перевода Götzen, Bilder употребляетъ нѣсколько разныхъ литовскихъ словъ, то становится яснымъ, что въ литовскомъ языкѣ не нашелъ соотвѣтственнаго для перевода слова, а не нашелъ потому, что Литовцу не было нужно слова для неизвѣстнаго ему понятія или предмета.

Настоящее значеніе словъ, посредствомъ которыхъ Бреткунасъ перевелъ нѣмецкое Goetzen, слѣдующее:

Deive, plur. Deives значитъ: злой духъ, призракъ, böse geister, gespenster (Kurschat, Nesselm. s. v.); у Ласицкаго „visa et spectra“; у Schleicher'a: „Gespenst; scheint früher Gottheit bedeutet zu haben“ (Sitz. Ber. Wien 1854, p. 97). Затѣмъ оно имѣетъ

также значеніе почитаемаго предмета, какъ напр. камня (Rostowski)[1]; но отъ этого еще далеко до предмета, искусственно обработаннаго и представляющаго человѣческую фигуру, статую. Abrozas, Ebrozas, Bałwonas указываютъ на славянское происхожденіе; значитъ, для выраженія чужого, нелитовскаго понятія слѣдовало обратиться къ чужому, не литовскому языку. Мнѣ кажется, что эти слова заимствованы изъ польскаго языка, такъ какъ въ велико-польскомъ нарѣчіи, буква *a* въ послѣднемъ слогѣ слова bałwan произносилась какъ *o* (a pochylone), какъ напр. въ польскомъ pán (pon),лит. ponas.

Польское bałwan означаетъ необработанную глыбу значительной величины, напр. глыбу свѣга, льда, соли, камвя, руды; затѣмъ глыбу, обработанную человѣческой рукой; предметъ различной величины, изваянный, литый, струганный (напр. каменная баба), которому отдавали честь, поклонялись; см. (слов. Linde, и Słownik języ. polskiego, издаваемый въ Варшавѣ 1898, s. v.). Послѣдняго — рода предметовъ Литовцы не знали, и именно поэтому настоящаго литовскаго слова для ихъ обозначенія не существовало.

Сказанное о bałwonas касается также слова Abrozas, Ebrozas.

Stułpas, рѣже stułpa, также славянскаго происхожденія, водворившееся съ давнихъ временъ въ литовскій языкъ и вытѣснившее мало-по-малу въ нѣкоторыхъ областяхъ настоящее литовское stė̃bas. Оба слова, stułpas и stė̃bas, означаютъ жердь, а главнымъ образомъ столбъ различной величины въ стоячемъ положеніи, все равно стоялъ ли онъ особнякомъ или въ извѣстномъ количествѣ, какъ косяки и т. п.[2]).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Литовцы столбамъ, поставленнымъ для совершенія извѣстныхъ обрядовъ, отдавали извѣстную честь. На это указываетъ самъ языкъ, въ которомъ „stė̃bmeldis“ означаетъ почитателя столба, „stė̃bmeldiste“ почитаніе столбовъ, принявшее впослѣдствіи у писателей общее значеніе идолопоклонника, идолопоклонства, точно такъ, какъ „почитатель огня“ перешло въ общее „идолопоклонникъ“.

Теперь рождается вопросъ, въ какомъ видѣ представлялись этого рода столбы?

Вещественныхъ памятниковъ не имѣется. Деревянные столбы были уничтожены временемъ, или нарочно низвержены и истреблены; однако изъ памяти народа они не исчезли, и сохранились при совершеніи извѣстныхъ обрядовъ, и смѣю утверждать, что высокіе кресты, поставленные въ нѣкоторыхъ окрестностяхъ Литвы на могилахъ, напоминаютъ собою высокіе когда то почитаемые столбы. Въ литературѣ рѣдко упоминается о столбахъ. Вотъ что о нихъ сообщаетъ Praetorius: „Hier felt mir ein, was oben erwehnter Wilhelmus Martinius bey antretung seines ambtes einsmahl bei Maternik, einem dorffe seines kirchspiels gesehen. Dieses dorff lieget noch an der Żamaitischen grentze, gegenüber einem andern dorffe, so nun zu Żamaiten gehöret, nur das ein kleines strömchen Szusse genandt, die gräntze scheidet. Auf der seyte nach Żamaiten war eine eiche, dabey etwa fünf schritt davon ein ziemlich grosser stein. Nicht weit von dem stein ist eine hohe stange, seiner meynung nach zum wenigsten acht klafftern hoch, gesetzet worden, worauff ein ziegenfell ausgedehuet, über dessen haupt ein grosser pusch von allerhandt getreydigt, auch kraut gemacht gewesen. Vorgedachter Martinius ist eben dazu kommen, als sie selbige stange herausgehoben und dessen idolum abgenommen; ehe solches geschehen, hat er observiret, dass ein alter mann bey dem stein, darauff eine gefüllete kauszel gesetzet worden, gestanden. Baldt ist ein altes wolbekleydetes weib kommen mit einer grossen kauszel, die der alte mann, den wir waidulutt nennen wollen, von ihr genommen, was in die kauszel gegossen, die kauszel in die hand genommen und gebethet, was er aber gebethet, hat der sehlige mann nicht hören können, auch seinen unwill zu bezeigen, sich absentiret, jedoch aber hat

---

[1]) Lituanicarum S. J. Hist. ed. Vilnae p. 118, см. конецъ нашей статьи (Lapides... Deyves appellati).
[2]) Жердь вообще = лит. kartis.

er nach fleissiger nachforschung erfahren, dass sie ihren gott, der ihnen essen und trinken, nahrung und auffenthalt gegeben, gedanket, haben aber denselben nicht nennen wollen. Nach verrichtetem gebeth hat sich das junge volk bey den händen gefast und umb die eiche und umb die stange getanzet, welcher tantz sobald der weidulut wieder mit der kauszel gebethet, uffgehöret; sobald er nach dem gebeth die kauszel ausgetrunken, hat er die stange ausgehoben, auch alle nach dem pusch gegrieffen. Das ziegenfell aber hat der weydulut zu sich genommen, als eine belohnung vor seine mühe, wiewol er dem kraut, so sie auf der stange gehabt, jedem sehr sparsam ausgetheilet. Darauf haben sie sich um die eiche und stein niedergesetzt, der Weydulut aber uf den stein das fell gelegt, sich darauf gesetzet, einen sermon gehalten von ihrem herkommen und alten ge bräuchen, glauben p. p., den (?) Zemyna, den Perkuns und andere mehr genennet. Nach gehaltenem sermon haben sie alle mit dem kopf auf die erde sich gebeuget, darauff er vom stein herab und unter sie gangen, worauf ein fressen und saufen entstanden, so bis in den dritten tag gewehret. Solch ziegenfell sollen sie aufgerichtet haben, wenn sie angefangen die wintersaat zu säen. Dabey sie mit allerhand abergläubischen possen das fleisch verzehret und zugleich braff herumbgesoffen haben. Es scheint, dass diese ceremonie eine reliquie sey der verehrung, damit sie vordem den Gurcho beehret haben.

О другомъ родѣ высокой жерди или столба, поставленныхъ въ день св. Ивана, и названныхъ Kaupole, Kupole, упоминаетъ тотъ же Praetorius въ продолжени (p. $^{24}/_{25}$)...

„...jetziger zeit haben auch die Nadroven und Zalavonen, wie auch die Zamaiten den gebrauch, dass sie in Iohannis, wenn sie zusäet haben, pflegen oben uff einer langen stange ein pusch von allerhandt kraut anzubinden, mit fröhlichkeit die stange erheben und an dem pfosten, da das heck ader da künftig die einfuhr des getreydigts, fest zu machen. Eine solche stange nennen sie kaupole, welche so lange stehet, bis man das getreydigt pflegt einzuaugsten. Denn nehmen sie denselben pusch von der stangen ab und legen ein theil des krautes, davon der pusch gemacht, unter das getreydigt und vermeinen, ein solches kraut, so durch die hitze der sonnen durchgetreuget worden, soll gutt vor das ungezieffer, ratzen, meyse seyn, dass sie das getreidigt in der scheune nicht fressen... Ein theil heben sie auf zur Artzney, den sie meinen, das solches kraut auch wider alle krankheit dienen sol".

Обращаемъ вниманіе на то, что въ первой выдержкѣ Praetorius жердь или столбъ называетъ „statua" (p. 24), козлиную кожу же, развѣшенную на столбѣ, „idolum" (p. 26).

Около дня св. Ивана совершался подобный обрядъ. „Um S. Johannis pflegen die wirthe ihr gesinde, in sonderheit die mägde, aufs feld zu schicken, Johannis-kraut[1]) zu sammeln. Wenn sie nun selbiges einbringen, nimmt der wirth oder wirthen soviel Kräuter als personen seind und steckt sie in die wand oder an den balken, zu dem ende, dass es ausblühen solle, da sie dann acht haben auf das kraut; dessen, das nicht blühet, von dem sagen sie, das er krank, auch wol gar sterben werde. Das übrige binden sie in ein bund, steckens auf eine lange stange mit frohlocken und setzen die stange am thorwege oder sonst wo künftig das korn geführet wird; diesen pusch nennen sie auch Kupole und die feier Kupoles; da der wirth auf sein preussisch wieder betet, dabei er die kauszel in der hand hält und nach seiner gewohnheit palabindams und żemynelaudams trinket, gott anrufet um einen guten heu-augst u. s. w." (p. 56).

Въ XIX вѣкѣ (1832) Schulz, прецenторъ въ Lasdehnen, описалъ бытъ Литовцевъ въ приходахъ Вилуны, Ширвивты, Шилены, Будветы и Вишвилы, подъ заглавіемъ

[1]) Kupola Johanniskraut, Hypericum perforatum. Nesselm. L. W. 211 s. v; выше жердь называется Kaupole; а дальше Kupole «pusch;» у Schulz'a «stange Kopolis;» по моему, всѣ эти слова образуются отъ лит. «Kupa, Kaupa» (ср. Kaupas), куча, польск. Kupa, отъ собраннаго въ кисть зелья.— Kupoles: торжество собраннаго зелья; сравни польское Wianki).

Einige Bemerkungen über die Nationalität der Litthauer. Рукопись in 4°, состоящая изъ 191 стран., находится въ Wallenrodsche Bibliothek s. sig. M. S. № 78, въ Кенигсбергѣ[1]). Съ 65 стр. начивается описавіе обрядовъ въ девь св. Ивана. Наканувѣ этого дня дѣвицы собираютъ румянокъ (ramune)[2]) и другіе полевые цвѣты. Раздѣлившись на двѣ партіи, при встрѣчѣ поютъ разныя пѣсни попеременно. Собравши цвѣты, возвращаются въ деревню „wo sie auf dem felde eine lange stange mit ihnen (т.-е. цвѣтами) umwunden wird, an welcher auch noch viele farbige bänder befestigt werden, die frei in der luft umherflattern. Diese stange, Kopolis, wird an dem ende des dorfes dem kornfelde zu aufgerichtet und wacker, aber nur von mädchen, unter gesang von johannisliedern zwei nächte und einen tag ununterbrochen bewacht und gegen die angriffe der jungen männer, welche sie zu rauben suchen, vertheidigt. Unter den mancherlei täntzen um den johannisbaum verdient der erwähnung, welcher einige aehnlichkeit mit einem modischen tantze des ausgebildeten deutschen volkes (der gallopade) hat. Die mädchen nemlich, welche den johannisbaum bewachen, schliessen, indem sie sich an die hände fassen, einen kreis um denselben und nehmen darin zwei andere mädchen auf". Всѣ дѣвицы пляшутъ около этой жерди или столба и поютъ, повторяя каждый стихъ: Ryla, rala padedaus. Ryluže, Raluže, padedaus[3]). Пляска пріостанавливается, двѣ же дѣвицы, находившіяся въ колѣ, продолжаютъ пляску и поютъ: Ryla, Rala, taj děkuj, Ryluže, Raluže, taj děkuj[4]). Затѣмъ первая въ колѣ (A) поетъ: Ryla, Rala, ko jeszkot[5]). Ryluže, Raluže, k. j.? Отвѣчаетъ другая въ колѣ (B): R. r. marczeiczu[6]); Ryluzè, r. m. A: R. r. kokios?[7]) B: R. r. Illutes[8]), R. R. Illutes.

Hierauf tritt das aufgerufene mädchen (Illute) aus dem kreise in die mitte und die, welche gerufen hat, schliesst sich an den kreis an. Und auf diese weise geht es weiter fort.

Ist nun der johannisbaum glücklich bis zur festgesetzten zeit bewacht worden, so wird er dann unter gesang wieder entkleidet und die daran angebrachten blumen gewissenhaft unter die wächterinnen vertheilt. Den so geweihten pflanzen wird eine besondere kraft zur abwehrung des schädlichen einflusses böser geister zugeschrieben".

Такимъ образомъ мы убѣждаемся, что для совершенія обрядовъ были поставлены столбы въ различныя времева года, по крайней мѣрѣ разъ во время св. Ивава, а затѣмъ во время посѣвовъ[9]). Если бы мы Kupole, поставленную въ день св. Ивана, назвали только „жердью", то мы уже навѣрно можемъ назвать „столбомъ" стволъ въ восемь саженей высоты, поставленвый во время посѣвовъ.

О другихъ столбахъ мнѣ не пришлось читать. Упоминается еще о пняхъ (kelmai), оставшихся послѣ срубки дерева, на которые иногда также клали жертвы, во едва ли можво ихъ назвать столбами. Впрочемъ о пняхъ очень мало вамъ извѣстно.

Что мы сказали о stułpas, относится также къ stěbas.

Переходимъ къ stabas. По мнѣнію Бецценбергера Stabas звачитъ „aufrecht stehender pfeiler", слѣдовательно тоже самое, что stěbas. Такимъ образомъ Stěbumeldiste

---

1) Этой рук. пользовался и напечаталъ ее, какъ собственное сочиненіе: Kuntze Bilder aus dem preuss. Littauen. Rostok 1884, что уже замѣчалъ A. Bezzenberger d. lit. haus.

2) Ramune, remune, matricaria chamomilla.

3) Вм. padeda Dews, helfe Gott. Nessel. L. W-buch p. 133 s. v.

4) Благодарю.

5) Кого ищите?

6) Невѣстку.

7) Какую?

8) Каролинку, Шарлоту.

9) Еще до сихъ поръ ставятся подобнаго рода столбы во многихъ мѣстностяхъ, обыкновенно въ маѣ мѣсяцѣ, или въ другія времена.

означаетъ тоже самое, что Stabumeldiste, Stabumeldimas[1]) t. j: „Anbetung, verehrung der (heiligen) säulen“, только не „bildsäulen“.

Stabas однако можетъ имѣть другое значеніе. Въ Курляндіи на берегахъ Двины, торчитъ скала, которую Густавъ Мантейфель[2]) еще до сихъ поръ называетъ „настоящимъ чудомъ природы“. Сначала звали ее Rags[3]), а затѣмъ „Stabenrags (столбій рогъ, Słupiróg); Kurisches horn, Stabenhorn“; ова имѣетъ 200′ длины а 70′ высоты. Въ приведеввыхъ этимъ ученымъ преданіяхъ о Stabenrags нѣтъ ни малѣйшаго намека на „столбъ“, а читаемъ постоянно о скалѣ, скалахъ, въ которую превратилась дѣвица, оплакивающая, словно Ніобе, потерю своего любимца; или, что въ этихъ скалахъ проживаетъ старикъ, раздѣляющій сокровища просителямъ[4]); или, что это дѣлаетъ дѣвица. Повторяемъ, что вездѣ рѣчь идетъ о скалахъ, а не о столбахъ. Зная теперь, что Литовцы поклонялись также камнямъ, скаламъ[5]), дѣлаемъ заключеніе, что тутъ stabas означаетъ камень, скалу, которой отдавали честь, и что Staburags имѣетъ значеніе каменный рогъ, а не рогъ столбовъ, столбій рогъ.

Такимъ же образомъ объясняемъ Stabunkalne, мѣстность въ Жмуди, упомянутую въ маршрутахъ Крестоносцевъ (Litauische Wegeberichte), посредствомъ „холмъ камвей“; а для почитанія камней посредствомъ „холмъ священныхъ камней“ и наконецъ холмъ божествъ[6]). Догадка наша подтверждается прусскимъ нарѣчіемъ, въ которомъ stabis значитъ въ самомъ дѣлѣ камевь[7]); отъ этого stabis много прусскихъ мѣстностей получило назвавіе[8]). Прусское stabni значитъ печку построенную изъ камней[9]).

Въ результатѣ оказывается, что stułpas, stėbas значитъ: 1) столбъ вообще, какой-бы онъ ни былъ; 2) столбъ, поставленный для совершенія обрядовъ, на верху котораго находилась распяленная кожа отъ принесенной жертвы, или пукъ, кисть полевыхъ плодовъ, или различнаго зелья — но никогда не значитъ какое-то искусственно сдѣланное изображеніе божества, имѣющее видъ человѣка.

*Stabas, stabis имѣетъ два значенія 1) тоже самое что stėbas; 2) торчащаго надъ землей камня, скалы. Они служили, насколько намъ до сихъ поръ извѣстно, алтаремъ, на который клали жертвы.

*Stabumeldis, stabumeldiste, stabumeldimas собственно озвачаютъ поклонника камней, поклонство камнямъ, а затѣмъ вообще идолопоклонника, т.-е. тоже самое, что stěbumeldis, stěbumeldiste, stěbumeldimas.

Какія же свойства должны были имѣть камни для того, чтобы они считались священными, мнѣ не извѣстно. Rostowski говоритъ только: Saxa pro diis culta и что такая скала была Saxum grandius[10]).

Мы уже упомянули[11]), что много мѣстностей получило наименовавіе отъ stabis, камень; число приведенныхъ можно еще увеличить, напр., Stabigoide villa (Mon. Hist. Varm. № 246, докум. 1357 г.); Paitistabs locus, (въ Самбіи или Сембіи), вблизи двухъ большихъ камней (A. P. M. Sch. VII, p. 308, 602); Gildestabs locus (ibid. p. 396); Stabo-

---

1) Мандатъ съ 1578, напечатанъ и объясненъ А. Беценбергеромъ Göttinger Nachrichten 1877, № 12, 241—264.
2) Słupi Róg. Kraków. 1885, p. 5.
3) Тамъ же p. 7.
4) Тамъ же 10—14.
5) ŻML. I, стр. 79/80.
6) ŻML. II, стр. 105.
7) Nesselm. Thes. s. v.
8) ŻML. I, стр. 79.
9) Nesselm. Thes. s. v. и Berneker l. l. 323 s. v.
10) L. l. p. 271.
11) ŻML. стр. 79/80.

brast, ad vadum Stabobrast pruthenice dictum (ibid. p. 298 и 599); Sarguttinstabs, qui dicitur Sarguthinstein (ibid.).

Были также камни, имѣющіе собственныя имена, въ которыхъ stabis не обозначено; нпр. Plausdinis doc. 1284 г., Kogonassantle lapis (Cod. dipl. Varm. I, doc. № 103); Tamissis v. Tanussis lapis (ibid, doc. 112); Mutercaupe, eyn steyn der da heizet (ibid. Reg. 183); Ubbacobe (A. P. M. Sch. VII, 296) не названіе камня, а дуба[1]). Deinde ad aliam quercum, que Ubbacobe, juxta quam grossus lapis jacet in terra[2]).

Людвигъ Юцевичъ напечаталъ въ журналѣ: Tygodnik Petersburski (1836 г. № 17, 105) статью изъ Шавельскаго уѣзда подъ заглавіемъ „Kamienie litewskich bogiń", которую для рѣдкости этого журнала здѣсь приводимъ въ переводѣ.

На берегу рѣчки въ имѣніи Керeжи[3]) лежалъ рядъ выглаженныхъ камней, симметрически (?) расположенныхъ. Всего было ихъ 14, каждый въ три локтя длины. Спрошенный объ ихъ значеніи человѣкъ отвѣтилъ: камни у древнихъ Литовцевъ, расположенные при рѣкѣ, означали мѣсто, посвященное богинямъ, Dejwas Walditojes[4]), власти которыхъ, какъ у Грековъ Паркамъ, была ввѣрена жизнь и смерть человѣка, съ тою однако разницей, что у Литовцевъ было ихъ больше, и что не нить означала жизнь человѣка, а полотно, выдѣлкой котораго они занимались. Всего было ихъ семь (?). Первая пряла ленъ изъ кудели, ввѣренной ей самимъ высшимъ божествомъ „вѣроятно Okopirnos'омъ" (!) и называлась Werpantiey[5]); вторая Metantiey[6]) протягивала прекрасныя нити. Третья Audietoy[7]) ткала полотно, четвертая же Gadintoy[8]) прекрасными словами и разсказами очаровывала ихъ душу до того, что всѣ другія прекращали занятія и слушали; она же тотчасъ пользовалась этимъ и портила имъ полотно. Отъ этого постигали различныя несчастья того, полотно котораго попало въ ея руки... Пятая Sargietoy[9]) вела съ послѣдней упорную и постоянную борьбу и мѣшала ей въ ея обманчивыхъ разсказахъ тѣмъ, что приводила ея слушательницамъ на память героическіе подвиги Литовцевъ, ихъ побѣды и пр. Счастливымъ былъ тотъ человѣкъ, покровителемъ котораго была Sargietoy во все время, пока Dejwa Nukirptoy[10]) не отрѣзала полотно его жизни. Седмая богиня была Yszskałbtoy[11]), обязанностью которой было стирать отрѣзанное богиней Nukirptoy полотно.

Изъ этого полотна дѣлали умершему рубашку.

Этимъ богинямъ были посвящены камни на берегахъ рѣкъ и потоковъ. Каждый житель имѣлъ свой отдѣльный камень, на которомъ клали жертвоприношенія; воины приносили головы враговъ (?), или извѣстную часть добычи, хозяева плоды, дѣвицы ленъ.

Сохранилась одна пѣсня, сочиненная въ честь Deiwa Yszkałbtoj, начало которой слѣдующее:

---

1) Намъ уже извѣстны названія дубовъ Baublis и Bamblis; см. Ромове § 3.

2) Часть этихъ названій приводитъ Nesselm. Thes. s vv. и Pierson Litauische Aequivalente въ AMP. Sch. VII, (1870), p. 599.

3) См. Kiereży Słow. Geog. s. v.

4) Божества-Владѣльницы.

5) Verpąs, verpanti, прядущая; съ указательн. мѣстоим. verpąsis g. masc.; verpanczoji g. fem. «эта прядущая» (Schleich. Gram. p. 214); жмудзская форма: Verpantioji; verpantieji?

6) Metu, mèsti бросать, метать, снуть; das garn aufbringen Ness. L. W., part. pr. съ указ. metąsis, metanczoji; жмуд. metantioji; metantieji? эта снующая.

7) Audmi, и audziu (Ширвидъ), и audėju пряду, какъ слѣдуетъ принять по аналогіи съ sergmi, и sergiu и sergėju; inf. sergėti; такъ и inf. audėti, nom. ag. Audė-toje Schleich. gr. p. 100.

8) Gadinu-gadinti портить; nom. agentis Gadin-toje портящая.

9) Sergmi, sergiu, serg-eju inf. sergėti стеречь, оберегать; nom. ag. Sergė-toje, жмуд. Sargė-toje стерегущая.

10) Kirpiu, kirpti стричь нпр. овецъ; nukirpti отрѣзать, тутъ отрѣзать полотно; nom. ag. Nukirp-toje, отрѣзывающая.

11) Skalbiu, skalbti стирать, мыть бѣлье; iszskalbiu, стирать до-чиста, nom. ag. Iszskalb-toje, стирающая.

Oj dejvute dejwuziały,
Yszskalbk mana amžutiały,
Kad skajstus ejty galecziau,
Nuogas danguj ne stowiecziau[1]).

Охотнѣе всего собирались эти богини въ лунную ночь; сѣвъ ва камняхъ, занимались своей работой. Окрестная молодежь очень часто ихъ видѣла, и отъ нихъ не испытывала никакихъ непріятностей. Но если она не оказывала имъ должнаго уваженія, тогда она подвергалась наказанію, даже смерти.

Описанные камни видѣны Юцевичемъ въ с. Кережи (Kiereży) Шавельскаго уѣзда, въ имѣвіи Мартина Урбановича; нѣсколько десятокъ лѣтъ тому назадъ находились такіе камни при рѣкѣ Шешува, недалеко отъ Шынолавковъ, имѣнія В. Станевича, которыми выстроили фундаменты. Г. Норейко разсказывалъ, что большое ихъ количество видѣлъ въ Тельшевскомъ, Упитскомъ и Вилькомирскомъ уѣздахъ. Народъ называетъ ихъ „Dejwa (?) Akminaj[2]). Эта статья подписана: Л. А. Юцевичъ. Вильно 1836. 26 февраля.

Оставляя въ сторонѣ литовскаго мужика (wieśniak) съ его знакомствомъ съ греческими Парками, и съ его хвастовіемъ, что у Грековъ только три, а у Литовцевъ ихъ больше, именно семь Паркъ, и что греческія Парки только прядутъ нить, литовскія же и прядутъ и выдѣлываютъ полотно человѣческой жизни, дѣлаемъ только намекъ на то обстоятельство, что въ разсказѣ Юцевича смѣшаны извѣстія объ общихъ священныхъ камняхъ и частныхъ, почитаемыхъ каждымъ семействомъ отдѣльно. Достовѣрными данными считаемъ почитаніе извѣстныхъ камней вообще, положеніе на нихъ жертвоприношеній и названіе ихъ Deives. Невѣрными же — сравненіе этихъ deives съ греческими Парками, затѣмъ сообщеніе, что ихъ было семь, такъ какъ это число не согласуется съ общимъ вѣрованіемъ въ святость числа 3, 3×3, и $3 \times 3 \times 3 = (3 \times 9)$. Имѣя же въ виду, что Литовцы для каждаго дѣйствія и занятія изображали себѣ покровителя, мы можемъ приведенныя собственныя имена считать достовѣрными, такъ какъ онѣ всѣ представляютъ собою отдѣльные моменты сложнаго дѣйствія, начиная съ пряденія льна до окончательной выдѣлки полотна. А такого рода занятіе принадлежало къ важнѣйшимъ въ жизни литовскаго человѣка. Пряденіе льна навело Юцевича на сравненіе этихъ покровительницъ съ греческими Парками, изъ которыхъ Клоѳо начинаетъ прясть нить человѣческой жизни, Лахезисъ прядетъ ее черезъ всю жизнь, а Атропосъ прорѣзываетъ ее.

Послѣ окончанія нашего труда я получилъ 22-й выпускъ журнала Mitteilungen der litauischen literarischen Gesellschaft. 1897, въ которомъ, ва стр. 393—5, Ѳ. Вольтеръ подъ заглавіемъ „Perkunastempel und litauische Opfer oder Deivensteine“ помѣстилъ весьма интересныя выдержки изъ отчетовъ Іезуитовъ, одну изъ Annuae Litterae Soc. Iesu anni 1600. Antverpiae 1618, p. 550/1, другую изъ такихъ же Annuae Litterae ann 1605. Antv. 1618, p. 944.

Для новости и важности содержанія этихъ выдержекъ позволю себѣ привести буквально эти свѣдѣнія, которыя могутъ служить объясненіемъ занимающаго насъ вопроса.

...Alibi[3]) lapides non parvi in horreis in terra defossi, superficie plana sursum versus, non terra sed stramine contecti, asservantur, quos Deyves appellant, atque ut

---

[1]) Oj deivute deivužěle, (i) — Ой богиня божечокъ!
Iszskalbk mana amziutěle, (i), — Очисти мою жизнь,
Kad skaistus eiti galěczau, — Чтобы я могъ чистымъ явиться,
Nůgas danguj ne stověczau. — Неодѣтымъ (неопрятнымъ) не представляться въ небѣ.

[2]) Форма Akminaj для меня не ясна; вѣроятно слѣдуетъ писать Deives akmeninies, либо Deiwas akmeninies каменныя божества. Но если Akminaj въ самомъ дѣлѣ жмудзская форма, то исправленіе Ѳ. Вольтера Deiva въ Deivu проще. Mitteil. l. l. p. 395.

[3]) Сообщенія отрывка вѣроятно касаются Латышей.

custodes frumentorum et pecorum religiose colunt. Locus[1]) ipse ita ab omnibus observatur religiose, ut nemo accedere proprius audeat; quod si quis eum attingat, eum coufractum iri creduut. Mactant porcellum lactantem, omni parte nigrum, quem coctum[2]) pater et mater familias cum anu sacrifica[3]) comedunt; particulas autem tam ex porcello, quam ex aliis cibis, si qui forte parati fuerint, cum ter novem[4]) buccellis panis anus in horreum defert, ubi dictum Deyves sola, remotis omnibus, placat. Ad quendam rusticum e morbo decumbentem daemon[5]), specie deum referens, venit, suadens, ut si pristinam recipere vellet salutem, pateram cerevisiae sibi quotannis offeret et sexta feria ab omni opere abstineret. Alius gallinam ad ripam fluminis sacrificium annuum offerebat, quod aliquando in ejus fluminis transitu grave periculum adiisset; illa oblatione placatum sibi flnvium reddere studebat. Nonnulli, quoties nascitur infans, ad lacum deducunt hoedum, ibi capite et pedibus praecisis, truncum in lacum injiciunt: quo ritu deo gratias agunt, quod partus sit editus feliciter. Vulgo credunt feminam, quae non placato prius Deyves, Christiano eum non colenti nuberet, macie confectum iri; pecora, si quae in domum mariti, non facta pro illis oblatione, adduceret, esse interitura. Hos lapides primum quidem aegre, ut demonstrarent, adduci potuere, veriti, ne quod malum grave in poenam numinis violati incurrerent. At ubi viderunt impune a nostris suos deos abjecte tractari et pedibus conculcari, stultitiamque suam rideri, tum et ipsi accurrere intrepidi, lapides effodere suamque in tam vilibus diis colendis stultitiam ridere et admirari non cessabant (p. 550/1).

Und in denselben Annuae Lit. Soc. Jesu vom Jahre 1605, Antv. 1618,.. lesen wir auf seite 944 über Litauens Deyvensteine noch diese worte: Quidam rudissimi villani opera nostrorum pravam exuere consuetudinem colendi lapidem quendam, quem horre[1] ac foecunditatis[6]) domesticae felicitatis deum esse putarunt. Ohne auf die weiteren sehr wertvollen Schätze dieser Jesuitenberichte einzugehen, heben wir hervor, dass dreier götter und ihrer verehrung ibid. erwähnt wird: des deus dirvolira gleich * dirvolita für dirvalyte, des deus Nosolum nuncupatus, vielleicht ouzolius[7]) eichengott, und endlich des schon aus Rostovski bekannten Dimstipatis[8]). Dem ersten opferte man schweine, dem zweiten ziegenböcke, (caprum immolant ejusque sanguinem in fluvium effundunt eo fine, ut prosperent eorum fruges hi Dij); was man dem dritten opferte blieb unbekannt. Hujus dei colendi ritum Patri quaerenti nolebant omnino patefacere (p. 494).

Изъ этого отрывка оказывается, что Литовцами были почитаемы не только камни, лежащіе подъ открытымъ небомъ и торчащіе надъ землей, какъ мы до сихъ поръ думали, но также такіе, которые находились подъ крышей, вкопанные до равной поверхности съ землей; дальше, что Юцевичемъ въ самомъ дѣлѣ оба рода камней были смѣшаны, и что словомъ Deives обозначались и тѣ и другіе камни, а не только призраки, пугала.

1) Focus, повидимому опечатка.
2) Не жареное.
3) Помимо присутствія отца и матери семейства.
4) Это священное число въ обрядахъ.
5) Имя этого божества исцѣленія не сообщено.
6) Въ подлинникѣ: horrei ac foecunda[1] (опечатка?), domesticae felicitatis deum.
7) Onzolius опечатка.
8) Rost. L. l. p. 119 (Dimstipam).

Приложеніе VII.

Погоды въ прибалтійскихъ земляхъ.

На вопросъ, возможно ли допустить, чтобы огонь въ воздухѣ, хотя бы онъ былъ расположенъ подъ громаднѣйшимъ деревомъ въ самомъ густомъ лѣсу, горѣлъ непрерывно и вѣчно, мы по поводу атмосферичныхъ, неблагопріятныхъ явленій, каковы сильные морозы, громадные снѣга, проливные дожди, орканы, только можемъ дать отрицательный отвѣтъ. Отыскивая въ различныхъ хроникахъ матеріалъ для литовской миѳологіи, мы также обратили наше вниманіе на различныя, довольно часто попадающія замѣтки объ атмосферичныхъ явленіяхъ, доказывающія, что именно по ихъ поводу оказывается невозможнымъ, чтобы огонь подъ открытымъ небомъ непрерывно горѣлъ, и что для достиженія этой цѣли онъ долженъ былъ находиться подъ извѣстной охраной, каковую только могло доставлять крытое строеніе. Такая же охрана необходима была также для стерегущихъ огонь людей, жрецовъ со всѣмъ ихъ достояніемъ. Съ этимъ результатомъ связанъ вопросъ другой, а именно, въ какомъ видѣ представлялось такое строеніе, и для рѣшенія его мы должны были обобщить его въ особомъ изслѣдованіи о строеніяхъ вообще въ прибалтійскихъ земляхъ (Прил. VIII).

Въ настоящемъ приложеніи мы собрали атмосферическія явленія въ упомянутыхъ земляхъ, случившіяся въ теченіи двухъ вѣковъ, до 1417 г.. т.-е. до того времени, когда Жмудь, послѣдняя языческая, литовская земля, оффиціально уже приняла крещеніе.

Таковъ же матеріалъ для Пруссіи собранъ въ статьѣ: Nachrichten über besondere Witterungs-erscheinungen in Preussen, während des 14, 15, 16 und 17 Jahrhunderts. Zusammengestellt von F. Strehlke und E. Strehlke. A. Pr. M. Sch. Bd. X. Herausgeg. von Rudolf Reicke und Ernst Wichert. Kngsbg. 1873; Hct 8. pg. 650.

1204. Christiani... frigore multos dies deducentes (Лот. Chr. Liv. p. 84. 4).
Non valentes autem propter gelu, quod immensum erat, navim littori applicare, eam in glacie relinquunt (Ib. p. 86).

1205. Letthones (здѣсь Литовцы)... propter nimiam profunditatis nivis per unam tantum viam singuli gradiuntur (Лат. ib. p. 88. 3).

1208. Nocte vero sequenti factum est gelu maximum (Лат. ib. p. 128. 6).

1210. Multi etiam paganorum, qui in silvis et in glacie maris per fugam evaserunt, frigore congelati perierunt (Эст. ib. p. 146. 10).

1212. ...et in glacie euntes in Livoniam redierunt (Эст. ib. p. 162. 7).

1215. Rigenses cum Livonibus et Letthis... euntes in glacie maris, quod erat continua frigoris asperitate congelatum firmissime... prae nimia frigoris intensione castrum expugnare non potuerunt... quidam frigore congelati ceciderunt (Эст. ib. p. 198. 9).

1218. Et occurrit eis ventus ab aquilone frigidissimus. Erat enim frigoris tanta asperitas, ut extremitates membrorum ipsorum in frigiditate multis perirent, et aliis nasus, aliis manus, aliis pedes congelarentur et omnibus nobis domum postea redeuntibus, nova cutis in facie supercresceret, vetere projecta. Quidam etiam postea mortui sunt (Эст. ib. p. 224. 9).

1218. Post festum nativitatis Dominicae conveniunt seniores Livoniensis ecclesiae expeditionem indicentes .. sed a ventis australibus et pluviis impediuntur (Livonia, ibid. 236. 8).

1219. Zu swurben[1]) vuren sie ubir se,
Das ist genant das osterhap,
Als es perkune ir apgot gap,
Das nimmer so hart gevros (Эст. Alnp. 1434—37. p. 59).

1226. Consumatis itaque festis Natalis et Epiphaniae Domini, nix tegit terras et glacies undas, eo quod superficies abyssi constringitur et aquae durantur in Livonia, ut lapides, et fit glacies estque melior via super aquas, quam terras (Liv. Chr. Liv. p. 304. 3).

1227. Das wart im doch gemachet kunt,
Das also starke gevrure der sunt,
Damite das lant bevlossen ist (Alnp. 1633—35).
Wer da suchen wil mit her
Es wirt in winter kalden tagen,
Es mochte hundert her getragen (Лат. Эст. Alnp. 1640—2).

1259/60. Do man begunde buwen
Doben — des sult ir getruwen
Do was der winter harte kalt (Лат. Жм. Alnp. 5479—81).

1261. ...darnach in kurzer vrist.
Wart ein winter also kalt,
Das manchir oseler entkalt.
Des winters macht die was so gros,
Das sie die wilden sehe beslos
An allerhande stuke,
Sam es were ein brucke
Zwischen osele und eistlant (Эст. Лат. Ib. 6152—59).

1264. Dy quamen zcu Prusyn mite groszem volke... abyr der winttyr waz zo weich, daz sy leidyr den vindin keyn arg gethun mochtin (Прус. Aeltere Hochmeister Chronik c. 69 въ S, R. P. 111 p. 568).

1265. Im nesten jare... do waz der winter aber weich (Прус. Ib. c. 70).

1270. Der winter der was also kalt,
Des mancher muter kint entkalt (Alnp. v. 7833).
Das ies, das uf dem mere lac,
Der grosen burden[2]) nicht erschrac,
Die es zu beideu siten truc;
Es war in allen uaste gnuc (Лат. Эст. Alup. 7847—50).

1279. Der winter der was also kalt,
Das manich mensche entkalt
Von cristen und von heiden.
Da ervros von in beiden
Manich unverzageter helt,
Kune und da bie us erwelt (Лит. Alnp. 8489—94).

1322. Съ 30 ноября до марта господствовалъ на Балтійскомъ морѣ ужасный морозъ... In der Osterzee wuste nement jeneghe sunde eder wathere, se ne weren mit yse hart beleghet (Detmar S. R. P. III 65, прим. I).

1323. In hac hyeme intensissimum fuit gelu, sic quod quasi omnes arbores fructifere in partibus Lyvonie et Prussie aut omnino aruerunt, vel infra multos annos

[1]) Schworben на островѣ Эзель.
[2]) Var. burgen.

vires pristinas resumere non valebant. Unde licet exercitus magnus a fratribus congregatus venisset fere ad medium vie inter Lethoviam et Prussiam, tamen ultra procedere non valebat, quia pre nimio frigore communis populus periisset (Dusb. c. 342 (335) S. R. P. I 186/7. Прус. и лит.).

1323. A. D. (13) 23 fuit frigidissima yemps et intensissima et continuata in nive. (Прус. Can. Samb. S. R. P. I p. 282).

1323. (15 авг.). In deme sulven jare in deme daghe Unser leven Vrowen der hemelvart, do was grot dusternisse van reghen, storme, dunner in der lucht[1]), dat darvore des ghelikes[2]) nicht vele was vornomen. Bi den daghen, de do leveden, de lude, worden sere vorveret; oc scach grot schade, sunderliken in Prutzen (Detm. S. R. P. III p. 65).

1327. (14 февр.). In deme jare Cristi MCCCXXVII in sunte Valentinus daghe, do was so greselik dunner, hagel unde stormwint in Prutzen, dat vele mechtiges buwes nedervil van unwedere und schach grod schade (Detm. S. R. P. III p. 66/7).

1331. (Послѣ 6 янв.). A. D. 1331. Post festum epyphanie fuit frigus adeo vehemens intensum, quod multi homines in Lyvonia et Estonia et Curonia perierunt (Can. Samb. S. R. P. I 285).

1331. (3 марта). In deme sulven jare in deme dridden sundaghe der vasten, do was de Wisla bi Torun in Prutzen so hoghe upghestowet van ys weghene, dat se vordrenkede vele lude oc quekes unde buwes, unde dede groten schaden (Detm. S. R. P. III 69/70).

1360. (15 авг.). Anno 1360 in die assumpcionis beate Marie fuit magnus impetus venti, quod in parvo spacio terre prope Grunehof ceciderunt ultra quatuor sexagenas magnarum quercuum funditus eradicatas. Campanile in Mispilwalde cum campanis integrum sine fractura fuit motum de loco suo ad spacium XIII pedum (Прус. Ann. Thorun. S. R. P. III 79/80).

1360. Anno domini 1360 was gros wint umbe assumpcionis Marie, das dy eychin unde dy bowme umvilen usz der erdin mit den worczeln. Der wint furte eyn glochus zcu Mispilwalde bobin XL (? ср. выше) fusze von der stat, als is stunt, mit den glocken, unde bleb dach gantcz (Pos. S. R. P. III p. 79/80). Тоже самое сообщаетъ Detmar ошибочно подъ 1359 г.

1361. In deme sulven somer was so grot hette[3]) in Prutzen, das vele kornes verbrande up deme velde. (Det. S. R. P. III 81).

1361. In desin czeiten was der zomir gar heis, das das getreide viel vordorrete ane reyn; unde der winter enfros wenig ichtes icht[4]), das man nicht usz mochte komen zu reisen (Pos. S. R. P. III 81).

1363 Anno domini 1363 was vil gruwsames weters, donre uude blitze, das die luthe sulches weters unde gewitters nicht su vil gedochten, als dis yor was; unde geschach ouch vil schade dovon (Pos. S. R. P. III 82/83).

1364. Anno domini 1364. In desim jare was so herter winter unde werte eyn virteil jares, das man vil guter reysen tate den winter mit grossin vromen (Pos. S. R. P. III 83. Тоже самое сообщаетъ Detmar подъ 1363 г. съ добавле-

[1]) Luft.
[2]) Desgleichen.
[3]) Hitze.
[4]) Etwas.

ніемъ: Bynnen der tyd vorghing vele volkes unde queckes[1]) van vroste. Ib.).

1365. Darna wort in Prutzen so tidigen[2]) jar, dat dat korn hadde arn in suute Urbanus dage (25 мая) (Det. S. R. P. III 84).

In deme sulven jare des dinxstedages to pinxsten (3 Іюня) umme vespertyd dages, do vil hagel so grot in Prutzen alse eyere, unde warde den neghesten dach over, unde dede deme korne groten schaden (Det. S. R. P. III 48).

1366. In deme sulven jare bi sunte Gallendage (около 16 окт.) do schegen in Prutzen so grote tekene[3]) in der lucht, dat des ghelikes was ne vornomen. In ener nacht vloch in deme hevene dat vur[4]) alse vurighe blase unde warde von (mid)dernacht beth in den dach (Det. S. R. P. III 85).

1368. Darna dre tage na sunte Ghertrudes dage (около 20 марта) do was so grot dunre in Prutzen unde unwedder, dat vor Ilghincberch[5]) slogh id entwey enen balken in der molen. Darsulves sloch id enen manne dat been entwe unde enen wive den arm entwe, das se beide legen up deme bedde (Det. S. R. P. III 87).

1372. A. D. (13)72 geschach gros schade von deme donre und hayle (sic) an dem getreyde. Ouch vil also gros snee uf den Karefritag (26 марта), das die lute kume mochten komen czu iren pfarren; und audirs wunders vaste vil geschach ouch in desim jare (Прус. Pos. S. R. P. p. 91).

1372. .....qui omnes libenter ivissent contra Letwinos, sed aura prohibuit; aque enim non fuerunt congelate (Прус. Her. de W. S. R. P. II 101).

1372. Въ февралѣ... sed quia hyems talis fuit inabilis ad reysas, hospites... tristes revertuntur (Прус. Ib. p. 568).

1374. A. D. (13)74 was gros wint, das uf eyne czüt vil gebuwdes und schunen derneder vilen von dem sthorme (Прус. Pos. S. R. P. III 94).

1375. 5 февр. Frigus fuit maximum et nivium profunditas ac durities, quod totus exercitus non potuit nisi singillatim transire (Лит. H. de W. S R. P. II 106)

1376. A. 1376 comes de Cleven fuit in Prussia et multi validi milites et barones; sed marscalcus non potuit stare propter hiemis humiditatem (Прус. Ann. Thor. S. R. P. III p. 99).

Anno domini (13)76 was im lande der grafe von Cleve und vil rittir und knechte, und man kunde nicht gereysen, wend der winter gar weich was, und was ouch so gros wassir, das dy Wysel usbrach an vier enden, das den werderen gros schade geschach (Pos. S. R. P. III p. 99/100).

Item in desim zomir was is so truge, das die Wysel vor Thorun so cleyne und sichte was, das man sie mochte obirwaten an vil endin. Ouch bluetthin die bowme uf den herbist an vil enden (Прус. Pos. S. R. P. III 104).

In deme sulven jare was de hervest so droge unde so warm, dat in Prutzen bi sunte Gallendage (26 окт.) vele bome bloyden[6]) (Прус. Det. S. R. P. III 104).

---

1) Vieh.
2) Zeitiges.
3) Zeichen.
4) Feuer.
5) Gilgenburg.
6) Blüheten.

1379. Anno domini (13)79 was der winter gar unstete, das die Wysel drystunt[1]) bestunt und weder abeging, das nicht reyse wart (Прус. Pos. S. R. P. III 109/10).

...Item aggeres insulares fuerunt rupti... et isti de magna insula (d. grosse werder) propter magnitudinem aque et glaciei vix se continebant (Ann. Thor. III p. 110).

Item was huer gar eyn fru jar, wend um sinte Johannis Baptisten tag (24 іюня) was der auwst[2]) das meiste teyl geschen, und die kyrsen woren ryfe vor pfingesten (до 29 мая), und der win uf Jacobi (25 іюля) (Прус. Pos. S. R. P. III p. 111/12).

1379. In deme somere des jares in sunte Johannis Baptisten dage, do was de rogge ripe[3]) in Prutzen unde was in vele jeghene[4]) des landes alrede meyet[5]) (Det. S. R. P. III p. 111/112).

1379. Ouch mit dem letzten froste tate der marschalk eyne gute reyse (Прус. Pos. S. R. P. III 110. — См. Ibid. p. 109).

1380. Anno domini (13)80. In desim jare was weich winter, das man nicht mochte gereysen (Pos. S. R. P. III 113).

Anno 1380 non fuit reise propter defectum nivis et glaciei (Прус. Ann. Thor. S. R. P. III p. 113).

1383. A. 1383 non potuit esse reysa propter defectionen hiemis (lb. p. 124).

Anno domini 1383 was der winter gar weich, das man nicht mochte gereysen (Прус. Pos. S. R. P. III 124).

1384. Anno 1384 worin vil geste[6]) czu Kongsberg und der winter was weich, das man nicht mochte reysen (Прус. Pos. ibid. 129).

A. 1384 non fuit hyemps, ideo neque reysa (Прус. Ann. Thor. ibid. p. 129).

1385. Fuerunt multi hospites in Prussia, sed non fuit reysa defectu hiemis (Ann. Thor. ibid. p. 136).

Anno domini 1385 do worin gar vil geste czu Kongsberg unde men mochte nicht reysen, wend is nicht herte winter was (Pos. ibid. p. 136).

1386. ...sed nou fuit reisa, quia hyems nimis cito dissoluta (Ann. Thor. p. 144).

1387. Anno 1387 fuerunt hospites in Prussia... qui per Marchiam intraverunt; sed non fuit reysa, quia nives fuerunt in partibus inferioribus nimis magne (Ann. Thor. S. R. P. III 148/9).

Reyse quedam in hyeme erant, sed non consumate propter aure intemperiem (Wig. c. 141. S. R. P. II 633).

1388. A. D. 1388... doch wart nicht reyse weters halbin und man mochte nicht gereysen (Pos. S. R. P. III 149).

Item dry tage vor Margarethe (10 іюля), was so gros reyn im lande czu Pruszin, das desin gebitegeren: Strasburg, Redin, Roghusen, Engelsberg ere molen usbrochin, und geschach gros schade, das des Kompthurs gemach von Grudencz nedir vil in die Wysel. Und czu Fredecke (Wąbrzeźno) vylen czwene torme neder in deme vorborge, und die mole czu Starkinberg, und die mole vor dem huse brochin ouch us, und ouch schach schade

---

[1]) Drei mal.
[2]) Ernte.
[3]) Reif.
[4]) Gegend.
[5]) Ueberal gemähet.
[6]) Князья, графы, вельможи съ войсками.

au deme huse czu Roghusin. Ouch worin dy temme do vor purificationis Marie (2 февр.) usgebrochin, das das grosze werder und ouch das cleyne, das dy werder alle worin beflossin. Und dornoch czu ostern (29 марта) brochen sie andersweit us, und was so gros wasser, das die lute des glichin nicht gedochtin (Pos. S. R. P. III 152/3).

1388. (11 нояб.). Die Mymmel gefros, das man die schiff muste lassen czu Rangnith, und die lute muste das meiste teyl czu fusze heym geen (Pos. l. l. 154).

1389. Anno domini 1389 was so gut winter, als her by manchen jaren gewest was (Pos. l. l. 155).

(28 февр.) ... und do sie weder uswoldin, do was der snee gros (Жмудь. Pos. l. l. 157).

Item in desim jare wart wening hering gefangen: also beczitin quam der winter, das man nicht geschaffen mochte (Прус. Pos. l. l. p. 160).

1391. A. 1391 non fuit reysa propter tarditatem hyemis (Ann. Thor. l. l. p. 168).

Anno domini 1391 was weich winter, das man nicht mochte gereysen, alleyne vil geste worin in deme lande (Pos. S. R. P. III 166).

Item was dis jor gar truge ane reyn, und der nordinwint stunt lange czüt, das wening getreydes wuchs (Pos. l. l. 170).

(Послѣ 6 дек.). Do wart das weter also weych, das sie weder heym musten czin. Лит. окрестность Гродно (Pos. l. l. 176).

1393. Der marschalk wolte vort habin geczogin ken Salseniken[1]), do kunde her nicht vor wetter, wend is sere towte[2]), das sy kume weder komen mochten obir die Mymmel. Und woren XV nacht in dem lande. Лит. въ февралѣ (Pos. l. l. 191).

1395. Anno domini (13)95 was weych winter, das man nicht mochte gereysen (Pos. 199).

1396. A. 1396 non fuit reysa propter multitudinem et profunditatem nivium (Ann. Thor.) S. R. P. III 202).

Unde deden dar nynen vromen, wente alto vele snees hindernde en in deme weghe (Det. S. R. P. III p. 202).

1396. A. D. 1396 quam der herczoge von Gelre in das lant, und man hette gerne gereyset, man mochte nicht, wend vil snes was, und undir deme snee was is ungefroren; und woren komen mit deme heere in dy wiltnisse[3]) und muste weder keren (Жмудь. Pos. 202).

1397. Ouch mochte man nicht gereysin, wend der winter weich was (Прус. Pos. p. 209).

1398. Sed quia non fuit constrictio, ire non potuerunt (Ann. Thor. S. R. P. p. 217).

An. Dom. (13)98 czuhant noch wynnachten was der meister gereyt[4]) und wolte reyse habin geczogin; do brach das weter und was so unstete, das is underwegin bleyb. Dornoch uf die vastin (20 февр. 1399) fros is gar sere weder (Прус. Pos. S. R. P. III 217).

Item in desim jare was vil reynes in dem Awestmonden und hewmonden, das vil getreydes und hews vortarb und vorfulete (Pos. l. l. p. 225).

1399. Anno 1399 in principio XL me (12 февр.) domini nostri intrarunt in magnis nivibus terram Samaytarum (Жмудь. Ann. Thor. S. R. P. III 226).

---

1) Soleczniki въ Литвѣ.
2) Tauete.
3) Западная граница Жмуди.
4) Bereit.

Anno domini (13)99 mochte nicht reyse werdin, wend das weter gar unstete was gewest, das kein frost nicht redelich was, wen uf sente Lucientag (13 дек. 1398) hub is an czu frysen und werte bis Invocavit (16 февр. 1399). Ouch woren wening geste ym lande; ydoch reysete der marschalk ken Samaythin in das land czu Medeniken noch unser frouwintag purificacionis (послѣ 2 февр.) und lag IV nacht in dem lande. Das weter ging yn abe, das sy nicht lenger dorynne mochtin blibin (Жмудь. Pos. l. l. p. 226).

In deme jare Cristi 1399 do was so grot vrost in deme wintere, alse ye bi den daghen unses levendes was vornomen; men mochte in der tit wanderen up deme yse von Rostok bet in Dennemarken; dat sulve dede men van Lubeke ut over ys went to dem Sunde (Stralsund) (Det. S. R. P. III 225/6), см. выше.

1402. A. D. XIIII[c] secundo was der winter beyde[1]) vor winnachten und ouch dornoch alzo weych, das man nicht mochte gereysin (Pos. l. l. p. 254).

Item an dem ende des februarii und in dem beginne des merczen entstunt eyn comete ken der sonnen undirgank, und schein wol IIII wochin alle obinde mit grosin flammen. Und die meister der astronomyen wissaten, das her wurde bedutin grosin krig in vil landin und vorgisunge des blutes und grosze trockinheit ane reyn; das ouch geschach (Pos. l. l. p. 256/7).

1405. Item was der herbist gar nas und vil reynes und fuchte, das vil lute blebin ungeseÿget obir winter und fros nicht bis e noch sente Lucientag (13 дек.) (Pos. Forts. l. l. p. 281).

1406. A. XIIII[c] sexto was der winter gar weich, des man nich mochte gereysin (Ib. p. 282).

1406. Ouch was deser winter ane allin vrost und reynik, das keyne flys bestundin, und dy lute gedochtin des glichen nymer. Und die lute storbin vaste in vil enden; ydoch was is nicht gemeyne obirall. Dornoch conversio Pauli (23 янв. 1407) wart frost also, das die Wysel bestunt und etliche andere flys; und werte doch nicht lange, und ging snellichin weder ab und bleib dornoch lustig (sic) und der gancze monde aprilis was sundir sne und vrost und reyn (Pos. Forts. l. l. 284).

1407. Anno XIIII[c] septimo was der winter weich ane frost, als vor gescrebin ist, des glichin nymont gedochte. XIIII tage noch wynnachten (8 янв.) lys ich grabin im garthin und petircylien und moen seen, als noch ostern; und was gemeynlich in Dutschin landin also, das is donnerte sam in dem zomir (Pos. Fort. p. 284.). Это свѣдѣніе списалъ Konrad Bitschin, помѣстивъ его подъ 1382 г.

1408. Anno XIIII[c] octavo was also gut winter, als her by langer czüt was gewest, wend her sich bie cziten irhub vor wynnachtin (1407 г.) und werte vier gancze monde und lenger (Pos. F. p. 289).

Item als der winter abegink, wart gros wassir, das die Wysel usbrach bienedin Grudentz und uff der Nerye und tat grossin schadin (Pos. Fort. 289/90).

1409. Das jar was trockin und wart wenning getreyde (Ib. 298).

О явленіяхъ достопамятнаго года сраженія при Грунвальдѣ нѣтъ замѣтки.

1412. Ouch was gros wasser in desim jare gewest; dy flysze hattin sich also gros irgossin, das in vilen endin das gras bleib ungehouwin und vortarb mit enander (Ib. p. 332).

---

[1]) Т.-е. въ началѣ года и въ концѣ года.

1413/14. Gilbert de Lannoy описываетъ чрезвычайную зиму, хотя преувеличенную въ подробностяхъ, господствовавшую 1413/14 г. во время его возвращенія съ Великаго Новгорода въ Гдавскъ: Et fist cest yver sy froit, que chose merveilleuse seroit a racompter les froidures qu'il y faisoit, car il me failly partir pour le froit... (§ 42 p. 372).

§ 43. Item: une merveille de froit y avoit, que, quant on chevauchoit par les forets on y oyoit crocquier les arbres et fendre de hault enbas de froit. Et y veoit on les crottes de la fiente des chevaulz qui estoient sur la terre engelles saillir contre mont de froit (!) et quant on dormoit de nuit ou dit desert, on y trouvoit au matin sa barbe et ses sourcieux et paupieres engelees de l'aleine de l'omme et plaines de glachons, sy ques au reveillier a paines povoit ou ouvrir ses yeulz.

§ 44. Item une autre merveille de froit y vey de long: ung pot de terre, plain d'eau et de char, mis au feu par ung matin sur ung lacq ou desert: que je veis l'eaue bouillir a l'un des lez du pot et engeler a glace a l'autre lez (!!!).

§ 45. Item ung autre merveille y vey de froit: de deux tasses d'argents pesans trois mars de Troye, dont j'avoye puisie eaue de nuit en ung lacq dessoubz la glace pour boire, en maniant icelles a mes mains chauldes estre engelees a mes dois et tantost icelles widies mis l'une en l'autre estre engelees ensamble tellement, qu'en prenant l'une, sourdre les deux par force de gelee.

Эта зима была до того строга, что Жильберъ на саняхъ отправился изъ Кевигсберга въ Гданскъ по замерзшемъ морѣ; она продолжалась по его сообщенію черезъ двадцать семь недѣль, что Лелевель исправляетъ на семнадцать. Et fit cette saison sy grant froidure es pais de Russie, de Leteau et de Liuflant, que moult de poeuple morut et engella de froits (§ 67).

1413. Item was der nochwinter so weich, das czuhant noch wynnachten dy wassir uffin worin, das man mochte varin und flyszin uff dem wassir, das czuhant kegin ostern qwam us der Masow und allumme vil holczes, ronen, delen unde wagenschos, wend dy lute bynnen dryn jarin von Polan und us der Masow nicht mochtin komen in das lant czu Pruszin (Pos. Fort. l. l. p. 333).

1415. Ouch geschach gros schade von dem wasser. Der Nogath hatte sich vorstoppit, also do das yes abeging, do brach der Nogath us off jhensit der Somerow, das dy dorffer alle beflossin, dy do login in der nederunge beyde von Kirsburg und Elbing (Ib. 356).

Ouch was das vorjar dornoch gar truge und ane reyn und stund lange zeit. Ib.

1416. A. D. XIIII[c] dornach im XVI jare, was der winthir also weich, das keyn frost wart so gros, das dy wasser hertlichin bestandin werin, das man czu yse mochte habin gevyschit, und das was yn allin mondin den ganczin winthir obir, des glichin nymand gedochte; und wart eyne grose tuwerunge dornoch im lande zcu Prusin. Vil lute lebetin der knospin von den boumen und wuchs wenyng von allirley getreyde (Ib. p. 360).

Ouch worin dy wasser in dessim jare von dem aueste so gros, das desglichin nymant gedochte, und tat grosin schadin an wesin und an dem getreide,

das yn der nederunge was gelegin. Ib. 364. Wynes wart gnug dis jar, sundir tuwerunge was an deme getreyde (Ib.)

1417. In dem jare des herrin XIIII[c] im XVII jare was eyn hartir winthir und hub sich becziten an und werte off mette fastin (21 марта) und wart gar eyn fruchtbar jar zcu allin dingin. (Ib. 368). На этомъ году останавливаемся; послѣ истребленія священнаго огня Владиславомъ Ягеллою на Жмуди вѣроятно уже не зажигались такіе огни, и пропали на всегда столь высоко цѣвимыя прорицалища.

Приложеніе VIII.

Замѣтки о Литовской хижинѣ XV и XVI вѣковъ.

Выдержки изъ сочиненій авторовъ, помѣщенныя въ нашемъ трудѣ о Ромове въ переводѣ, приведемъ въ подлинникѣ съ объясненіями; кромѣ того прибавимъ выдержки изъ другихъ менѣе извѣстныхъ авторовъ съ тою цѣлью, чтобы мы могли составить себѣ болѣе ясное представленіе о хижинѣ, предназначенной для охраны вѣчнаго огвя. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ могутъ служить матеріаломъ для изслѣдователя Литовской хижины вообще.

А). Въ описаніи крещенія Жмуди Длугошь сообщаетъ намъ также нѣкоторыя этнографическія подробности, и между ими также замѣтки о жмудской хижинѣ.

...Nullus ibi stubarum aut aedificiorum nobilium, sed tantummodo tugurii unius usus... Structura aedificii ex ligno et culmo, largius ab imo, sensim operis incremento in arctius cogitur, in carinae maximae similitudinem elaborata; in cacumine fenestra una, superne lumen reddens Supter quam focus et cibos parabiles coquens et trigus, quo regio pro majore anni parte constricta est, repellens. In ea domo se, uxores, pignora, servos, ancillas, pecus, armentum, frumentum et omnem suppellectilem concludunt, nec alia aedificia, coenacula, palatia, promtuaria aut stabula norunt; sed iisdem habitationibus se et pecus suum, armenta atque alia omnia animalia domestica includunt. T. XIII p. 163 ed. Przezdz.

Stuba означаетъ небольшое зданіе, малый домъ: „Facere vias, vel stubas, vel alia aedificia". Она низка „Est in Kayro domus ampla, et admodum stubae demissa. 2) Хижина, которая отопляется, и въ которой проживаетъ хозяинъ, владѣлецъ: Oves de quolibet aestuario vel stubae regni; корчма (taberna); 3) Часть жилая строенія, комната, пол. izba, нѣм. stube; лавка, бавя (т.-е. vaporarium). Другія подробности см. Du Cange Lexic. mediae latin. s. v. stuba, aestuarium.

У Длугоша stuba означаетъ зданіе, назначенное исключительно для людей, а не для помѣщенія въ немъ животныхъ, и такого то зданія предназначеннаго только для жилья людей тогда во всей Жмуди не было, а тѣмъ болѣе не было домовъ болѣе изящныхъ. Во всей Жмуди существовали единственно tuguria, т.-е. хижины, какія устраивалъ себѣ римскій крестьянинъ изъ круглыхъ, необтесанныхъ бревенъ, покрытыя ситникомъ, соломой, тростникомъ, корой; см. Rich Illustrirtes Wörterb. s. v. tugurium, casa, casula. Въ такомъ жмудзскомъ tugurium, неимѣющемъ, какъ ниже увидимъ, никакихъ отдѣленій, или особыхъ перегородокъ, нетолько проживалъ хозяинъ съ семьей и прислугой, но также помѣщались всякаго рода домашнія животныя, вся хозяйская

утварь, земледѣльческія орудія, все хлѣбное имущество, какъ это подробно перечисляетъ Длугошь. Ему самому казался такой образъ жизни столь страннымъ явленіемъ, что онъ для убѣжденія читающаго въ томъ, что сообщеніе его не фраза, а правда, еще разъ подробно перечисляетъ зданія, какихъ въ Жмуди не существовало, а затѣмъ и все то, что помѣщалось въ жмудзской хижинѣ.

Въ Длугошово время жмудзская хижина различалась отъ римской внѣшнимъ видомъ, состоящимъ въ томъ, что стѣны и крыша составляли одно цѣлое, а цѣлая хижина представлялась въ видѣ лодки, опрокинутой дномъ къ верху, какъ выражается Длугошь, который это сравненіе заимствовалъ у Sallust. Iug. 18.8: „Ceterum adhuc aedificia Numidarum agrestium, quae Mapalia[1]) illi vocant, oblonga, iucurvis lateribus tecta, quasi navium carinae sunt“.

В. Каллимахъ (Callimachus), младшій современникъ Длугоша, проживавшій также извѣстное время въ Литвѣ, описываетъ Литовскія хижины слѣдующимъ образомъ:

...Non desunt argumenta illis, qui a Bosporanis (Litifanos, т.-е. Литовцевъ) profectos ajunt, cum totius agendae vitae rationem, qua Bosporani degunt, prisci etiam Litifani inter se agitarent... similis negligentia educandorum liberorum sine ullis deliciis sub eodem tugurio promiscue cum pecoribus... Aedificandi materia tam his, quam illis, crassa et informis; habitudo aedificiorum maxime rotunda et in conum fastigata; extat scriplum (sic), relicto foramine, accipiendo lumini et ad fumum emittendum, sine ulla contignatione aut discreto receptaculo; ignis in medio tugurii, circa quem accubitus ac discubitus sine loci alicujus electione aut observantia; neque ullius rei domesticae ordo aut disciplina“. Vita et mores Sbignei Cardinalis, Auctore Philippo Buonacorsi Callimachi ed. Finkel cap. XIV p. 27[2]).

Въ скрытой и упорной борьбѣ съ Длугошомъ и ему въ укорь, какъ это постараемся доказать въ предполагаемомъ продолженіи нашихъ „Источниковъ къ лит. миѳологіи“, Каллимахъ утверждаетъ, что Литовцы не происходятъ отъ Римлянъ[3]), такъ какъ они другъ отъ друга разнятся учрежденіями и обычаями, какъ напр. въ военной организаціи и въ способѣ похоронъ и пр.; но что у Литовцевъ во многихъ отношеніяхъ есть большое сходство съ Кельтами и Галлами, или также съ Боспоранцами. Самое же названіе Литвы произошло отъ мѣстнаго слова „Litifa“[4]), обозначающаго родъ хлѣба, производившагося для поддержанія жизни всѣми сѣверными народами, къ которымъ принадлежали и Литовцы.

По Каллимаху, въ литовской хижинѣ, названной имъ также tugurium, проживаетъ согласно съ предъидущимъ авторомъ хозяинъ съ семьей и съ животными. Хижины, построенныя всѣ изъ грубаго и необработаннаго матеріала, имѣютъ по большей части видъ круглый[5]), конусообразный; наверху у нихъ торчитъ „scriplum“, какъ рукописное „scriptum“ исправляетъ Dr. Finkel. Но и того и другого я не понимаю; помоему мнѣнію слѣдовало бы читать scirplum, sirplum, какъ сокращеніе слова scirpulum, sirpulum, уменьшительнаго отъ scirpus, sirpus, ситникъ, означающаго здѣсь корзину безъ

[1]) О mapalia см. ниже сообщеніе Ласницкаго.

[2]) Полученіемъ этой для нашего предмета важной книжки я обязанъ любезности г. директора библіотеки Оссолинскихъ, Кентржинскаго (Kętrzyński).

[3]) Это направлено противъ Длугоша.

[4]) Это также направлено противъ Длугоша, утверждающаго, что названіе Lituania произошло отъ L'. Italia но мнѣ не извѣстно, что значитъ «Litifa».

[5]) На основаніи сравненія языковъ и культуръ Шрадеръ (Schrader) приходитъ къ слѣдующему, окончательному результату: Ich glaube nun, dass sich für die ältesten häuser der Indogermanen zweierlei feststellen lässt: erstens, dass das material zu denselben lediglich aus holz, flechtwerk, lehm, nicht aus stein, bestand, und zweitens, dass die gewöhnliche, vielleicht älteste form, wenigstens der europäischen hütte, der Kreis gewesen ist. Sprachvergleichung und Urgeschichte p. 494.

дна (relicto foramine), образующую такимъ образомъ родъ трубы, черезъ которую проходилъ дымъ и тяжелый воздухъ и впускался свѣжій. Круглая форма хижины, о которой авторъ первый и единственный упоминаетъ, принадлежала къ древнѣйшимъ формамъ; онъ, вѣроятно, описываетъ хижины другой мѣстности Литвы, въ которой преобладала круглая форма, при существованіи продолговато-круглой. На это указываетъ и его выраженіе: „по большей части круглая". Можетъ-быть, и тутъ на это сообщеніе повліяло желаніе Каллимаха исправить Длугоша, писавшаго только о продолговато-круглой формѣ хижины.

Каллимахъ также первый сообщаетъ, что внутри хижины не было никакихъ балокъ и никакихъ особыхъ отдѣленій или перегородокъ, и что очагъ находился въ срединѣ ея, около котораго каждый ложился, гдѣ и какъ ему захотѣлось, и что въ помѣщеніи животныхъ, припасовъ, утвари и орудій не было никакого опредѣленнаго порядка.

C. Sigismundus de Herberstein въ началѣ XVI в. два раза былъ въ Москвѣ. Проѣзжая черезъ Литву, внимательно наблюдалъ литовскій образъ жизни и свои впечатлѣнія изложилъ въ сочиненіи Commentatio Rerum Moscovitarum, Antverpiae 1557, fol. 84:

„In humilibus casis iisque oblongioribus vitam ducunt, in quibus ignis in medio conservatur; ad quem cum paterfamilias sedet, jumenta totamque domus suae supellectilem cernit. Solent enim sub eodem, quo ipsi habitant, tecto sine ullo interstitio pecora habere".

У него литовскія хижины низки и продолговато-круглы, какъ на это указываетъ слово „oblongior", употребленное въ этомъ смыслѣ у Длугоша, остальныя подробности согласуются также съ описаніемъ двухъ приведенныхъ авторовъ, и это я считаю важнымъ обстоятельствомъ, такъ какъ Герберштейнъ совершенно отъ нихъ независимъ. И у него хозяинъ проживаетъ совмѣстно съ животными и остальнымъ имуществомъ, и очагъ находится въ срединѣ хижины, въ которой также нѣтъ никакихъ особыхъ отдѣленій для помѣщенія жильцовъ и разнообразнаго имущества, такъ что хозяинъ, сидящій при очагѣ, имѣетъ на глазахъ все свое имущество.

Такъ какъ сочиненіе Герберштейна издано раньше вышеупомянутыхъ авторовъ, то слѣдующіе за нимъ писатели въ описаніи Литвы пользуются имъ, но безъ всякой ссылки на настоящій ихъ источникъ, на что до сихъ поръ не обращено надлежащаго вниманія.

D. Итакъ, уже Guagnini, на авторитетъ котораго часто ссылаются, буквально списалъ много свѣдѣній изъ Герберштейна съ маленькой стилистической разницей, какъ объ этомъ уже свидѣтельствуетъ его описаніе жмудской хижины:

„Agrestis turba in humilibus casis, iisque oblongioribus vitam ducunt, in quibus ignis in medio accensus ardet; ad ignem vero paterfamilias cum domesticis servisque sedet, jumentaque et totam supellectilem domesticam cernit. Solent enim sub eodem, quo ipsi habitant, tecto sine ullo interstitio pecora habere. Sarmatiae Europeae descriptio, p. 14.

E. Ласицкій въ своемъ сочиненіи De diis Samagitarum пользуется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Гвагниномъ, на котораго разъ и ссылается. Въ описаніи же жмудской хижины онъ исключительно руководится собственными наблюденіями, хотя замѣчаніе о paterfamilias можно считать реминисценціей изъ Гвагнина:

„...iidem (Samagitae) deni aut viceni, plures vel pauciores, in uno tugurio linum, lanam, cannabim pectunt, nent, texunt, vestes conficiunt... Disperse per silvas, campos degunt; rara oppida, nec pagos nimium multos, arces autem munitas nullas habent; quorum fenestrae meridiem versus spectant... Mapalia, quae turres appellant, sursum angusta, atque qua fumus et foetor exeat, aperta, ex tignis, asseribus, stramine, corticibus faciunt; in his homines cum omni peculio, in pavimento tabulato stante, habitant; ita paterfamilias

omnia sua in conspectu habet, et feram noxiam et frigus a pecore arcet; ad ostium cubat, deastro foci custodia commissa, ne vel ignis damnum domicilio det, vel prunae nocte extinguantur. Ubi crebro accidit, ut vel sus vel canis ex olla in foco stante carnes auferat, aut rostrum aqua fervente laedat. Qui in pagis degunt, ii caulas separatas ab aestuariis habent". Ed. Mannhardt, p. 8, 9; ed. Grasser, p. 45.

Не вечеринки, требующія близкаго сосѣдства, а только занятія хозяина и его семейства съ прислугою Ласицкій имѣетъ въ виду, сообщая, что болѣе десяти или двадцати человѣкъ работаютъ въ одной хижинѣ. Еще въ концѣ XVI в., когда въ прусской Литвѣ отведены были особыя постройки для женатыхъ въ семействѣ, для животныхъ, для домашней утвари, для земледѣльческихъ орудій, для амбаровъ да для нѣкоторыхъ занятій, то еще тогда всѣ члены семейства, отъ 20 до 40 человѣкъ, собирались, положимъ, для обѣда, въ одномъ хозяйскомъ домѣ, назвавномъ numas, другія же постройки для отличія отъ этого numas назывались kletis[1]).

Постоянное разрастаніе семьи и постоянное накопленіе всякаго рода движимаго имущества, орудій и припасовъ должно было вызвать недостатокъ въ помѣщеніи. И тогда только и притомъ постепенно стали отдѣляться отъ одного дома, numas, женатые, стали отводиться отдѣльныя постройки для животныхъ, и все имущество — хлѣбъ, орудія и пр., размѣщаться по отдѣльнымъ, съ этой цѣлью построеннымъ помѣщеніямъ.

Во время Ласицкаго большинство жмудскаго народонаселенія проживало разсѣянно по лѣсамъ, откуда вызывалъ ихъ Лясковскій, надѣляя каждаго, по королевскому повелѣнію, тремя влуками земли въ собственность. Городки, состоящіе изъ нѣсколькихъ дворовъ, были рѣдкостью; деревень было также немного, а укрѣпленныхъ мѣстностей, замковъ вовсе не существовало. Въ маршрутахъ крестоносцевъ, составленныхъ въ XIV и въ началѣ XV вѣка, упоминаются деревни и такъ называемые городки, состоящіе изъ 6 или 8 дворовъ, какъ напр. Бопты (Babtindorf: Маршр. 37), гдѣ всего было 6 дворовъ; однако большинство населенныхъ мѣстъ составляли отдѣльные дворы, получившіе названіе отъ ихъ основателя, владѣльца, напр. Girstawtendorf (in) Crasien (Кроже), до Girstawt wonet (Маршр. 8[3]).

Mapalia, Magalia, отъ кароагенскаго „magar, magal" (ср. греч. *μέγαρον)* назывались сельскія хижины въ Нумидіи. Онѣ строились, соотвѣтственно климату, изъ толстыхъ вѣтвей, ситника и тростника и были круглы (Cato у Festus'a s. v., ed. Ponor., p. 130) или продолговато-круглы съ боками, выгнутыми наподобіе лодки (Sall., Jug. 18, 8); о конусообразныхъ не упоминается. Въ этихъ мапаліяхъ не было никакихъ отдѣленій, перегородокъ: „Mapalia casae Poenicae appellantur, in quibus nihil secreti (Festus l. l.). Отсюда всѣ хижины безъ внутреннихъ стѣнъ или перегородокъ назывались вообще mapalia (Rich. s. v. magalia, casa, casula), которыя въ этомъ отношеніи ни въ чемъ не различались отъ tugurium (Rich. s. v.). Sursum angusta, къ верху суживающіяся, объясняется описаніемъ Длугоша. Aperta, у Длугоша отверстіе, fenestra, оставленное въ верху хижины, служило для свѣта, вѣроятно также для прохода дыма, о чемъ онъ

[1]) Генебергеру объ этомъ разсказывалъ Hans Rückerling, бывшій въ теченіи двадцати лѣтъ бургграфомъ въ Инстербургѣ, проживавшій слѣдовательно среди коренного литовскаго народа: «Auch ist sich dis an jnen zuerwundern, das jr so viel in einem gehöffte beisammen sich so friedlich konnen verhalten, wol in die 20, 30 oder 40, auch wol mehr personen eines geschlechts; essen alle gleich einerley kost, trinken eines getrӓncks, die alte mutter regiret die kost»... Erklärung d. preuss. Land-Taff. p. 161. Hans Rückerling saget, wie ein vater sechs söhne gehabt, jnen allen weiber gegeben, der elteste son hab auch zween söhne ausgegeben, des andern sohn auch einer ein weib genommen und kinder gezeuget, solche alle, nemlich 54 personen, haben in einem gehöfft unter des alten vaters regiment friedlich gewonet и пр. (Ibid). Эти, какъ и многія другія свѣдѣнія списалъ у Геннебергера Caspar Stein и напечаталъ ихъ на латинскомъ языкѣ безъ ссылки на источникъ подъ заглавіемъ: Memorabilia Prussica. Этотъ, такъ сказать, латинскій переводъ перепечатанъ: въ Acta Borussica т. I, стр 159 и др. — Поэтому слѣдовало мнѣ сослаться на Геннебергера, а не на Stein'a въ ŻML. I, p. 62.

однако не упоминаетъ. По Каллимаху отверстіе, foramen, съ трубой служило и для прохода дыма и для свѣта. У Ласицкаго въ устройствѣ хижины замѣчается прогрессъ, а именно: отверстіе въ верху хижины оставлено исключительно для прохода дыма „aperta, qua fumus... exeat“; для свѣта же служило отдѣльное отверстіе, обращенное къ югу (fenestrae meridiem versus spectant), а такъ какъ по свидѣтельству Пашкевича (см. ниже) окно находилось надъ дверями, то и входъ въ хижину устроенъ былъ со стороны юга. Затѣмъ для животныхъ былъ положенъ полъ (pavimentum tabulatum), вѣроятно утрамбованный, о чемъ предшествовавшіе ему авторы не упоминаютъ.

Ласицкій весьма подробно описываетъ строительный матеріалъ. Tigna, это необтесанные пни, стволы, бревна, которыя, должно-быть, ставились косо, какъ козлы, потому что иначе не вышла бы суживающаяся къ верху форма хижины. Asseres, т.-е. tignum parvum, sudes, palus, — не очень толстыя tigna, жерди, шесты, которые по всей вѣроятности клались горизонтально для устройства боковыхъ стѣнъ и прикрѣплялись къ tigna.

Между этими asseres, т.-е. шестами или жердями, оставались щели, которыя извнѣ тщательно покрывали корой, главнымъ образомъ липовой, для того, чтобы stramen, т.-е. солома, ситникъ или тростникъ, которымъ окончательно накрывали всю хижину, не проходилъ сквозь эти щели и не загорался отъ огня на очагѣ.

Иногда на все это накладывали еще дернъ, бревна съ тою цѣлью, чтобы сильные вѣтры не разнесли соломы и пр., какъ уже сказано въ текстѣ.

Сообщеніе: „Ita paterfamilias... habet“ заимствовано изъ Гвагнина, который самъ его списалъ у Герберштейна. Такъ какъ въ хижинѣ не было никакихъ особыхъ отдѣленій, что Ласицкій глухо выражаетъ словомъ Mapalia, то хозяинъ въ самомъ дѣлѣ могъ видѣть все свое имущество и замѣтить, не мерзнутъ ли его домашнія животныя, или не ворвался ли въ хижину какой-нибудь хищный звѣрь.

Хозяинъ у Ласицкаго имѣетъ свое опредѣленное мѣсто для спанья при входѣ хижины, и въ этомъ отношеніи этотъ авторъ отличается отъ Каллимаха, у котораго каждый жилецъ ложился, гдѣ ему хотѣлось, не разбирая мѣста и первенства. Попеченіе объ огнѣ предоставлялось божеству (deastro), которымъ по всей вѣроятности было божество Pelengabie, упомянутое также Ласицкимъ. Aestuarium означаетъ точно такъ же, какъ и stuba, зданіе, въ которомъ можно топить (Oves de quolibet aestuario vel stuba); малый домъ, домъ священника (Datum in aestuario plebani. Du Cange, Lex. s. v.); у Ласицкаго — то же, что и mapalia и tuguria.

Ласицкій добавляетъ, что жителями въ деревняхъ (in pagis) устраивались внѣ хижины огороженныя мѣста „caulae“, заборы, ограды, очевидно, потому, чтобы держать въ нихъ лѣтомъ домашнихъ животныхъ, какъ овецъ, лошадей, скотъ, и чтобы они не разбѣгались. Caulae, по-лит. gardas, по-жмуд. twora, по-лат. также septum, sepimentum. Не вижу никакой причины, чтобы жители городовъ, такъ мало населенныхъ, какъ въ Жмуди, не могли себѣ устроить подобныхъ caulae вблизи своей хижины.

Желая объяснить, откуда произошелъ внѣшній видъ и внутреннее устройство хижины, Ласицкій приводитъ мнѣніе Михалона, что Римляне, пригнанные бурями, причалили къ жмудскимъ берегамъ и, рѣшивши оставаться въ этой землѣ, проживали тутъ, по обычаю римскихъ воиновъ, въ палаткахъ; и что уже потомки ихъ устроили себѣ по образцу этихъ палатокъ жилища, и что этотъ родъ и видъ построекъ удержался до его времени: „Ubi Litwanorum progenitores... in tabernaculis ad focos more militari et adhuc in eadem Samagitia recepto, habitarint..“

Какъ мы уже отмѣтили, Ласицкій называетъ жмудскія жилища tuguria, mapalia, aestuaria и turres, изъ которыхъ мы первыя три названія уже объяснили. Остается turris. Это слово читается въ слѣдующей связи: (Samagitae) „studio Sigismundi Augusti

13*

Regis... in coetus et societates convocati. Mapalia, quae turres appellant... ex tignis... faciunt". Повидимому, подлежащее къ appellant есть Samagitae, значитъ, что appellant не безличное выраженіе; слѣдовательно, turres не латинское, а жмудское слово, имѣющее значеніе зданія, видъ котораго въ сущности не отличался отъ всѣхъ другихъ жилыхъ строеній въ Жмуди.

Въ лит. языкѣ существуетъ корень tur, имѣющій значеніе: держать, имѣть, владѣть; овъ общъ многимъ другимъ языкамъ въ этомъ же значеніи, какъ указываетъ, напр., греч. *τύρσος, τύραννος*, лат. turris, польское trzymać. Отъ лит. tur образуется громадное количество словъ, удерживающихъ главное значеніе корня (ср. Nesselm. L. W., p. 110, 111), напр. turiu, turėjau, turėsiu, tureti, имѣю, держу; part. praes. turis, имѣющій и проч.; turtas, turtė, tureimas, имѣніе, имущество, владѣніе (держава)[1]. Такъ какъ литовская хижива и все то, что въ ней помѣщалось, составляли собственность хозяина, то все въ совокупности представляло его имущество и обозначалось по-лит. словомъ turtas, turte. Итакъ, Nesselm. (L. W., p. 110, s. v. turtas и turte) пишетъ: d. Habe, der besitz, besonders bewegliche Güter; слѣдовательво, значевіе недвижимости, жилища не исключается. И на этомъ именно основаніи я утверждаю, что turres у Ласицкаго не латинское слово, а жмудское, образованное отъ лит. корня tur.

Зданіе, построенное на высшей горѣ при рѣкѣ Невяжѣ, въ которомъ горѣлъ священный огонь, Длугошемъ также названо turris. „Ignem... accedens, turrim, in qua consistebat, incendit". Но тотъ же Длугошъ, какъ намъ извѣстно, съ весьма характернымъ упорствомъ повторяетъ два раза, что по всей Литвѣ другихъ строеній, кромѣ имъ указанныхъ, и относительно формы и относительно строительнаго матеріала, не существовало: и на этомъ-то также основаніи утверждаю, что въ нашемъ мѣстѣ turris не можетъ значить туру, башню, а только хижину, не отличавшуюся отъ другихъ обыкновенныхъ жилищъ. Въ крайности можно бы допустить, что она была, можетъ-быть, выше другихъ, такъ какъ въ ней горѣлъ неугасаемый огонь. Что касается формы, можно бы у Ласицкаго допустить опечатку turres вм. turtes (n. plur. отъ turte); но этому мѣшаетъ Длугошево turris; поэтому предлагаю *ture (= tur ja), n. plur. tures, которое по звуку у незнающихъ легко могло слиться съ лат. turris, башня.

F. Bruin v. Braun въ сочиненіи Civitates Orbis Terrarum. T. III Colon. 1593, p. 59, вкратцѣ описываетъ литовскую хижину и затѣмъ г. Вильну. Не имѣя этой книги, выдержки изъ нея приведу по труду А. Бецценбергера: Ueber das litauische Haus. A. P. M. Sch. Bd. XXIII, p. 34 (1886).

Domus in universum sunt ligneae, depressae ac humiles, nec cubilibus, nec coquinis, imo nec stabulis, licet jumenta et bestias complures alant, distinctae (p. 39).

О г. Вильнѣ же пишетъ: „Uno et perpetuo quodam suburbio septa et circumvallata Vilna conspicitur, ubi infinitus aediculorum numerus, nullo delectu, nullo platearum ordine, sed pro agresti barbarorum voluntate, prout sors et occasio tulit, quasi consitus videtur. Alibi namque casas hasce suas, ex pinorum aliquot trabibus, rudi structura compactas, huc deferunt et, quo libuerit, indiscriminatim collocant... in domibus suis, perpetuo fumo oppletis (non enim ulla fumibula habent)... videas parentes cum liberis, jumentis ac bestiis ad focum eodem in hypocausto foetido agere, ubi et hospitibus conjunx puerpera duro incumbat scamno" (p. 39).

Перемѣщеніе хижины съ одного мѣста на другое случалось, по свидѣтельству г. Карловича, еще въ половинѣ нашего вѣка. „Маленькая хижинка, пишетъ онъ какъ очевидецъ[2]), бѣдваго литовца, построенная изъ нетолстыхъ бревенъ, разбирается на

[1]) У Довконта мѣсто буквы *u* въ корнѣ очень часто занимаетъ *o*, пор. nomas = numas; toreti = tureti; ortas и turtas, turte. Поэтому предполагаю, что и tro-ba, trobele, постройка, жилище, образуется отъ tur, tor, tro.

[2]) Chata polska. Pamiętnik Fizyograficzny Warsz. 1881 T. IV, стр. 395.

отдѣльныя части, какъ балки, козлы, двери и пр., и все это вмѣстѣ со всѣмъ движимымъ имуществомъ перевозится на вновь избранное для постройки мѣсто. Тутъ на фундаментѣ, устроенномъ изъ извѣстнаго количества большихъ камней, строится новое жилище, въ которомъ жилецъ проживаетъ до тѣхъ поръ, пока не пожелаетъ вновь перемѣнить мѣсто жительства".

Приведенныя два свидѣтельства весьма полезны для объясненія Ласицкаго, по которому жители Жмуди, какъ только у нихъ родилось какое-нибудь слѣпое, изувѣченное или слабое животное, сейчасъ перемѣняли мѣсто проживанія, потому что они этотъ случай считали для себя несчастнымъ предзнаменованіемъ. Покровительница такого переселенія называется Apidėme[1]). Api-dėti значитъ перекладывать, переносить кое-что съ одного мѣста на другое; apidėme же — мѣсто перенесеннаго жилища, застѣнокъ. Мѣстностей такого названія до сихъ поръ множество въ Литвѣ, напр., Apidėme въ Поюрской волости Россіенскаго уѣзда, Apedėmiszki — село и два застѣнка въ Бахмацкой вол. Новоалександрійскаго уѣзда[2]). Спрогисъ въ своемъ Географ. Словарѣ насчитываетъ около 48 подобныхъ названій мѣстностей, полей, грунтовъ и нивъ, какъ напр. Apidėmai, Apidėmaite, Apidėme, Apidėmela(?), Apidėmi, Apidėmojte и т. п.[3]).

G. Erhard Wagner, жившій въ началѣ XVII в., сообщаетъ намъ слѣдующія свѣдѣнія о литовской хижинѣ своего времени въ трудѣ: Vita et mores Lithuanorum, in Borussia sub districtu Jnsterburgensi et Ragnitensi degentium, brevi delineatione adumbrata per Erhardum Wagner Jnsterburgensem. Regiomonti 1621, in 4°, typis Osterbergerianis. Этотъ трудъ перепечатанъ въ Acta Borussica etc. T. I 531—550[4]). Выноски, касающіяся литовской хижины, перепечаталъ A. Bezzenberger, Ueber das litauische Haus. APM Sch XXIII. 1886, p. 34 и слѣд.

Excitant autem illi domos suas terete saltem ligno, sibi pecorique communes, illasque stramento operiunt, fumo nullus nisi per fores datur exitus, cui longo usu ita assueti, ut illum ne quidem sentiant.

H. Немного раньше, именно въ 1559 г. описалъ Геннебергеръ (Erklärung der pr. Landtaffel)[5]), также на основаніи собственныхъ наблюденій, хижины въ Инстербургскомъ округѣ: Das haus, darinnen sie alle essen, heist das schwartzhaus, und ist in warheit vom rauch und rusz schwartz genug. Darneben hat ein jeglich par ehegatten ein sonderliches heuszlein, das heist man ein kleidt[6]), ist von rundem holtz gesetzt, unten hats wie ein nidriges kellerlein, oben darauff wie ein kamer ohne fenster, nur eine thür, da sie hineingehen, darinnen haben sie jhre kleyderchen, die gar schlecht und gering, und einerley farben und form sein, und was sie sonderliches haben. Derselbigen heuserchen sein so viel, als par volckes im gehöffte sein.

Sonsten haben sie auch viel kleiner heuserchen, denn zu einer jeglichen arbeit haben sie ein sonderliches kleines heuszlein, als eins, da man das korn jnuen treuget und trischet, eines da man das getreyd meelet, eines darinnen man backet, eins zu brawen, eines kleider zu waschen, eins zur badstuben etc., die alle sein mit brettern

---

[1]) Habentque Apidome (sic), mutati domicilii deum; nato cujusvis generis vel coeco, vel debili pullo, actutum sedes mutantur, ed. Mhdt. 28 (89). Apidome ошибочная форма, равно какъ ошибочное объясненіе у Mhdt. p. 46 (123).

[2]) Списокъ насел. мѣстъ Ковенской г. p. 72 и p. 142.—Epidemi, или Пустошка въ Браславской вол. Ново Александ. уѣзда p. 319.

[3]) Стр. 12 и 13.

[4]) Такъ по моимъ спискамъ; Бецценбергеръ ссылается на стр. 126; не имѣя въ настоящее время возможности справиться, не знаю, кто правъ.

[5]) Стр. 160 s. v. Jnsterburg.

[6]) Литовское Kletis.

bedeckt. Haben keine scheunen, sondern wie hohe ricke[1]), da legen sie die aherende (= ähren) einwärts und also auff einander, fragen nicht darnach, ob schon die stopfel verfaulen, denn kein dach darauff ist. Die Menner thun die feldtarbeit, die weiber die hausarbeit. Die alte regirt, gibt zu kochen, der söhne weiber kochen, waschen, malen, sichten, backen etc., doch umbzech.

Сравнивъ это описаніе съ краткой замѣткой Вагнера, приходимъ къ тому заключенію, что въ XVI в. въ одной и той же землѣ строились въ одной ея части общія для людей и животныхъ жилища (Вагнеръ), а въ другой существуетъ уже много строеній для помѣщенія людей (кромѣ namus, еще kletis) и различнаго рода занятій.

I. Обычай строить отдѣльныя помѣщенія для всего того, что прежде находилось въ одной хижинѣ, такъ сказать, подъ одной крышей, обычай, существовавшій, по свидѣтельству Геннебергера, уже во второй половинѣ XVI в. въ нѣкоторыхъ странахъ прусской Литвы, быстро распространился по всѣмъ областямъ этой земли и сталъ господствующимъ въ теченіе XVII в. Объ этомъ сообщаетъ намъ Матвѣй Преторіусъ слѣдующее:

Man sieht noch bei den Nadravern, dass sie vielerhand gebäude auffrichten. So bauen sie ein haus, das sie des sommers für sich und den gast halten; ein apartes haus für ihre kinder, gesinde und junges vieh, welches man das rauchhaus nennt, worin kein ofen, in dessen mitte aber ein etwas erhöhtes estrich geschlagen, feuer darauff zu halten, insgemein mit tannen odes lindenborke bedeckt. Sie bauen aparte kammern vom wohnhaus abgesondert, die theils zu getreide, theils zu speiswaaren, theils zu verwahrung ihrer haussachen, betten, kleider p. p. emploirt werden. Selbige werden Kleten genennet. Sie haben ihre Maltuwen, das sind aparte mahlhäuser, worin sie mahlen und brot backen. Ausser vilerhand stallen, scheunen p. p. haben sie auch Jaugien, worin sie das auszudreschende korn vemittelst einer gewissen kammer, darin ein von feldsteinen gemachter ofen eingeheizt wird, dörren und ausdreschen. Die Jauge ist ein gebäude, wie hiesiger orten[2]) die ziegelscheunen gebaut sind, nur dass von einem ende ein festes estrich geschlagen wird, darauff sie das ausgedorte getreide ausdreschen können, woselbst eine ziemlich breite thür gelassen wird, theils dass darin das getreide aus der scheune kann eingebracht werden, theils dass dadurch der windt eingehen kann, wenn sie das ausgedroschne getreide auswürfeln wollen. Am andern ende aber ist auffgerichtet insgemein ins vierkannt, offt auch länglicht, ein dichtes schürtzwerk in guten moos gelegt mit einer thür, doch ohne fenster, nur dass unten bei der erde ein fensterchen gelassen wird, dass der fraden von dem zu dorrenden getreide gelassen, ausgehen kann. An den beiden seiten der langen wand wird etwa $1^1/_2$ ellen hoch und dicht an der wand, inwendig von der erde zu rechnen, ein balcken festgemacht. Auff solchen balcken werden lange stangen gelegt, so breit das schürtzwerk ist. Darauf man das getreide stehend fleihet, welches mehr schier als drei viertel einnimbt des inwendigen raumes. In demselben schürtzwerk daneben ist an der einen seite ein ofen von feldsteinen oder ein kleiner backofen von ziegel gemacht, darin feuer gemacht kann werden von trockenem harten holz, so wenig flammen giebt, dadurch das ganze schürtzwerk recht wie eine badstube warm wird. Jedoch muss acht-gegeben werden, dass von dem eingebrachtem getreide nicht etwa stroh zu nahe an den ofen komme.

---

[1]) Лит. rike (rije?), шесть, жерди, горизонтально положенныя на двухъ стоячихъ столбахъ для высушки хлѣба, по польски przepłot; описаніе у Jaroszewicza Obraz Litwy p. 213, прим. 23. Срав. ZML. I, 29 и ниже, описаніе Praet. литовскихъ žardai.

[2]) Praetorus очевидно это писалъ послѣ оставленія Надровіи, проживая уже въ польской странѣ, какъ напр. въ Бродницѣ (Strasburg), въ Старградѣ, а въ концѣ въ Вейеровѣ, т.-е. послѣ 1685 г.

Ihre badstuben stehen auch apart, die einfältig genug, doch dicht mit einem vorschauer pflegen gemacht zu werden, in welchem sie insgemein einen ofen von grauen feldsteinen setzen, den sie innerhalb der stuben einheitzen, und wenn der glühend ist, mit wasser begiessen, und so ihre badstube heitzen. Und sind auch bei ihnen die zardai, (welche einige eine ruste nennen, wegen der form desselben), auf welche sie das noch nicht genug auff dem felde getrocknete getreide, in sonderheit die noch grünen erbsen auffhängen. Darauff sie in der luft reifen und dörren können. Andere gebäude, als brachstuben, darrhäuser p. p. übergehen wir, gewiss ist, dass bei manchem wolhabenden Nadraver 20 aparte gebäude in seinem gehöfte finden wird.

Bei diesen gebäuden, sonderlich in Zalavonien und an den gräntzen an Zemaiten ist zu merken, dass sie offt in ihren stuben keine ofen haben, sondern machen mitten in der stube feuer, über welchen feuerort in der decke ein loch, so mit thon umfangen, in gestalt einer glocke, durch welches loch der rauch sich aus der stube ziehet. Die wohnhäuser pflegen auch so gebaut zu werden, dass durch die thür der wind auff dem feuerheerde, der insgemein blosz und gleich der erde auffm flor(?) ist, das feuer nicht fassen oder aufwehen kann. Doch haben auch einige wohlhabende Nadraver offt zierliche grüne und weisse ofen von guten kacheln. Vor diesem ists vermuthlich, dass sie keine kachelofen, sondern Krosnis d. i. steinofen gehabt haben, als sie noch selbige in ihren pirten d. i. badstuben und jaugen d. i. dreschhäusern gebrauchen. Selbige krosnis dienen ihnen offt auch statt des backofens, auch darrofens; sie werden insgemein also gemacht. Sie suchen hervor grosse, lange und breite feldsteine, die setzen sie gegeneinander, so dass die obertheil zusammen kommen, die untertheil von einander abstehen. Solcher steine setzen sie nach der reyge hin, als sie den ofen lang haben wollen. Die wissen sie so fest und dicht zu setzen, dass man eine grosse quantität kleiner steine darauff legen kann, die sich leicht durchhitzen, aber keine flamme auslassen können. Praet. p. 106 etc.

J. Изъ этого же времени, т.-е. около 1690 г., имѣется описаніе строеній въ прусской Литвѣ, а именно въ Рагвитскомъ округѣ: Der preussische Littauer etc. von Theodoro Lepner. Danzig 1744, p. 70. Авторъ, будучи пасторомъ въ Budwehten, сообщаетъ намъ на основаніи собственныхъ наблюденій о лит. жилищахъ слѣдующее:

„Die Littauer dieses orthes haben niedrige, schmahle häuser, welche sie selbst aus runden holtz bauen... darin haben sie ein paar kleine fenster, gar selten findet man einen schorstein drinnen. Der ofen ist von hohlen, schlechten ungegläserten kacheln, bey einigen wenigen wohlhabenden siehet man auch gegläsete grüne kacheloefen. Inwendig haben sie gemeiniglich kleine von leim und holtz zusammen geklebete kacheln, darin ihnen des abends das schorsteinfeuer leuchten muss. Einige haben ein rundes von leim und holtz fest zusammengekleibtes wesen, welches sie Szibintas[1]), eine leuchte nennen (von szibinti leuchten); unten ist es breit und rund, mitten drinn hänget ein eisen, gleich einer rost, darauf der kiehn oder klein gehauenes holtz brennet, und ihnen licht im finsteren giebet; es gehet etwas zugespitzt durch die bretter und das estreich auf die lucht, dahin sich der rauch ziehet, welchen sie gar wohl vertragen können. Darum bedurffen sie keine oder gar wenige talchlichter... Im hause ist ein heerd gar platt auf der erden. Ihre kammern haben sie gar selten bey den stuben oder in den wohnhäusern, sondern absonderlich; sie werden Klete genannt; in etlichen von diesen schlafen sie, in etlichen halten sie ihr getreydigt; diese sind mit brettern wohl ausgelegt, damit das getreydigt trocken liege, und nicht schaden leide. Auch halten

[1]) Zibintis, Ziburis, лучина для освѣщенія; здѣсь снарядъ, въ которомъ горѣла лучина. Срав. Jaroszewicz Obr. Litwy p. 84.

sie rauch-häuser, welches sie namas heissen, das andere wohnhaus heisset stubba..., in welchem sie nur des winters wohnen. In solchen rauchhause halten sie allezeit feuer, um welches sie sitzen, sich wärmen, und die kleider, wenn sie von schlagg und regen nass seyn, trockenen. Des sommers essen sie auch darinn und trocknen das fleisch gar wohl darinn. Noch haben sie ein absonderliches gebäudchen zur mahlkammer Maltuwe, darinnen sie eine oder mehr handmühlen (querlen) [1]) halten. Ihr getreydigt dreschen sie in den zaugen[2]) (sic), darinn ist ihr badstube[3]). Diese (т.-е. Jauja) hat rund umher stangen, darauf das getreydigt geleget und getrocknet wird, denn sie wird gehitzet; auch zuweilen zur darre, wie auch zur badstube (pirt) gebrauchet. Auf der tennen[4]), wo sie dreschen, haben sie ein gar kleines von leim und steinen zusammen geklebtes oefgen, darinn brennen sie klein gehauen holtz, wenn sie dreschen, welches im herbst und winter sehr frühe im anderen hahnengeschrey geschiehet. Dieses dreschen ist sehr gefährlich und verursachet öffters feuer... Daneben haben sie noch eine scheun[5]), darinnen das übrige getreydigt geführet ist, welches nochmals in die Jauge getragen und ausgedroschen wird, und dann sind noch etliche stalle vor das viehe. Einige in sonderheit die bey der wildniss[6]) wohnende, haben wol acht und mehr solcher gebäude, welche sie nahe beiander setzen, weil sie dem acker wenig raum abnehmen wollen, und daher wohnet auch ein nachbar rühr an den andern... durch solche nahe zusammenwohnung... geschiehts,... dass sie oft in feuersnoth gerathen und um alle das ihrige kommen... weil sie viel feuer in ihren häusern halten, als in der stuben, in dem rauchhause, auf dem heerde, in dem schorsteiu szibintas, in der mahlkammer zum licht, zu dem backen, maltzen, brauen, wie auch bey der hüttung des viehes und der pferde von den hirtenjungen auf dem felde...

Insonderheit da sie den brand nicht gern gebührlich löschen aus dem argwohn, es werde das feuer dadurch nur erzürnet, welches ohne zweifel daher kommet, weil sie es im heydenthum vor einen gott gehalten und angebetet haben (p. 70—74).

K. **Благодаря усердію и преданности литовской старинѣ, имѣемъ отъ Діонисія Пашкевича, владѣльца имѣвія Бордзе, довольно подробное описаніе жмудской хижины въ началѣ второй четверти XIX в., вапечатаввое въ журналѣ** Dziennik Warszawski 1829 г., № 44, стр. 39. **Такъ какъ при описаніи лит. хижины вообще мы имъ уже воспользовались, то мы приведемъ его въ виду его важности въ подлинникѣ:**

„Wiemy to z doświadczenia patrząc na budników potaż palących, że w lasach wielkich bydło ich nietylko na wiosnę i w jesieni, ale także całą zimę w największe mrozy, samemi tylko gałęziami drzewa najpiękniej się hoduje i dostatkiem mleka daje. Ale w nocy i bydło i człowiek potrzebuje spoczynku, więc dla konserwy w nocy bydła, a razem na mieszkanie ludziom stawili chaty, które nazywają się nomy, czyli numy i w całym kraju litewskim i żmudzkim znajdowały się. W Litwie może rzadko gdzie, bo w miejsce numów stoją dwory, pałace, folwarki, miasta. Lecz w księstwie żmudzkiem we wszystkich dzisiejszych powiatach Rosieńskim, Szawelskim i Telszewskim, mianowicie koło pogranicza Kurlandyi, Prus i koło morza baltyckiego, pewnie (i) teraz nalazłbym numów kilka tysięcy... Co to są numy żmudzkie takie daję wyobrażenie.

1. Jest budynek 10, 12 albo 15 sążni dłużyny, a 5 lub 6 szerzyny, powszechnie

---

1) Girna, plur. girnos, жерновъ.

2) Jauja.

3) Pirtis.

4) Kluimas.

5) Klunas.

6) Пустой, незаселенный, и на нѣсколько верстъ широкій лѣсъ отдѣлялъ Пруссію отъ Жмуди; онъ назывался Wildniss.

z bierwion okrąglaków stawiony, którego dach na łatach pierwo — korą jodłową wysłany dla bezpieczeństwa od ognia, a na wierzchu słomą pokryty. Żadnego lub niekiedy jedno tylko okno; i drzwi z obu końców numy, z których jedne drzwi szerokie są dla wejścia ludziom w niej mieszkającym, a drugie dla wejścia bydłu i wywózki gnoju. A nad drzwiami są okienka dla ujścia dymu, a we dnie światła, ze środka zasuwane.

2. We śrzedzinie tej numy jest wykopana jama szeroka na ognisko, najmniej na łokci 3 lub 4 w figurze kwadratu lub cyrkułu, a na łokieć jeden tylko głęboka. We śrzedzinie tej jamy z łuczyn brzozowych, lub olchowych rozkłada się ogień. Obwód ogniska kamieniami obłożony zastępuje miejsce ławy lub krzesła do siedzenia domownikom, którzy w około ognia posiadawszy w czasie zimy wszystkie roboty robią. Że zaś w czasie lata jest gorąco, oraz żeby od ognia nie było niebezpieczeństwa, to od obwodu ogniska wkoło odstąpiwszy najmniej na łokci 3 lib 4, daje się czworościenna ścianka z bierwionów, albo z desek, albo z płotu ogrodzona, ale nie wyższa jak półtora łokcia, a najwięcej ze dwa łokcie. Żeby domownicy robiąc, albo chodząc koło ogniska mogli widzieć bydło i wszelkie żywioły[1]), które się rozstawują w około po za samą, ścianą budynku, to przestrzeń między ogniskiem a przedziałem, gdzie się bydło stawi, utrzymuje się czysto zamiecione.

3. Poddasza numy są bardzo wielkie, zapuszczone Gdyż pod tem poddaszem składają się narzędzia gospodarskie, wozy, brony etc., a nawet małe chlewiki trzyściankowe dla świń, gęsi etc. stawią się. Słowem jeden budynek numa składał niegdyś całego gospodarstwa budowle. Dzisiaj bowiem na Żmudzi po za granicami Kurlandyi, Prus, oraz po za morzem bałtyckiem wieśniacy mają budynki mieszkalne dość piękne które są tylko dla gościa, za mieszkanie w zimie służą; a w wiośnie, latem i w jesieni w numach i jeść gotują, i jedzą, i wszystkie domowe roboty pełnią, mając na oku w numie całe gospodarstwo. Przytem niechaj wie czytelnik i o tem, że ogólne zabudowanie rolnika, kmiecia albo w obrębie szlachcica, w języku litewskim mają dotąd nazwisko jednem słowem numaj.

Подробности въ этомъ описаніи для насъ весьма поучительны. Оставляя всѣ другія въ сторонѣ, мы обратимъ вниманіе на одно весьма интересное указаніе, именно на то, въ какомъ порядкѣ разъединялись находящіеся внутри хижины предметы и размѣщались внѣ ея. Итакъ, сначала устранялись предметы, не требующіе защиты отъ мороза, каковы земледѣльческія орудія, солома, дрова и т. п.; отъ дождей они достаточно защищались продолженіемъ крыши внѣ хижины. Подъ этимъ продолженіемъ крыши пристраивались къ внѣшней стѣнѣ три стѣнки, такъ что образовывалось огороженное мѣсто, въ родѣ сарая, хлѣва, въ которомъ помѣщались свиньи, гуси, курицы; другія же животныя, какъ овцы, коровы, оставались еще внутри.

L. Двадцать лѣтъ спустя послѣ описанія хижины Пашкевичемъ, появился уже намъ извѣстный трудъ Довконта: „Buda", въ которомъ авторъ весьма подробно описываетъ литовскія строенія десяти различныхъ наименованій, требующія однако для нѣкоторыхъ неясныхъ (для нелитовца) выраженій подробнаго комментарія. Въ настоящее время отмѣтимъ только два наименованія, имѣющія для объясненія Ласицкаго особое значеніе, а именно ratajnicze (p. 22), въ которомъ хранились колеса (ratai), возы (važei) и сани (rages); а затѣмъ ubłade (p. 26), въ которомъ мололи зерна, пекли хлѣбъ, пироги и пр.[2]).

Очень хорошо намъ извѣстно, что вышеприведенными выдержками и замѣтками далеко не исчерпанъ вопросъ о литовской хижинѣ. Прежде всего недостаетъ описанія

[1]) Животныя.

[2]) Въ этомъ смыслѣ мы уже объяснили эти слова въ Рефератѣ на III Археолог. Съѣздѣ въ Кіевѣ, 1875 г., стр. 7 (оттиски).

латышскихъ строеній. Но не въ полнотѣ обработки заключалась задача нашего приложенія. Мы желали только показать, что въ XV вѣкѣ и началѣ XVI общій видъ литовскихъ строеній былъ продолговато-круглый, рѣдко ковусообразвый; что строительнымъ матеріаломъ служило исключительно дерево, солома, тростникъ, ситникъ; что ввутри хижины никакихъ балокъ, ни отдѣленій или перегородокъ не существовало; что вездѣ въ срединѣ хижины находился очагъ; что другихъ особыхъ строеній отдѣльнаго вида не было: слѣдовательно и хижина для охраны вѣчнаго огня другого вида имѣть не могла.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

приведенныхъ въ этомъ трудѣ авторовъ.

Dziennik Warszawski 1826. No 11.—1829, № 44.
Edda, die, ed. Simrock. 8-e изд. Stuttgard 1882.
Einhorn Paulus, Historia Lettica. Das ist Beschreibung der Lettischen Nation. Dorpt in Liefland 1649. S. R. Liv. II, 1846.
Einhorn Paulus, Reformatio Gentis Letticae in Ducatu Curlandiae. Riga 1636. S. R. Liv. II, 1846.
Einhorn P., Wiederlegunge der Abgötterey etc. Riga 1627 S. R. Liv. II, 1846.
Enchiridion der kleine Catechismus Dr. Martin Luthers. Teutsch und Preussisch. Ksgb. 1561. См. Berneker p. 22.
Erleütertes Preussen. Bd. I, 2-tes Stück. Kgsb. 1723.
Ewald, Die Eroberung Preussens durch die Deutschen I, 143.
Faber, Preussisches Archiv oder Denkwürdigkeiten der Vorzeit. Dritte Sammlung. Koenigsb. 1810.
Festus ed. Ponor. Budapest 1889.
Fischer, Christian Gabriel. Vernünftige Gedanken von der natur. Koenigsb. 1743.
Friederici, Das preussische Romowe. См. Sitz. Ber. d. Alt. Ges. „Prussia" 1875.
Friederici, Ueber die Lage Romows oder Romowes, des Oberpriestersitzes im heidnischen Preussen. См. A. P. M. Sch. XIII, 1876, p. 227—53.
Frischbier, Preussische Sprichwörter № 4215.
Frischbier, Preussisches Wörterbuch. Ost und Westpreuss. Provinzialismen. Berlin 1822.
Gaidoz, Un vieux rite medicale. Paris 1892.
Georg Friedrich, Mandat съ 1578 г. См. Bezzenberger. Eine neue gefundene litauische Urkunde vom J. 1578. Gött Gel. Anz. 1877 № 12 N. P. P. Bl. 1852, p. 241.
Gigas, Der sogenannte Potrimpos zu Christburg, der sogen. Bartel und die Gustabalde zu Bartelstein. Marienwerder 1877, p. 43. См. Zeitschrift. für den Reg. Bezirk Marienwerder.
Göttinger, Gel. Nachrichten 1877 № 12. 241—264.
Геттингенская рукопись. S. R. P. I, p. 650, IV, p. 216 и прим. 1 и p. 235 прим. f.
Grimm J., Deutsche Mythologie. Göttingen 1854.
Grunau Simon, Preussische Chronik von Dr. M. Perlbach. Lpzg. 1875.
Guagnini Al., Sarmatiae Europeae Descriptio Typis Mattheae Wirzbiętae. Cracoviae 20 Junii 1578.
Guagnini, Prussiae Descriptio изд. Elzevir 1642 г. p. 297.
Гуковскій Конст., Павл., Описаніе Россіенскаго уѣзда. Ковно 1893.
Гуковскій. К. Ковенскій уѣздъ. Ковно 1892.
Guillebert de Lannoy, Voyages etc. См. Lelewel tom XVII Rozbiór dzieł etc. Poznań 1865.
Hartknoch Christophorus, Selectae Dissertationes Historicae. См. Dusburg ed. Hartk.
C. Henneberger, Erklärung der Preussischen grösseren Land-Taffel oder Mappen etc. Kgsbg. 1595.
Henneberger Caspar, Kurtze Beschreibung des Landes zu Preussen. Kgsbg. 1584.
Hennig, Preuss. Wörterbuch. Kgsbg. 1785 p. 84.
Herberstein Sigismundus, Liber Baro. Rerum Moscovitarum Commentarii. Viennae 1549. Basileae 1551.
Hermanni de Wartberge Chronicon Livoniae ed. E. Strehlke. См. S. R. P. II, p. 9—116.
Hieronymus Pragensis. См. Aeneas Sylvius въ S. R. P. IV. Lpzg. 1870, p. 238.
Hoppe, Ortsnamen der Provinz Preussen. A. P. M. Sch XII. 1875 p. 550. 356 XII, 1876 p. 572/3.
Hoppe, Orts und Personennamen der Provinz Preussen. A. P. M. Sch. XV, 1878 p. 579.
Jahrbücher des Meklenburgischen Vereins etc. II.
Jaroszewicz I., Obraz Litwy pod względem jej cywilizacyi etc. Wilno 1844.
Jeschke Martinus. Dissertatio de quercu Romowe, gentilibus olim Prussis sacra. Regiomonti 1674. См. Acta Bor. I.
Jnland. Dorpat 1836, № 39, p. 641.
Jods, der Kriegsgott der Letten. См. Jnland 1840, № 15.
Jucewicz L., Kamienie litewskich bogiń. См. Tygodnik Peterburski 1836 № 17.
Ludwik z Pokiewia (Jucewicz), Litwa pod względem starożytnych zabytków etc. Wilno 1846.
O. Kallas, Einiges über Setud. См. Sitz. Ber. d. gel. estn. Gsschft. 1895, p. 88.
Callimachus Philippus Buonacorsis. Vita et mores Sbignei Cardinalis ed. Dr. Ludovicus Finkel. Leopoli 1891.
Canonicus Sambiensis S. R. P. I. p. 282.
Kartowicz Chata polska. См. Pamiętnik Fizyograficzny T. IV. 1884.
Caspary Robert, Ueber zweibeinige Bäume. См. Schriften der physikalisch-ökonomischen Gesellschaft in Königsberg. XXIII Jahrgang. Kgsbg. 1883.
Catechismus in preüssnischer Sprach und dagegen das deudsche. 1545. См. Bernecker (p. 1—10) = Cat. I.
Catechismus in preüssnischer Sprach gecorrigiret und dagegen das deudsche 1545. См. Bernecker = Cat. II.
Klebs Dr. Richard, Der Bernsteinschmuk der Steinzeit von der Baggerei Schwarzort etc. Kgsb. 1882. См. Beiträge zur Naturkunde.
Klein Daniel, Grammatica Lithuanica. Praemissa praefatione. Regiomonti 1653.
Klein Daniel, Naujos Giesmiu Knygos etc. Karalauczuje M. D. C. L. VI.
Codex diplomaticus ed. Voigt. Kgsb. 1836—1861.
Codex Diplomaticus Warmiensis ed. Woelky und Sage. Bd. I Mainz 1860, Bd. II 1864.
Kojałowicz Albert Wijuk, Historiae Lituanae Pars prior etc. Dantisci 1650.
Collatio Episcopi Varmiensis. См. Ż. L. M. II. 144.
Compte-Rendu du Congrès à Buda Peszt T. I p. 465—480.
Correspondenz-Blatt d. deutschen Gesellschaft f. Anthropologie etc. München 1888, № 1.
Kraszewski Litwa. Wilno 1850. T. I. 69.
Chronicon Livonicum Vetus ed. Hansen S. R. Liv. I. Riga und Leipzig 1857.
Chronicon Dubnicense, См. Historiae Hungariae Fontes Domestici Vol. III p. 143—167.
Kuhn Adalb., Die Herabkunft des Feuers. Berlin 1859.
Curtius Grundzüge der griechischen Etymologie ed. V. p. 325.
Joh. Lasicii Poloni, De diis Samagitarum Libellus. ed. Mannhardt. Riga 1868.
Laskowski. См. Ласицкій.
Laukys Jokybs, Budą Senowęs-Lětuwiû Kalnienû ir Zamajtiû. Petropilie 1845.
Ledebur, Reise nach dem Altai. Berlin 1830.
Lelewel, Polska Dzieje i Rzeczy jej. T. V. См. Akielewicz.
Lelewel, Polska Dzieje i Rzeczy jej. T. XII. Rozbiory Dzieł etc. Poznań 1865.
Lepner Theodorus, Der Preussche Littauer. Danzig 1744.
Linde, Samuel Bogumił. См. Słownik.
Litauische Wegeberichte ed. Th. Hirsch S. R. Pr. II, p. 662—708.
Lohmeyer Dr. Karl, Geschichte von Ost und Westpreussen. Gotha 1880.
Malecki (Maeletius) Hieronymus, Warhafftige Beschreibung der Sudawen auff Samland, sambt jhren Bockheiligen und Ceremonien. S. a. etc.
Malecki (Maeletius) Johannes Libellus, De sacrificiis et idolatria veterum Borussorum, Livonum aliarumque vicinarum gentium etc. scriptus per Joannem Maeletium. 1551.
Mandat съ 1578 г. См. Georg Friedrich.
Mannhardt W., Der Baumkultus der Germanen. Berlin 1875.
Mannhardt W., Antike Wald und Feldkulte. Berlin 1877.
Mannhardt W., Die lettischen Sonnenmythen, Zeitschrift für Ethnologie 1875.

G(ustaw) M(anteuffel) Słupi Róg. Kraków 1885. Оттискъ изъ журн. „Przeglad Powszechny“.

Marcina Urzędowa, Herbarz Polski, etc. Kraków 1595.

Michalo Lituanus, Quaedam ad Lituaniam pertinentia ex fragmentis Michalonis Lituani. См. Respublica sive statns regni Poloniae. Elzev. A. 1642, p. 246.

Mickiewicz A., Konrad Wallenrod.

Mielcke Christ. Gottlieb, Littauisch-deutsches und deutsch-litauisches Wörterbuch etc. Kgsbg. 1800.

Mierzyński, Compte-Rendu du Congrès à Buda-Pest 1876.

Mierzyński, A. Jan Lasicki. Kraków 1870.

Мѣржинскій А. О., Янъ Ласицкій и его сочиненіе De diis Samagitarum. Рефератъ, чит. на III Кіевскомъ Арх. Съѣздѣ 1875.

Mierzyński A., Nuncius cum baculo. Warsz. 1895. См. Wisła.

Mierzyński A., Źródła do Mytologii Litewskiej (= Ż. M. L.). Часть I. 1892, II 1896.

Мѣржинскій, О надровскомъ жрецѣ Crive. Рефератъ въ трудахъ Вил. Арх. Съѣзда томъ I, p. 246.

Мѣржинскій, Прусскій жрецъ Sicco. Труды Моск. Арх. С. 1890. Co znaczzy Sicco. Lwow 1891 (Przewodnik Naukowy i Literacki). Lwów 1891.

Mitteilungen der Litauischen litterärischen Gesellschaft.

Mislenta Coelestinus, Manuale Prutenicum. Regiomonti 1626.

Müllenhof A., Deutsche Alterthumskunde Bd. V. Berlin 1883.

Murinius Marcin См. Woycicki.

Nesselmann G. H. F., Littauische Volkslieder. Berlin 1853.

Nesselmann G. H. F., Thesaurus Linguae Prussicae. Berlin 1873.

Nesselmann G. H. F., Wörterbuch der Littauischen Sprache. Kgsbg. 1851.

Nesselmann N. P. P. B., andere Folge 1852. Bd. I, 241.

Neue Preussische-Provinzial Blätter ed. Hagen und Meckelburg. Kgsb. 1846 sqq.

Neueste Nordische Beyträge. Lpzg. 1793.

Olechnowicz, Pasakos pritirimay weselos ir giesmes, sudierimays lietuwiszkay paraszitos. Wilniui 1861.

Ortelius Abraham, Theatrum Orbis Terrarum 1570 г. См. Schütz изданіе I. Zerbst. 1592 г.

Ostermeyer, Kritischer Beitrag zur Altpreussischen Religionsgeschichte p. 42/3. Marienwerder 1775.

Pamiętnik Fizyograficzny. Tom IV. Warszawa 1884.

Paszkiewicz. O dębie mającym przeszło lat tysiąc zwanym Baublis w Bordzie. Dziennik Warsz. 1826, № ii, p. 37—46.

Paszkiewicz Dyonizy, Kilka słów przedwstępnych etc. Rozmyślanie wieśniaka rolnika etc. См. Dziennik Warsz. 1829, № 44—46.

Pistorius-Joannes, Polonicae historiae corpus etc. Basileae 1582.

Plinius. Historia naturalis. Lib. XIX, c. 10.

Poesche, Die Arier. Jena 1879.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Томъ II. Ипатіевская лѣтопись. С.-Пб. 1843.

Porsch M. H., Wahrscheinliche Untersuchung des Alterthums d. stadt Heiligenbeil. Erleut. Preussen. Bd. II. Kgsbg. 1725, p. 124—140.

Posilge (Johannes von), Chronik des landes Preussen ed Strehlke. См. S. R. P. III.

Praetorius J., Eine neue Weltbeschreibung. Magdeburg 1666—1667.

Praetorius, Deliciae Prussicae, рукопись кенигсбергская.

Praetorius M., Deliciae Prnssicae oder Preussische Schaubühne im wörtlichen Auszuge von Dr. William Pierson. Berlin 1871.

Praetorii Matthiae Nachricht von der Litthauer Art, Natur und Leben.

Preller Griechische Mythologie.

Preller, Römische Mythologie.

Preussische Provinzial Blätter Kgsberg. 1829 sqq.

Preussiche Tempe II, p. 513—522.

Przewodnik Naukowy. Lwów. 1891.

Rhesa, De religionis christianae in Lith. gente primordiis. Regiomonti 1819, p. 15.

Rich Anthony, Illustrirtes Wörterbuch der Römischen Alterthümer. Paris u. Lpzg. 1862.

Rogge Ad., Urpreussen. См. A. P. M. Sch. Bd. XIV, 1877.

Rogge A., Der preussische Landberg, das ältere Romowe. См. A. P. M. Sch. XIV, 1877, p. 582—92.

Rostowski Stanislaus S. I., Lituanicarum S. J. Historiarnm. Vilnae 1768.

Рукопись библіотеки Chigi. См. S. R. P. IV, p. 235.

Рукопись Геттингенская. См. S. R. P. IV, p. 235, var. f.

Sallustius ed. Diez. Jugurta c. XVIII.

Saxo Grammaticus, Historia Danica. Havniae 1858.

Scenen aus dem Volksleben der preussischen Litauer 1838. См. Preuss. Provinzial-Blätter 1838, p. 400.

Schleicher, Litauische Grammatik. Prag 1856.

Schleicher, Sitzungsber der Kais. Ak. d. Wiss. Bd. IX, Wien 1853. Hist-phil. Klasse.

Schleicher, Lituanica Sitz. Ber. d. Kais. Akad. d. Wiss. Bd. XI. Wien 1854.

Scholia in Aristophanis Nubes v. 1005.

Schultzen Theophilus, Compendium grammaticae Lithuanicae. Regiomonti 1673.

Schulz. Einige Bemerkungen über die Nationalität der Litthauer рукопись. Wallenrodsche Bibliothek sig. M. S. № 78. Kgsberg.

Schütz Caspar, Historia rerum Prussicarum, das ist Warhaffte und eigentliche Beschreibung des Landes Preussen. Zerbst 1592, Lpzg. 1599.

Schwartz F. L. W., Der Ursprung der Mythologie. Berlin 1860.

Schwenk, Mythologie der asiatischen Voelker, d. Aegypter, Griechen, Roemer, Germanen und Slaven. Frankfurt a/м 1843 etc.

Scriptores Rerum Prussicarum. Leipzig 1870.

Scriptores Rerum Livonicarnm Riga u. Lpzg. 1846.

Simrock, Die Edda. Stutgard 1882.

Schrader, Sprachvergleichung und Urgeschichte. Jena 1890.

Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia. Kgsbg. 1875. 1893. 94.

Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. Dorpat 1895.

Sitzungsberichte der philos-hist. Classe d. Kais. Ak. d. Wiss. Bd. IX. Wien 1852, p. 549.

Sitzungsberichte der philos- histor. Classe d. Kais. Acad. d. Wissensch. Bd. XI. Wien 1854. См. Schleicher.

Słownik Języka Polskiego Samuela Bogumiła Linde. Lwów 1860.

Słownik Języka Polskiego. Warsz. 1898.

Słownik Geograficzny Królestwa polskiego i innych Krajów słowiańskich. wyd., Sulimierski, Chlebowski, Walewski. T. I—XIV, 1880—1897.

Списокъ населенныхъ мѣстъ Ковенской губ. Ковно 1892.

Списокъ населенныхъ мѣстъ Виленской губ. (Рукоп.).

Спрогисъ И. Я., Географическій словарь древней Жомойтской земли XVI в. Вильна 1888.

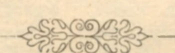
Спрогисъ Ив., Памятники Латышскаго народнаго творчества. Вильна 1868.

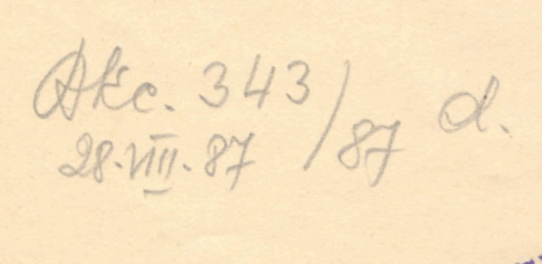
Statuta Synodalia ed. Thiel. Brunsb. 1861.

Stein Caspar, Memorabilia Prussica. См. Acta Borussica. T. I, p. 159 etc.

Stellae Erasmi Libonothani, de Borussiae Antiquitatibus libri duo, ed Th. Hirsch (S. R. P. IV, 275—298)

Stender, Lett. Gr. ed. 2. Mitau 1783.
Strehlke F. und E. Strehlke, Nachrichten über besondere Witterungserscheinungen in Preussen während des 14, 15, 16 und 17 Jahrhunderts. 1873. См. A. P. M. Sch. Kngsbg. 1873, p. 650.
Stryjkowski Maciej, Kronika polska, litewska, żmudzka i wszystkiej Rusi etc. Warszawa 1846 (p. 142, 143, 311).
Szyrwid, Dictionarium trium linguarum. Vilnae 1713.
Tacitus, Annales, lib. I.
Теобальдъ (фонъ Роткирхъ), Литовско-языческіе очерки. Вильна 1890.
Thesaurus Linguae Prussicae, von Nesselmann. Berlin 1873.
Tettau und Temme, Die Volkssagen Ostpreussens, Litthauens und Westpreussen. Berlin 1837.
Thiel A., Jndex lectionum Lycei Hosiani. Brunsbergae 1861, p 9.
Toeppen, Geschichte des Heidenthums in Preussen 1846. См. N. P. Pr. Bl. 1846 I, II.
Toeppen, Geschichte der Preussischen Historiographie. Berlin 1853.
Toeppen, Historisch - comparative Geographie von Preussen. Gotha 1858.
Троицкій Н. И., Слѣды язычества и проч. — Культъ огня, дерева и камни. См. Памятная книжка Тульской губ. на 1893 г.
Трейландь (Бривземняксъ) у Вольтера Мат. p. 69.
Tygodnik Petersburski 1836, № 17, p. 105.
Tylor La civilisation primitive. Traduit par Barbier. Paris 1878 T. II. p. 279—298.
Tschakert, Urkundenbuch zur Reformationsgeschichte. Lpzg. 1890.
Уварова гр. Прасковія Сергѣевна. Кавказъ. Путевыя замѣтки. Ч. I. M. 1887, II. 1891.
Usener H. und F. Solmsen, Litauische und Lettische Götternamen. Bonn 1894.
Vita Sancti Adalberti. См S. R. P. I, p. 327.
Voigt Johannes, Geschichte Preussens Bd. I. Kgsbg. 1827.
Wagner (Erhard), Vita et mores Lithuanorum in Borussia sub districtu Jnsterburgensi et Ragnitensi degentium, brevi delineatione adumbrata. Kgsb. 1621. См. Acta Borussica I, 531 etc.
Waissel T., Chronica Alter Preussischer, Eifflendischer etc. Historien. Kgbg. 1599.
Wartberge, Hermann de, Chronicon Livoniae. Sc. R. Pr. II, p. 9—116 ed. Strehlke.
Wigand, Chronica nova prutenica ed. Th. Hirsch. См. S. R. P. II, 428—662.
Winckler Romowe in Warmien. См. Zeitschrift für d. Gesch. u. Alterthumskunde Ermlands Bd. III Jahrgang 1864—66. Braunsberg 1866.
Wissendorf de Wissokuok Henri, Notes sur la mythologie des Lataviens. Extrait de la Revue des Traditions Populaires. Paris 1893.
Wisła IX 1895. Warsz. 1895.
Woelky, Scriptores Rerum Warmiensium. Brunsbergae 1866.
Wojcicki, Biblioteka Starożytna Pisarzy Polskich. Tom IV. Warsz. 1844.
Wojcicki Klechdy starożytne podania etc. Warsz. 1837.
Ks. Wołonczewski M. Żemajtiu Wiskupiste. Wilniuj 1848.
Вольтеръ Э., Литовскій катехизисъ Daykшu. С.-Пб. 1886.
Вольтеръ Э. А., Матеріалы для этнографіи латышскаго племени Витебск. губ. С.-Пб. 1890.
Wolter E., Perkunastempel und litauische Opfer und Deivensteine. См. Mitteilungen der litau. liter. Gesellschaft., 22 Heft p. 393.
Wulfstan. См. S. R. P. I, p. 732.
Zeitschrift f. Ethnologie. Berl. 1875.
Zeitschrift für die Geschichte und Alterthumskunde Ermlands, Jahrgang 1864—66. Braunsberg 1866.
Zeitschrift des historischen Vereins für den Regierungsbezik Marienwerder. 2-tes heft. Marienwerder 1877, p. 43—49.
Zeel Henricus, Географ. карта Пруссіи. См. Schütz изд. Zerbst 1592 и Ortelius Abraham: Theatrum Orbis terrarum. 1570.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

